

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Самарский национальный исследовательский
университет имени академика С.П. Королева»
(Самарский университет)

На правах рукописи

Беляев Иван Юрьевич

**МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ
НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ**

5.1.5. Международно-правовые науки

Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук

Научный руководитель: доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации

Безверхов Артур Геннадьевич

Самара – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
Глава 1. МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ.....	24
§1.1 Определение, направления и формы международного сотрудничества в области противодействия незаконному обороту наркотических средств.....	24
§1.2 Имплементация составов наркопреступлений международного характера в национальные правовые системы государств-участников антинаркотических конвенций ООН.....	53
§1.3 Реализация государствами-участниками положений антинаркотических конвенций ООН об ответственности за незаконный оборот наркотических средств.....	78
Глава 2. ХАРАКТЕРИСТИКА ПРИЗНАКОВ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, В МЕЖДУНАРОДНОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ.....	99
§2.1 Описание объектов преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, в международном уголовном праве.....	99
§2.2 Формулирование объективной стороны преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, в международном уголовном праве.....	116
§2.3 Субъективная сторона составов наркопреступлений международного характера.....	133
Глава 3. ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ АНТИНАРКОТИЧЕСКИХ КОНВЕНЦИЙ ООН.....	156

§3.1 Экстратерриториальная юрисдикция государств-участников антинаркотических конвенций ООН.....	156
§3.2 Особенности реализации принципов экстрадиции в антинаркотических конвенциях ООН.....	181
§3.3 Международная правовая помощь по уголовным делам государств- участников антинаркотических конвенций ООН.....	204
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	231
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	238
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	265

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Согласно Указу Президента Российской Федерации от 02 июля 2021 г. № 400 «*О стратегии национальной безопасности Российской Федерации*» среди основных угроз государственной и общественной безопасности выделяется деятельность преступных организаций и группировок, в том числе транснациональных, связанная с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ¹.

Незаконный оборот наркотиков и психотропных веществ наносит непоправимый вред жизни и здоровью граждан, подрывает устои общества и государства, способствует росту преступности. В современном мире транснациональный незаконный оборот наркотиков все в большей мере становится основным источником финансирования терроризма.

Уголовно-правовое регулирование в области противодействия незаконному обороту наркотиков в Российской Федерации постоянно совершенствуется, что вызвано как сложностью регулируемых правоотношений, так и стремлением законодателя повысить его эффективность. В этой связи особую актуальность приобретают вопросы оптимизации и эффективности процесса правового регулирования общественных отношений, связанных с правилами оборота наркотических или психотропных средств.

Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ продолжает оставаться одним из важнейших направлений международного сотрудничества. После нескольких лет относительной стабилизации количество новых психоактивных веществ на мировом рынке значительно выросло. Если в 2013 г. за весь год в Российской Федерации были выявлены 37 подпольных лабораторий по производству наркотиков, то за десять лет это число возросло более чем в десять раз и

¹ См.: п. 5 ст.43 Указа Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

составило 390 лабораторий в 2023 г.² В 2024 году из незаконного оборота правоохранительными органами России изъято более 38 тонн подконтрольных веществ, что на 25% больше, чем в предшествующем году³. Распространение новых средств коммуникации, включая цифровые площадки для незаконной торговли наркотиками, мессенджеров и других программ, позволяющих осуществлять зашифрованное взаимодействие, способствует появлению новых форм сбыта наркотических средств⁴.

Растущий транснациональный характер преступности делает невозможным эффективную борьбу с незаконным оборотом наркотических средств без координации усилий заинтересованных государств на международном уровне⁵. Важными вехами в международном противодействии транснациональной наркопреступности стали антинаркотические конвенции ООН, такие как Единая конвенция ООН о наркотических средствах 1961 года, Конвенция ООН о психотропных веществах 1971 года и Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года (далее по тексту Конвенция 1961 г., Конвенция 1971 г. и Конвенция 1988 г.). Вступление в силу каждой антинаркотической конвенции знаменовало собой наступление нового этапа в международном сотрудничестве. Особую роль, в этой связи, играет Конвенция 1988 г., представляющая собой один из самых разработанных и действенных инструментов в области международного уголовного права, призванная стать главной движущей силой в гармонизации национального законодательства и правоприменительного процесса по всему миру⁶.

² World Drug Report 2025. Methodological Annex Research and Trend Analysis Branch. UNODC, Vienna P. 67 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/WDR_2025/Annex/WDR2025_Methodological_Annex.pdf

³ Рубникович М. «33 тонны наркотиков и 200 лабораторий». Генерал МВД — о борьбе с наркопреступностью в России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gazeta.ru/social/2024/12/09/20171888.shtml?ysclid=mjshe91dyh168993470&utm_auth=false

⁴ UNODC, World Drug Report 2023 (United Nations publication, 2023). P. 56. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.unodc.org/unodc/en/data-and-analysis/world-drug-report-2023.html (дата обращения: 10.05.2025)

⁵ Boister, N. (2012). An Introduction to Transnational Criminal Law. Oxford University Press. P.50.

⁶ Stewart, D. P. (1990). "Internationalizing the War on Drugs: The UN Convention against Illicit Traffic in Narcotic Drugs." *Denver Journal of International Law & Policy*, vol. 18, issue 3, pp. 387-404.

Названные конвенции помимо материально-правовых норм, определяющих существенные характеристики уголовно-наказуемых деяний в сфере незаконного оборота наркотических средств, содержат и процессуальные положения, регулирующие порядок уголовного преследования и наказания наркоторговцев. Необходимость закрепления таких норм в международных договорах определяется международным характером совершаемых преступлений в области незаконного оборота наркотических средств. Решение этих задач невозможно без предварительного согласования волею суверенных государств, на территории которых были совершены наркопреступления, в отношении правил определения юрисдикции и экстрадиции подозреваемых в их совершении.

Целью настоящего исследования является формирование целостного представления об эффективности имеющегося международно-правового регулирования противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ; уточнение предмета регулирования в данной сфере и выявление пробелов, в том числе в части характерных признаков наркопреступлений международного характера и особенностей их имплементации во внутреннее законодательство государств.

Данная цель обусловила постановку и решение следующих задач:

- раскрыть место международно-правовых норм, касающихся противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ, как специфического института в системе международного уголовного права;
- уточнить предмет международно-правового регулирования в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ в современных условиях трансформации международного правопорядка;
- выявить пробелы в международно-правовом регулировании сферы противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ

- раскрыть влияние процесса трансформации международного правопорядка в современных условиях на сферу противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ, а также на ее развитие
- установить закономерности и особенности имплементации норм многосторонних международных договоров (конвенций) в законодательство государств-участников
- идентифицировать защитительные оговорки антинаркотических конвенций ООН и определить их роль в гармонизации международных и национальных уголовно-правовых норм в области противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ;
- изучить признаки наркопреступлений международного характера и раскрыть специфику их имплементации в правовых системах государств-участников антинаркотических конвенций ООН;
- выявить основные принципы установления экстратерриториальной юрисдикции в отношении наркопреступлений международного характера;
- раскрыть особенности применения принципа *aut dedere aut judicare* в международно-правовом регулировании экстрадиции лиц, подозреваемых в совершении наркопреступлений международного характера;
- определить место института международной правовой помощи по уголовным делам, связанным с наркопреступлениями международного характера, в системе норм международного права, а также установить процессуальный порядок ее оказания;
- обосновать необходимость внесения поправок в тексты Единой конвенции о наркотических средствах 1961 года, Конвенции о психотропных веществах, Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, а также

Конвенции об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма (CETS N 198).

Степень научной разработанности темы исследования.

Проблемы противодействия незаконному обороту наркотических средств в ходе международного сотрудничества находят широкое освещение в работах как отечественных, так и зарубежных ученых.

Теоретическая база рассматриваемой темы была заложена в работах А.Х. Абашидзе, И.П. Блищенко, Л.Н. Галенской, Н.А. Зелинской, И.И. Карпеца, Н.М. Коркунова, М.И. Лазарева, И.И. Лукашука, Ф.Ф. Мартенса, А.Н. Трайнина, Г.И. Тункина. Значительный вклад в разработку методологических основ исследования внесли такие зарубежные авторы, как М. Бассиони (M. Cherif Bassiouni), Н. Боистер (Neil Boister), Г. Верле (Gerhard Werle), К. Галлант (Kenneth S. Gallant), А. Кассезе (Antonio Cassese), Дж. Флэтчер (George P. Fletcher), С. Чаттаржи (S. K. Chatterjee), А. Эшворт (Andrew Ashworth), И. Марчук (Iryna Marchuk), М. Бадар (M. Elewa Badar).

Непосредственно проблеме противодействия незаконному обороту наркотиков в рамках международного сотрудничества посвящен ряд диссертационных исследований, в которых рассматриваются ее различные аспекты. В диссертации Мансурова⁷ приводятся понятие, характерные признаки и содержание преступлений международного характера как основы международного сотрудничества. С.А. Бокерия⁸ в своем диссертационном исследовании акцентирует внимание на системе противодействия распространению наркотических средств и психотропных веществ в рамках Европейского Союза, а также сотрудничестве Российской Федерации и государств СНГ. В работе А.А. Даниеляна⁹ подробно исследуются такие

⁷ Мансуров Т.Т. Правовые основы международного сотрудничества в борьбе с преступлениями международного характера: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2004.

⁸ Бокерия С.А. Международно-правовое сотрудничество государств в области борьбы с незаконным оборотом наркотических и психотропных веществ: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2006.

⁹ Даниелян А.А. Международно-правовые основы сотрудничества в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков и психотропных веществ: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2006.

вопросы как правовой статус субъектов международного сотрудничества, принципы международного сотрудничества и международно-правовые механизмы противодействия незаконному обороту наркотиков и психотропных веществ.

Приведенные выше работы внесли значительный вклад в исследование проблем противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ в ходе международного сотрудничества. Вместе с тем данные работы не отражают специфику норм антинаркотических конвенций ООН как основы международной системы противодействия незаконному обороту наркотических средств посредством национального уголовного права в рамках международного сотрудничества. В связи с отсутствием в международном уголовном праве норм, обязывающих государства использовать строго определенную структуру состава преступления, положения антинаркотических конвенций ООН сформулированы на основании наиболее распространенных в странах общего и континентального права теорий преступления.

В данном контексте особого внимания заслуживает работа И. Марчук (Iryna Marchuk) «The Fundamental Concept of Crime in International Criminal Law: A Comparative Law Analysis» («Фундаментальная теория преступления в международном уголовном праве: сравнительно-правовой анализ»)¹⁰. В своем исследовании автор исходит из постулата, согласно которому международное уголовное право представляет собой «сплав» («amalgama») норм международного права договоров, обычного права и общих принципов внутригосударственного уголовного права. В работе проводится сравнительно-правовой анализ уголовно-правовых концепций, распространенных в странах общего и континентального права, нашедших применение и получивших дальнейшее развитие в международном уголовном праве. В качестве таких концепций автор называет «actus reus», «mens rea»,

¹⁰ Marchuk, I. (2014). *The Fundamental Concept of Crime in International Criminal Law: A Comparative Law Analysis*. Springer. 313 p.

«tatbestandsmäßigkeit», «la dole» и «состав преступления». В то же время за рамками научного анализа остается специфика применения названных концепций в отношении преступлений международного характера вообще и наркопреступлений в частности.

В упомянутом аспекте выгодно отличается труд С. Чаттаржи (S. K. Chatterjee) «Legal Aspects of International Drug Control» («Правовые аспекты международного наркоконтроля»)¹¹, представляющая собой фундаментальное исследование особенностей правового регулирования, установленного антинаркотическими конвенциями ООН. Однако данная работа была написана до разработки и принятия Конвенции 1988 г. и ограничивается анализом положений Единой конвенции 1961 г. и Конвенции 1972 г.

Поскольку международное и внутригосударственное уголовное право во многом оперируют схожими понятиями и теоретическими конструкциями, прежде всего необходимо разграничить сущностные их аспекты в данных правовых системах. В этой связи особого внимания заслуживают работы Б.И. Нефедова, посвященные анализу основных принципов уголовной ответственности индивидов в контексте как внутригосударственного, так и международного уголовного права¹². В данных работах автор подробно рассматривает сущность принципов *non bis in idem* и *nullum crimen sine lege* в данных правовых системах и приходит к выводу о значительных расхождениях в понимании данных принципов, что влечет за собой необходимость выяснения их конкретного содержания в каждом случае.

Учитывая, что при формулировании составов наркопреступлений в антинаркотических конвенциях ООН используются понятия, отражающие теоретические подходы, распространенные как в странах общего, так и континентального права, в рамках настоящей работы мы опирались на труды

¹¹ Chatterjee, S.K. (1981). *Legal Aspects of International Drug Control*. Springer. 587 p.

¹² См.: Нефедов Б.И. Являются ли основные принципы уголовной ответственности индивидов общими принципами права? Часть 1: Принцип *nullum crimen sine lege* («нет преступления без указания на него в законе») // *Международное правосудие*. 2025. Т. 15, № 3(55). С. 66-77.; Нефедов Б.И. Являются ли основные принципы уголовной ответственности индивидов общими принципами права? Часть 2: принцип *non bis in idem* («не дважды за одно и то же») // *Международное правосудие*. 2025. Т. 15, № 4(56). С. 65-79.

авторов, проводящих сравнительно-правовые исследования в этой области. Например, Г.А. Есаков, И.Д. Козочкин, Н.Е. Крылова, А.В. Наумов, Б.С. Никифорова, М.Д. Шаргородский, применяя метод сравнительно-правового анализа, внесли существенный вклад в развитие доктрины международного уголовного права.

Поскольку определение субъективной стороны наркопреступлений международного характера базируется на теории *mens rea*, особую значимость приобретает одна из последних книг М. Бадара (M. Elewa Badar) «The Concept of Mens Rea in International Criminal Law» («Теория *mens rea* в международном уголовном праве»)¹³. Эта работа представляет собой комплексное сравнительно-правовое исследование концепции *mens rea*, охватывающее историю ее возникновения, формирования и развития в английском, американском, немецком, французском, китайском и российском уголовном праве. Автор детально анализирует влияние практики международных трибуналов и Международного уголовного суда на развитие современной концепции *mens rea*. Вместе с тем не смотря на стремление автора создать единую теорию *mens rea*, в ней также не рассматриваются особенности установления *mens rea* применительно к преступлениям международного характера, включая наркопреступления.

Также вопросы учения об элементах составов преступления в международном уголовном праве исследуются в работах А.Ю. Скуратовой¹⁴. Автор исследует особенности регулирования положений о субъективной стороне преступления в международном уголовном праве, а также обозначает сложности толкования, связанные с различием значений терминов в разных правовых системах и семьях.

В работе Н.А. Зелинской «Международные преступления и

¹³ Badar, M.E. (2013). The Concept of Mens Rea in International Criminal Law. The Case for a Unified Approach. Oxford and Portland, Oregon.

¹⁴ См.: Скуратова А.Ю. Особенности регулирования субъективной стороны преступления в международном уголовном праве // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2025. – № 2. – С. 6-11; Скуратова А.Ю. Особенности содержания и применения принципа законности в международном уголовном праве // Российский юридический журнал. – 2024. – № 1(154). – С. 7-24.

международная преступность»¹⁵ дается авторская интерпретация такой разновидности международной преступности как «транснациональная преступность», а также определение «транснационального уголовного права» как подотрасли международного уголовного права. Автором дается характеристика, в частности, таким преступлениям международного характера как терроризм, незаконная торговля людьми, незаконное изготовление и оборот оружия, но подробное описание наркопреступлений в этой работе отсутствует. Также как отсутствует упоминание о наркопреступлениях международного характера в работе А.К. Князькиной «Конвенционные преступления в уголовном праве Российской Федерации: понятие, виды, общая характеристика»¹⁶.

Объектом диссертационного исследования являются международные правоотношения, складывающиеся в результате международного сотрудничества в сфере противодействию незаконному обороту наркотических средств и сходных с ними веществ в современных условиях трансформации международного правопорядка.

Предметом исследования выступают многосторонние и двусторонние международные договоры, внутренне законодательство государств-участников антинаркотических конвенций ООН, а также международная и национальная судебная практика в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств и сходных с ними веществ.

Методологическую основу диссертационного исследования составляет всеобщий диалектический метод познания. При написании диссертации использовались сравнительно-правовой, логико-юридический, системный, структурный, юридико-технический, лингвистический и иные методы изучения правовых явлений.

¹⁵ Зелинская Н.А. Международные преступления и международная преступность. Монография / Зелинская Н.А. - Одесса: Юридическая литература, 2006. - 568 с.

¹⁶ Князькина А.К. Конвенционные преступления в уголовном праве Российской Федерации: понятие, виды, общая характеристика: Монография / Князькина А.К.; Под ред.: Чучаев А.И. - М.: Проспект, 2010. - 160 с.

Эмпирическую основу исследования составляют универсальные международные договоры; официальные отчеты конференций ООН по принятию Единой конвенции 1961 г, Конвенции 1971 г., Конвенции 1988 г.; законодательство Российской Федерации и иностранных государств; акты международных судебных органов, включая Международный уголовный суд и международные трибуналы ad hoc; решения российских и зарубежных судов.

Теоретической основой исследования послужили работы отечественных и зарубежных авторов. Основой анализа проблемы международного сотрудничества в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств и сходных с ними веществ послужили труды таких известных отечественных ученых, как А.Х. Абашидзе, И.П. Блищенко, Л.Н. Галенская, Н.А. Зелинская, И.И. Карпец, Н.М. Коркунов, М.И. Лазарев, И.И. Лукашук, Ф.Ф. Мартенс, Б.И. Нефедов, А.Ю. Скуратова, А.Н. Трайнин, Г.И. Тункин.

При написании диссертации автор обращался к работам таких зарубежных авторов, как М. Бассиони, Н. Боистер, Г. Верле, С. Галлант, А. Кассезе, Д. Флэтчер, С. Чаттаржи, А. Эшворт.

Положения, выносимые на защиту.

1. Одной из тенденций современности является расширение и углубление международного сотрудничества государств в области правового противодействия незаконному обороту наркотических средств и сходных с ними веществ. Под международным сотрудничеством в сфере правового противодействия наркообороту следует понимать основанную на нормах международного права совместную комплексную деятельность государств по созданию и применению материальных и процессуальных международно-правовых и внутригосударственных норм в целях обеспечения глобальной и региональной наркобезопасности мирового сообщества.

2. Международное антинаркотическое право чрезвычайно широко определяет объект преступных посягательств, связанных с незаконным

оборотом наркотических средств и сходных с ними веществ, включая в его перечень такие категории как: «здоровье человечества», «благополучие человечества», «здоровье населения», «здоровье и благополучие людей», «экономические, культурные и политические основы общества», «стабильность, безопасность и суверенитет государств», «экономическая и социальная безопасность человечества», а также отдельные блага и ценности отдельных лиц – жертв наркопреступлений. Одновременно с таким крайне широким перечнем объектов международной охраны, наркопреступления признаются не международными преступлениями *stricto sensu*, а транснациональными преступлениями (преступлениями международного характера). В целях совершенствования правового регулирования международных антинаркотических конвенций в качестве объекта охраны следует признавать здоровье человечества.

3. Определение предмета наркопреступлений в международном праве напротив является крайне узким. Международное право придерживается «списочного» подхода к запрещению средств и веществ, индивидуально определяя каждое вещество и помещая в соответствующие списки контроля, категория «аналог» наркотического средства или психотропного вещества международному праву неизвестна. Количество индивидуально определенных средств и веществ в международном праве значительно меньше даже в сравнении с внутригосударственным правом Российской Федерации, использующим подход индивидуальной системы контроля.

4. Обоснованно, что составы международных наркопреступлений, закрепленные в антинаркотических конвенциях ООН, для целей имплементации возможно разделить на три группы, исходя из конструкции характера их объективных признаков:

1) Преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, связанные с производством и поставкой последних;

2) Преступления, сопряженные с конверсией или переводом собственности, а также с отмытием доходов от незаконного оборота наркотических средств и сходных с ними веществ;

3) Преступления, связанные с оборудованием и материалами, используемыми для незаконного оборота названных веществ.

Преступления, перечисленные в первых двух пунктах, являются обязательными для имплементации государствами-участниками и не предусматривают оговорок, связанных со внутренним законодательством сторон. Тем самым противодействие данным наркопреступлениям является особенно важным для международного сотрудничества, поскольку при их совершении предусматривается возможность применения конфискации, осуществление экстрадиции и оказание правовой помощи.

5. В ходе имплементации признаков субъективной стороны составов наркопреступлений в национальных правовых системах законодателью необходимо принимать во внимание действие двух основных факторов. Во-первых, формирование требований к субъективной стороне преступлений в практике международных судов и трибуналов *ad hoc* путем использования теоретико-правовых конструкций, характерных для различных правовых семей.

Во-вторых, формулирование критериев виновного поведения в странах англо-американского и романо-германского права опирается на различные учения о преступлении, согласно которым состав преступления может включать два, три или четыре элемента. В этой связи установленные в антинаркотических конвенциях ООН такие стандарты виновного поведения, как «осознание», «намерение» и «цель» охватываются понятиями прямого и косвенного умысла в терминах и концепциях, принятых в отечественном учении о составе преступления.

В связи с тем, что содержание признаков субъективной стороны составов международных наркопреступлений не раскрывается, то их правовая характеристика может быть определена в ходе сравнительно-правового

анализа уголовного законодательства и доктрины государств-участников. В антинаркотических конвенциях ООН указывается, что международные наркопреступления совершаются преднамеренно, а именно со «знанием» (knowledge), «намерением» (intent) или «целью» (purpose). Тем самым используются критерии виновного поведения, характерные для стран правовой семьи общего права. Данные признаки субъективной стороны в странах правовой семьи континентального права в общем виде соответствуют следующим видам виновного поведения. Совершение наркопреступления с «целью» в значительной степени соответствует признаку «*dolus directus* первой степени» в Германии, «*dolus generalis*» во Франции и «прямому умыслу» в России. Такой признак как «намерение» имеет в качестве своего примерного эквивалента «*dolus directus* второй степени» в Германии, «*dolus specialis*» во Франции и «косвенный умысел» в России. Критерий совершения наркопреступления со «знанием» не имеет непосредственного аналога в правовых системах государств-участников, принадлежащих правовой семье континентального права. В названных странах признак «знание» может относиться как к умышленной, так и неосторожной форме вины в терминах российского уголовного права. В последнем случае привлечение к уголовной ответственности за совершение деяний, предусмотренных антинаркотическими конвенциями ООН, не является обязательным для государств-участников. Нижней границей умысла при совершении деяний в сфере незаконного оборота наркотических средств в рассматриваемых конвенциях ООН является *dolus eventualis*.

6. Антинаркотические конвенции содержат в себе общие нормы о наказании за незаконный оборот наркотических средств и сходных с ними веществ, без конкретизации видов и пределов назначаемых наказаний в зависимости от совершенного посягательства. В Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ используется формулировка «фактические обстоятельства, отягчающие правонарушения» в английском тексте при характеристике рассматриваемых

обстоятельств, а не термин «отягчающие обстоятельства (aggravating circumstances)», являющийся характерным для стран общего права. Использование такой формулировки позволяет государствам как континентального, так и общего права, предусмотреть перечисленные в норме указанной статьи обстоятельства либо в качестве конструктивных признаков составов преступлений (квалифицирующих признаков), либо в качестве обстоятельств, отягчающих уголовную ответственность. При определении же сроков и размеров наказаний государства-участники должны исходить из того факта, что все без исключения наркопреступления являются «серьезными преступлениями». Нормы антинаркотических конвенций ООН предусматривают уголовную ответственность за совершение преступлений с различными формами соучастия, а также неоконченные преступления. Виды же и пределы наказаний должны определяться с учетом защитительных оговорок о «конституционных ограничениях», «системе права» и «внутреннем законе» государства-участника. В свою очередь, Модельный кодекс о наркопреступлениях, разработанный Управлением ООН по наркотикам и преступности, предусматривает положение, согласно которому не должно проводиться дифференциации наказания за оконченное и неоконченное деяние.

Установлено, что не во всех государствах-участниках соблюдается требование ст. 3(4) Конвенции 1988 г. об обязательном назначении лишения свободы за серьезные наркопреступления и использование штрафа только как дополнительного наказания. Так, уголовное право Англии позволяет назначать такие наказания альтернативно. При этом наибольшие разночтения в уголовном праве государств – участников универсальных антинаркотических конвенций ООН имеют место в определении наказания за хранение наркотических средств и психотропных веществ в целях личного употребления. Подходы государств здесь разнятся от полной или частичной депенализации такого вида хранения до установления уголовного наказания, включая лишение свободы.

7. На основании анализа подготовительных материалов (*travaux preparatoires*) антинаркотических конвенций ООН делается вывод о неправомерной формулировке вводного параграфа ст. 3(с) Конвенции 1988 г. в тексте на русском языке. В названном параграфе указывается на то, что ст. 3(с) действует с учетом «конституционных положений» сторон. Однако в данном случае речь идет не о «конституционных положениях», а о «конституционных принципах». Названное различие имеет важное значение, поскольку употребление термина «конституционные принципы» вместо «конституционные положения» было вызвано стремлением государств-участников ограничить возможность неисполнения соответствующих международно-правовых норм.

8. Положения Конвенции 1961 г. предусматривают установление юрисдикции прежде всего на основании принципа территориальности, позволяя в ограниченном числе случаев руководствоваться принципом субсидиарной универсальности. При этом установление юрисдикции на основании принципа субсидиарной универсальности обуславливается возможностью применения защитительной оговорки. Рекомендательный характер юрисдикционных норм Конвенции 1961 г. не способствовал повышению эффективности борьбы с незаконным оборотом наркотических средств. Основное достижение Конвенция 1971 г. заключается в расширении сферы правового регулирования за счет включения психотропных веществ. Однако нормы, посвященные установлению и осуществлению юрисдикции, претерпели мало изменений по сравнению с Конвенцией 1961 г. и опираются на принцип территориальности. Расширение территориальной юрисдикции возможно на основании обязательства *aut dedere aut judicare*, применяющегося с учетом конституционных ограничений, особенностей правовой системы и основных правовых принципов государств-участников.

Правовое регулирование вопросов установления и осуществления получило свое развитие в Конвенции 1988 г. Государства-участники получили возможность устанавливать юрисдикцию в отношении преступлений: 1)

совершенных их гражданами или лицами, постоянно проживающими на их территории; 2) на борту судна за пределами территориального моря; 3) являющихся сговором за пределами их территорий с целью осуществления преступных деяний на их территории. В то же время Конвенция 1988 г., признавая различные концептуальные основания для установления юрисдикции, не содержит норм, предусматривающих способ разрешения конфликта юрисдикций. В Конвенции 1988 г. не нашли своего разрешения два конфликтующих подхода стран континентального и общего права в отношении применения обязательства *aut dedere aut judicare* при установлении экстратерриториальной юрисдикции.

9. Экстрадиция лиц, подозреваемых в совершении международных наркопреступлений, в соответствии с Конвенции 1988 г. осуществляется на основании принципа *aut dedere aut judicare*. Автор приводит доводы в поддержку положения, согласно которому отказ запрашиваемого государства-участника от экстрадиции не является безусловным основанием для проведения расследования, а зависит от решения государства осуществлять экстратерриториальную юрисдикцию. В работе обосновывается тезис о том, что экстрадиция за совершение международных наркопреступлений возможна только при соблюдении требований «двойной криминальности», «экстрадиционности преступления» и «специализации».

10. Проведенный в рамках исследования анализ международной правовой помощи государствами-участниками антинаркотических конвенций ООН показал следующее:

Во-первых, изучение системного взаимодействия между национальным и международным уровнями правового регулирования в рамках комплексного правового института взаимной помощи позволит повысить эффективность противодействия незаконному обороту наркотических средств правовыми средствами. Учет комплексного характера связей между внутригосударственными и международными нормами в механизме правового регулирования оказания взаимной правовой помощи будет

способствовать достижению их гармонизации в рамках правовых систем государств-участников антинаркотических конвенций ООН.

Во-вторых, осуществление взаимной правовой помощи носит обязательный характер только в отношении преступлений, перечисленных в ст. 3(1) Конвенции 1988 г., т.е. связанных с незаконным оборотом наркотических средств. Оказание взаимной правовой помощи при расследовании деяний, связанных с хранением, приобретением или культивированием наркотических средств для личного потребления носит диспозитивный характер.

В-третьих, положения конвенций ООН о взаимной правовой помощи в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств распространяются как на стадию доследственной проверки, так и на последующие стадии уголовного процесса, в отличие от норм Европейской конвенции о взаимной помощи в уголовных делах 1959 г., предусматривающих взаимную помощь только на судебной стадии. Такое расширение области взаимной правовой помощи по уголовным делам как одного из направлений международного сотрудничества обусловлено необходимостью усиления борьбы государств-участников с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ.

В-четвертых, хотя перечень действий по оказанию взаимной правовой помощи в отношении преступлений, предусмотренных ст. 3(1) Конвенции 1988 г., в ст. 7(2) носит закрытый характер, государства-участники могут использовать иные формы взаимной помощи, такие как экспертное исследование веществ на предмет их отнесения к наркотическим средствам, установление личности и местонахождения лиц, перехват сообщений дальней связи и проведение очной ставки между обвиняемым и свидетелями.

В-пятых, положения антинаркотических конвенций ООН, позволяющие осуществлять арест и конфискацию имущества, предположительно связанных незаконным оборотом наркотических средств и без вынесения обвинительного приговора, не нарушают ст. 1 Протокола № 1 к Европейской

конвенции о защите прав человека. Возложение бремени доказывания законности происхождения данного арестованного имущества на лиц, у которых оно обнаружено, не может считаться нарушением ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека.

Научная новизна исследования выражается в полученных новых знаниях в результате комплексного анализа материальных и процессуальных норм Конвенций ООН в сфере незаконного оборота наркотических средств и сходных с ними веществ; выявлении различий в теоретических подходах к определению структурных элементов состава международного наркопреступления в государствах-участниках антинаркотических конвенций ООН, принадлежащих к правовым семьям общего и континентального права; проведении сравнительно-правового анализа норм международного и национального уголовного права как основы международного сотрудничества в рассматриваемой области; формулировании предложений, направленных на совершенствование положений соответствующих международных договоров.

Теоретическая значимость диссертации состоит в дальнейшем развитии концептуальных основ учения о международном сотрудничестве в области противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ, определении особенностей подходов к правовым запретам данных деяний в странах общего и континентального права, а также об установлении экстратерриториальной юрисдикции в отношении рассматриваемых преступлений и оснований экстрадиции лиц, подозреваемых в их совершении.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использовании результатов проведенного исследования для повышения эффективности международного сотрудничества в сфере незаконного оборота наркотических средств и сходных с ними веществ.

Сформулированные в работе характерные черты системы противодействия незаконному обороту наркотиков, основывающейся на

антинаркотических конвенциях ООН, могут учитываться в законотворческой и правоприменительной деятельности.

Выводы, полученные в результате сравнительно-правового анализа структурных элементов преступления, выделяемых в странах общего и континентального права, могут использоваться при составлении проектов международно-правовых актов в области международного сотрудничества, направленного на противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ.

Материалы исследования могут быть применены в научно-исследовательской работе, а также в преподавании международно-правовых дисциплин «Международное право», «Международное уголовное право», спецкурса «Международное сотрудничество в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков» в высших учебных заведениях Российской Федерации.

Апробация результатов исследования. Основные идеи и положения, изложенные в диссертации, нашли отражение в 17 публикациях автора по тематике исследования общим объемом 11,5 печатных листов. Также 8 статей опубликованы в изданиях, входящих в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации.

Теоретические положения и полученные выводы диссертационного исследования также были апробированы в ходе выступлений диссертанта на XIX Международном конгрессе «Блищенковские чтения» (г. Москва, РФ); Международной научно-практической конференции «Современное международное право: проблемы и вызовы» (г. Самара, РФ); Международной конференции «Научная обоснованность в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии», посвященной 70-летию со дня рождения доктора юридических наук, профессора, заведующего кафедрой уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова Владимира Сергеевича Комиссарова (г. Бишкек, Кыргызстан);

XIII Международной научной конференции «Право между защитой и злоупотреблением» (г. Пале, Босния и Герцеговина); Международной научно-практической конференции «Проблемы доказывания в уголовном процессе: истоки, современность, международный опыт», посвященной 100-летию юбилею доктора юридических наук, профессора Шейфера Семена Абрамовича (г. Самара, РФ); Всероссийской научно-практической конференции «Защита прав органами прокуратуры (к 300-летию российской прокуратуры)» (г. Самара, РФ); Всероссийской научно-практической конференции «Государство и право: вопросы методологии, истории, теории и практики функционирования» (г. Самара, РФ); Всероссийской научно-практической конференции «Кодификация российского законодательства: история, теория и практика» (г. Самара, РФ) и других научно-практических конференциях.

Структура диссертации обусловлена предметом, целями и задачами исследования. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, включающих девять параграфов, заключения, списка использованной литературы и приложения.

Глава 1. МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

§1.1 Определение, направления и формы международного сотрудничества в области противодействия незаконному обороту наркотических средств

Общественно-гуманитарное знание в общем и юридическое знание в частности отличает наиболее внимательное отношение к значению употребляемых слов и терминов: вспоминая слова классика, «в правильном определении имен лежит первая польза речи, а именно приобретение знания»¹⁷. Нельзя не согласиться с приведенным изречением, а потому вначале следует определиться с терминологией, используемой в настоящем исследовании.

Необходимо прежде всего определиться с определением международного сотрудничества. Данная концепция является центральной в доктрине международного права и позиции исследователей при определении его сущности, конкретных форм, видов и направлений возможно разделить на две группы: подходы *sensu lato*, определяющие международное сотрудничество как принцип или идею, распространяющуюся на весь нормативный материал международного права и подходы *sensu stricto*, воспринимающие международное сотрудничество либо как правовую помощь по конкретным делам (аналогично с совместными операциями государств), либо как комплекс взаимодействий государств по четко очерченной группе вопросов.

Начнем с анализа широкого подхода к определению международного сотрудничества. Так, И. И. Лукашук определяет само международное право через рассматриваемую категорию: «международное право - это система юридических принципов и норм, регулирующих межгосударственные

¹⁷ Левиафан / Томас Гоббс. - Москва: Мысль, 2001. С. 32.

отношения в целях обеспечения мира и сотрудничества»¹⁸. В приведенном определении международное сотрудничество возводится в ранг цели правового регулирования, поскольку «международное право носит межгосударственный, а не надгосударственный характер»¹⁹. Нормативным подтверждением такой природы сотрудничества выступают цели Устава ООН, которые, согласно положениям п. 1 ст. 33 Венской конвенции о праве международных договоров, используются для целей толкования их положений. Согласно позиции И. И. Лукашук, Устав ООН, будучи универсальным договором, учреждающим всю систему современного международного права, предусматривает в качестве его цели сотрудничество государств в деле разрешения международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера и в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам²⁰. Определяя же сам принцип международного сотрудничества, Лукашук настаивает на его юридической природе, относя его к перечню «идей», пронизывающей все остальные принципы международного права²¹. К ключевым направлениям международного сотрудничества относят поддержание мира и безопасности, обеспечение всеобщего уважения прав человека, развитие международных отношений в экономической, социальной, культурной, технической и торговой сферах, взаимодействие с Организацией Объединённых Наций и выполнение мер, предусмотренных её Уставом, а также содействие глобальному экономическому росту, с особым вниманием к развивающимся государствам²². Сказанное позволяет сделать вывод о фундаментальном значении сотрудничества для всей системы международного права, в

¹⁸ Международное право. Общая часть: учеб. для студентов юрид. фак. и вузов / И.И. Лукашук; Рос. акад. наук, Инт государства и права, Академ. правовой унт. - Изд. 3е, перераб. и доп. - М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 16.

¹⁹ Там же, с. 16.

²⁰ Там же, С. 83.

²¹ Там же, с. 165.

²² Там же.

соответствии с которым его нормы формируются и применяются в соответствии с идеей сотрудничества.

Сходной позиции придерживается А. Я. Капустин, именуя принцип сотрудничества основой деятельности ООН²³. Данный принцип подчинен достижению определенных международными договорами целей (поддержание международного мира и безопасности, повышение общего благосостояния народов и т.д.). Принцип сотрудничества, выступая в качестве основополагающего принципа, обладающего всеобщим характером (обязательство *erga omnes*), совместно с иными принципами является ядром общего международного права и на его основании выстраивается вся система международного права²⁴. В отличие от позиции И. И. Лукашука, А. Я. Капустин именует конкретные виды сотрудничества не направлениями, а целями сотрудничества. В то же время данная концепция также свидетельствует о системообразующем значении рассматриваемого принципа для всей системы международного права.

В науке существуют также отраслевые определения международного сотрудничества: так, А. Ю. Скуратова определяет международную борьбу с преступностью как скоординированную деятельность государств и иных субъектов международного права в соответствующей предметной области (предупреждение, пресечение преступлений и т.д.)²⁵. Приведенное определение приравнивает международную борьбу с преступностью к сотрудничеству государств в данной отрасли международного права, предусматривающее три основных направления: признание определенных деяний как особо опасных и осуществление скоординированных действий с целью их пресечения; оказание правовой помощи; осуществление экстрадиции лиц, обвиняемых в совершении преступлений²⁶. В данной

²³ Международное право. Общая часть: учебник для академического бакалавриата / под редакцией А. Я. Капустина. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. С. 125.

²⁴ Там же, с. 117-118.

²⁵ Международное право: учебник для вузов / А. Н. Вылегжанин [и др.]. - 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2025. С. 486.

²⁶ Там же.

концепции международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью, воспроизводящей широкий подход к определению данной категории, отдельно выделяется такая область сотрудничества, как «признание определенных деяний как особо опасных»: такое основное направление сотрудничества предполагает заключение международных договоров, криминализирующих и пенализирующих соответствующие деяния.

Создание материальных норм международного права как самостоятельное направление сотрудничества государств также выделяет С. А. Бокерия. Договорно-правовая координация мер по противодействию незаконному обороту наркотиков реализуется через международные соглашения, которые одновременно определяют общественную опасность соответствующих деяний и закрепляют необходимость применения согласованных мер для борьбы с этим видом международного преступления²⁷. Формулировка «договорно-правовая координация» напрямую указывает на включение в перечень конкретных форм и направлений международного сотрудничества создание материальных норм, в которых предусматривается ответственность за совершение соответствующих деяний.

Рассмотренные определения международного сотрудничества в рамках широкого подхода позволяют выделить следующие основные черты данной категории:

- 1) Международное сотрудничество является идеей, находящей отражение во всех принципах международного права;
- 2) Сотрудничество государств носит системообразующий характер для всей системы международного права;
- 3) Выделяется множество форм и направлений сотрудничества, в перечень которых включаются как конкретные операционно-процедурные

²⁷ Международно-правовое сотрудничество государств в области борьбы с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ / С.А. Бокерия: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. - М.: РГБ, 2006. С. 6.

меры, так и в целом договорная координация усилий государств в соответствующей предметной области.

Сторонники же узкого подхода к определению международного сотрудничества предлагают иные определения рассматриваемой категории. Так, С. В. Черниченко определяет сотрудничество как предмет регулирования: нормы международного права, регулирующие сотрудничество государств по какой-либо группе проблем, образуют отрасли международного права²⁸. Заключение международных договоров в частности и создание норм международного права в целом является этапом, предшествующим международному сотрудничеству, которое осуществляется на основании данных норм.

Е. Г. Ляхов рассматривает международное сотрудничество в сфере борьбы с преступностью как особую форму деятельности государств и других участников международного взаимодействия, направленную на предупреждение преступлений, противодействие им и регулирование отношений с правонарушителями; при этом координация усилий международного сообщества по борьбе с преступностью понимается как совместная деятельность государств по противодействию отдельным категориям преступлений на основе международных соглашений²⁹. В приведенном определении категория сотрудничества аналогично является производной и заключается в трех основных направлениях: предупреждение, борьба с преступностью и обращение с правонарушителями. Данные направления деятельности заключаются в конкретных организационных и процедурных формах сотрудничества.

Механистическое определение международного сотрудничества в определенной сфере (противодействие незаконному обороту наркотиков) содержится в исследовании А. А. Даниеляна. Согласно такому подходу, под международным сотрудничеством следует понимать «сложный и

²⁸ Международное право: Учебник / Отв. ред. д.ю.н., проф. С.А. Егоров. – М.: Статут, 2016. С. 270.

²⁹ Там же, С. 506.

многогранный механизм взаимодействия государств, в котором проявляется способность мирового сообщества совместно решать глобальные проблемы человечества»³⁰. Использование категории «механизм» указывает на институциональный характер сотрудничества государств, учреждаемый нормами международного права и заключающийся в конкретных функциях и действиях соответствующих институтов. Также А. А. Даниелян предлагает определение субъектов международного сотрудничества, под которыми следует понимать участников международных отношений, чьи цели, задачи и практическая деятельность направлены на реализацию конкретных форм международного сотрудничества³¹. В историческом контексте международное сотрудничество представляет собой информационное взаимодействие таких субъектов, а равно проведение совместных операций³². На региональном уровне также существуют институциональные структуры, осуществляющие такое сотрудничество³³. Согласно данной концепции, международное сотрудничество представляет собой механизм взаимодействия его субъектов, осуществляемое на основании норм международного права и в конкретно определенных формах.

Сходное механистическое определение международного сотрудничества предлагает Л. А. Лазутин. Так, международное сотрудничество «означает целенаправленную и постоянную, совместную и согласованную, широкую по масштабам и разнообразную по формам и направлениям деятельность компетентных правоохранительных органов, затрагивающую общие интересы сотрудничающих государств и направленную на достижение единых целей»³⁴. Формы сотрудничества

³⁰ Международно-правовые основы сотрудничества в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков и психотропных веществ / А.А. Даниелян: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. - М.: РГБ, 2006. С. 58.

³¹ Международно-правовые основы сотрудничества в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков и психотропных веществ / А.А. Даниелян: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. - М.: РГБ, 2006. С. 30.

³² Там же, С. 28.

³³ Там же, С. 52.

³⁴ Международное сотрудничество и правовая помощь / Л. А. Лазутин // Законность. - 2008. - №3. - С. 34.

закключаются в оперативном взаимодействии уполномоченных субъектов, а равно любых процессуальных действий, касающихся предметов международного сотрудничества. Механистичность рассматриваемого определения заключается в четко определенном перечне субъектов соответствующей деятельности, в перечень которых входят исключительно правоохранительные органы. В то же время, в перечень основ международного сотрудничества входят не только нормы международного права, но и нормы внутригосударственного права заинтересованных государств³⁵. Приведенная концепция сотрудничества включает в себя следующий ряд его признаков: целенаправленность, постоянство, совместность, согласованность, масштабность, разнообразность форм и направлений, механистичность, комплексность (сочетание в качестве нормативных основ международного и внутригосударственного права).

Приведенные определения международного сотрудничества в рамках узкого подхода позволяют выделить следующие характерные черты данной категории:

- 1) Производность от норм международного и внутригосударственного права;
- 2) Четкая определенность форм взаимодействия;
- 3) Субъектная определенность сотрудничества;
- 4) Механистичность форм и направлений сотрудничества.

В приведенном многообразии определений международного сотрудничества существует общая черта: все определения и подходы включают в себя такие категории как «форма» и «направление» сотрудничества. Так, среди «направлений» общего сотрудничества (в значении принципа международного права) И. И. Лукашук выделяет такие направления международного сотрудничества, как «поддержание мира и безопасности, всеобщее уважение прав человека, развитие международных

³⁵ Международное сотрудничество и правовая помощь / Л. А. Лазутин // Законность. - 2008. - №3. - С. 36.

отношений в экономической, социальной, культурной, технической и торговой сферах, сотрудничество с ООН с реализацией мер, предусмотренных её Уставом, а также содействие глобальному экономическому росту, особенно в развивающихся странах»³⁶. Указанные направления прямо закреплены в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН 1970 г., а также отражены в положениях самого Устава Организации. Согласно данному содержанию направлений сотрудничества, рассматриваемый термин представляет собой перечень проблем, для разрешения которых государства осуществляют совместную деятельность. Такой способ определения развивает следующие признаки сотрудничества: целенаправленность, постоянство, совместность, согласованность.

Сходный подход существует при определении отраслевых направлений сотрудничества государств. Например, Е. Г. Ляхов в отношении борьбы с преступностью выделяет следующие: экстрадиция и оказание правовой помощи; научно-информационное направление; оказание профессионально-технической помощи; договорно-правовая координация борьбы с преступностью; национально-правовое и международно-правовое учреждение и деятельность международных институциональных органов и организаций по противодействию преступности³⁷. Исходя из приведенного перечня возможно усмотреть общие черты с рассмотренным выше подходом к определению сотрудничества, а именно проблемность, совместность и согласованность. Однако, в отличие от более широкого способа, такое определение является более предметным и узким, поскольку включает в виде направлений конкретные совместные меры сотрудничества (экстрадиция, оказание правовой помощи и т.д.). Телеологический (с точки зрения сотрудничества) характер таких мер подразумевается, однако не является очевидным.

³⁶ Международное право. Общая часть: учеб. для студентов юрид. фак. и вузов / И.И. Лукашук; Рос. акад. наук, Инт государства и права, Академ. правовой унт. - Изд. 3е, перераб. и доп. - М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 165.

³⁷ Международное право: Учебник / Отв. ред. д.ю.н., проф. С.А. Егоров. – М.: Статут, 2016. С. 505-506.

Одним из наиболее широких определений отраслевого сотрудничества государств является концепция, предложенная С. А. Бокерией: согласно ее концепции, ключевыми направлениями сотрудничества в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ являются договорно-правовая координация на основе международных соглашений, закрепляющих общественную опасность соответствующих деяний и необходимость применения согласованных мер; обеспечение неизбежности наказания за совершённые преступления и оказание правовой помощи, включая выдачу преступников; а также предоставление запрашиваемой информации и реализация иных форм технического сотрудничества³⁸. Такой широкий способ определения направлений сотрудничества позволяет распространять его не только на этап совместных операций государств или иных форм институционального взаимодействия, но и на этапы международного и внутригосударственного нормотворчества.

Формы международного сотрудничества раскрываются некоторыми исследователями через институциональный критерий: например, Е. Г. Ляхов, не определяя сущность категории форм сотрудничества, указывает на такие его виды как сотрудничество в рамках международных организаций (как межправительственных, так и неправительственных) и на основании международных соглашений³⁹. Данное определение видов форм сотрудничества возможно отнести к широкому подходу, поскольку в этом случае меры не конкретизируются и признается возможность отнесения фактически любых мер в приведенных рамках к перечню форм международного сотрудничества.

Предметное определение основных форм международного сотрудничества в сфере противодействия наркопреступлениям предлагает А.

³⁸ Международно-правовое сотрудничество государств в области борьбы с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ / С.А. Бокерия: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. - М.: РГБ, 2006. С. 6-7.

³⁹ Международное право: Учебник / Отв. ред. д.ю.н., проф. С.А. Егоров. – М.: Статут, 2016. С. 506.

А. Даниелян: «операции по пресечению контрабанды наркотиков (совокупно со всеми оперативными мероприятиями, необходимыми для такого процесса); осуществление международных контролируемых поставок; пресечение использования почтовых каналов для незаконного оборота наркотиков; совместное патрулирование прибрежных вод»⁴⁰. Аналогичного подхода придерживается С. А. Бокерия, определяя возможные формы международного сотрудничества специфично к каждому институциональному субъекту. Например, такими формами могут быть исполнение запросов, обмен информацией, содействие проведению оперативно-розыскных мероприятий и процессуальных действий и т.д.⁴¹. Указание на исключительно оперативно-процессуальный характер форм сотрудничества также встречается и в концепции Л. А. Лазутина⁴².

Разнообразие подходов к определению сущности и конкретных форм международного сотрудничества, по всей видимости, обусловлено фундаментальной ролью этого принципа в системе общего международного права, при этом само понятие «сотрудничество» может одновременно рассматриваться как принцип международного права, как обязательство государств и как выражение их совместной практической деятельности, что подчёркивает его основополагающее значение для всей системы международного права, признаваемое большинством ведущих исследователей. Широкий подход к определению сотрудничества усматривается и в позициях Комиссии международного права. В частности, в комментарии 1 к руководящему положению 8 Проектов руководящих положений об охране атмосферы указывается, что концепция сотрудничества в международном праве претерпела значительные изменения и в настоящий

⁴⁰ Международно-правовые основы сотрудничества в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков и психотропных веществ / А.А. Даниелян: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. - М.: РГБ, 2006. С. 16.

⁴¹ Международно-правовое сотрудничество государств в области борьбы с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ / С.А. Бокерия: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. - М.: РГБ, 2006. С. 52-53.

⁴² Международное сотрудничество и правовая помощь / Л. А. Лазутин // Законность. - 2008. - №3. - С. 34.

момент основывается на понятии общности интересов мирового сообщества в целом⁴³. Формулировка «общность интересов мирового сообщества в целом» явно указывает на чрезвычайно широкое определение возможных направлений сотрудничества, которые, в свою очередь, обуславливают его конкретные формы. Особенно интересной с точки зрения определения границ, направлений и форм международного сотрудничества представляется мнение, отраженное в заключительных замечаниях специального докладчика М. Камто в связи с рассмотрением повестки дня Комиссии международного права на своей шестьдесят второй сессии по вопросу высылки иностранцев. Так, специальный докладчик отдельно указал на отсутствие какой-либо необходимости посвящать отдельный проект статьи вопросу о сотрудничестве, поскольку «сотрудничество предполагается совокупностью межгосударственных отношений в мирное время»⁴⁴. Учитывая вышеприведенные концепции Комиссии международного права, представляется возможным заключить о необходимости придерживаться широкого подхода к определению международного сотрудничества. Указание на восприятие рассматриваемой категории как на всю совокупность межгосударственных отношений в период мирного времени свидетельствует о распространении сотрудничества как на область процессуально-процедурного сотрудничества государств (оказание правовой помощи, совместные операции и т.д.), так и на всю область договорного процесса. Сказанное также относится и к определению направлений и форм такого сотрудничества. В российской доктрине международного права, несмотря на разнообразие трактовок понятия сотрудничества, можно выделить его универсальные характеристики, к числу которых относят целенаправленность, опору на нормы международного права, формирование правовых норм и институтов, а также системный характер.

⁴³ Доклад Комиссии международного права. Семьдесят вторая сессия (A/76/10). С. 41.

⁴⁴ Ежегодник Комиссии международного права, 2011 (A/CN.4/SER.A/2011/Add.1). §263, С. 179

На основании изложенного, руководствуясь широким подходом к определению международного сотрудничества, для целей настоящего исследования считаем возможным предложить следующее его определение. Международное сотрудничество в области противодействия незаконному обороту наркотических средств и сходных с ними веществ представляет собой основанную на нормах международного права совместную комплексную деятельность государств по созданию и применению материальных и процессуальных международно-правовых и внутригосударственных норм в целях обеспечения глобальной и региональной наркобезопасности мирового сообщества. Формами международного сотрудничества в рассматриваемой сфере является как создание норм международного и внутригосударственного права, так и их применение. Направления сотрудничества заключаются в: 1) признании деяний, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и сходных с ними веществ в качестве общественно опасных (как в международном, так и во внутригосударственном смысле), а равно в определении и применении норм о наказании виновных лиц; 2) сотрудничестве в рамках существующих международных институтов; 3) осуществление экстрадиции лиц, обвиняемых в совершении наркопреступлений.

Комплексный характер рассматриваемых деяний вытекает из специфики преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и аналогичных им веществ. В научной доктрине преобладает подход, в рамках которого данные преступления не отождествляются ни с преступлениями, совершаемыми исключительно в пределах национальной юрисдикции, ни с международными преступлениями в узком, строгом смысле этого понятия. В зарубежной научной литературе деяния, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и закреплённые в универсальных антинаркотических конвенциях ООН, рассматриваются как форма транснациональной преступности, тогда как в отечественной правовой доктрине такие преступления обычно именуется как преступления международного

характера. В российской правовой доктрине при анализе особенностей преступлений международного характера акцент делается на специфике объекта соответствующих составов преступлений. По мнению А.Г. Кибальника, если международные преступления посягают на международный правопорядок в целом, то преступления международного характера - только на определенную группу общественных отношений. Представляется, что особенности объекта преступлений международного характера в рамках отечественной теории о составе преступления позволяют провести различия не только между ними и международными преступлениями, но также и в отношении внутригосударственных преступлений. Так, если объектом уголовно-правовой охраны составов антинаркотических преступлений, сформулированных в УК РФ, является общественное здоровье российского населения, то в антинаркотических конвенциях ООН таким объектом выступает здоровье всего человечества.

Следует заметить, что реализация положений, связанных с преступлениями международного характера, осуществляется с помощью уголовно-правовой системы, носящей опосредованный характер. Если реализация норм международных преступлений происходит непосредственно, т.е. с помощью Международного уголовного суда или специально созданных трибуналов, то нормы антинаркотических конвенций ООН реализуются с помощью внутригосударственной уголовно-правовой системы. Вместе с тем это не означает их тождественности национальным преступлениям. Действительно, составы наркопреступлений в российском уголовном законе, за совершение которых виновные лица могут быть привлечены к уголовной ответственности, содержатся только в УК РФ. Однако формулирование составов данных преступлений производится с учетом положений Единой конвенции 1961 г., Конвенции 1971 г. и Конвенции 1988 г. В противном случае государство, не выполняющее обязательства по международным договорам, участником которых оно является, может быть привлечено к ответственности. Положения названных конвенций непосредственно распространяются только

на государства-участников, а не на физических лиц, подлежащих уголовной ответственности. При этом конвенции по большей части оставляют значительную свободу действий в том, как государства-участники будут осуществлять криминализацию незаконного оборота наркотических средств.

Основным механизмом обеспечения реализации государствами-участниками своих дискреционных полномочий в уголовно-правовом регулировании является указание в конвенциях на возможность использования оговорок в отношении ряда их положений. В антинаркотических конвенциях ООН предусмотрены следующие оговорки – о конституционных ограничениях, о конституционных положениях, об ограничениях национальной системы права и внутреннего закона, а также об учете основных принципов своей правовой системы. Так, согласно ст. 36(1)(а) Единой конвенции 1961 г. с соблюдением своих конституционных ограничений каждая сторона принимает меры, которые обеспечат, что культивирование и производство, изготовление, извлечение, приготовление, хранение, предложение, предложение с коммерческими целями, распределение, покупка, продажа, доставка на каких бы то ни было условиях, маклерство, отправка, переотправка транзитом, перевоз, ввоз и вывоз наркотических средств в нарушение постановлений настоящей Конвенции будут признаваться наказуемыми деяниями. Тем самым государства-участники обязаны принять описанные меры, но с соблюдением своих конституционных ограничений. В свою очередь, в соответствии со ст. 3(1)(c)(iv) Конвенции 1988 г. государства-участники обязаны признать согласно своему законодательству преступлениями различные виды неоконченных деяний, но с соблюдением основных принципов своей правовой системы. В данном случае, например, сговор на совершение названных в статье наркопреступлений в странах общего права рассматривается как оконченное, что может быть учтено на основании этой оговорки при криминализации этого деяния.

В отличие от внутригосударственных наркопреступлений каждый эпизод уголовно-наказуемых в соответствии с антинаркотическими конвенциями ООН деяний, совершенных на территории нескольких государств-участников, считается отдельным преступлением. Это положение, предусмотренное ст. 36(2)(a)(i) Единой конвенции 1961 г., вызвало обширные дискуссии в ходе его обсуждения на Конференции 1961 г. Представители некоторых государств-участников выступали против принятия данной нормы, считая, что она нарушает принцип обычного права *ne bis in idem* («не дважды за одно»). Например, если обвиняемый приобрел наркотик в одной стране, осуществил перевозку через территорию второй и продал этот наркотик в третьей стране, то он может быть привлечен к уголовной ответственности за незаконный сбыт в каждой из этих трех стран. Однако в ходе обсуждения возобладала точка зрения, согласно которой смысл принимаемой нормы не в назначении кумулятивного наказания, а исключение безнаказанности за совершенные деяния. Еще одно важное отличие наркопреступлений международного характера заключается в обязанности государств-участников соблюдать принцип *aut dedere aut judicare* («выдавай или суди»). Согласно данному принципу, государство-участник, на территории которого находится лицо, подозреваемое в совершении наркопреступления в другом государстве-участнике, обязано либо выдать его запрашивающему государству, либо провести судебное разбирательство на своей территории, при этом принцип также направлен на исключение безнаказанности за такие деяния, учитывая, что в ряде стран континентального права существует прямой конституционный запрет на выдачу собственных граждан. В частности, согласно ч.1 ст.13 УК РФ, граждане РФ, совершившие преступление на территории иностранного государства, не подлежат выдаче этому государству.

Наркопреступления международного характера нельзя отождествлять и с международными преступлениями *stricto sensu*, представляющими угрозу международному порядку. В доктринальной литературе отмечается, что

против международного порядка направлены такие серьезные преступления как военные преступления, геноцид и преступления против человечности. В этой связи А.Г. Кибальник считает, что преступления международного характера представляет угрозу не всему международному порядку в целом, а только «составной части международного порядка»⁴⁵. Опираясь на классификацию объектов состава преступления, принятую в российской правовой доктрине, А. Г. Кибальник предлагает следующую иерархию объектов уголовно-правовой охраны в международном праве: «общий объект, которым выступает мировой правопорядок как совокупность всех юридических благ и интересов, закреплённых системой международного права и охраняемых международным уголовным правом; родовой объект, представляющий собой составную часть общего объекта и включающий группу однородных юридических благ и интересов, также охраняемых международным уголовным правом; непосредственный объект, на который направлено посягательство; и конкретный объект - то право или интерес, на которые посягает конкретное преступление по международному уголовному праву»⁴⁶.

В свою очередь, И.И. Карпец возражает против отнесения преступлений международного характера к группе «преступлений против международного правопорядка». По его мнению, «вся система норм, регулирующих отношения между государствами в условиях мирного сосуществования в соответствии с общепризнанными принципами международного права, составляет понятие международного правопорядка»⁴⁷. Данный автор считает, что главным признаком, отграничивающим преступления международного характера от общеуголовных преступлений, является их формулирование в международных соглашениях и конвенциях⁴⁸. В качестве непосредственного

⁴⁵ Кибальник, А.Г. Современное международное уголовное право: понятие, задачи и принципы / Кибальник А.Г. - СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. С. 53.

⁴⁶ Кибальник, А.Г. Современное международное уголовное право: понятие, задачи и принципы / Кибальник А.Г. - СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. С. 89.

⁴⁷ Карпец, И.И. Преступления международного характера / Карпец И.И. - М.: Юрид. лит., 1979. С. 46-47.

⁴⁸ Там же, с. 48.

объекта составов преступлений международного характера им называются «различные межгосударственные отношения»⁴⁹.

И. В. Фисенко относит к признакам международных преступлений: 1) тяжесть посягательства на общественные интересы, вытекающую из характера объекта преступления; 2) существенное нарушение обязательств, возложенных на все государства-члены международного сообщества; 3) признание деяния преступным со стороны основных групп государств, то есть его квалификация как преступления против всего международного сообщества; 4) выраженную тяжесть нарушения соответствующих обязательств⁵⁰.

Согласно альтернативной позиции, представленной В.П. Пановым, международные преступления следует рассматривать как обычные уголовные деяния, осложнённые присутствием «иностранного компонента». Такой компонент подразделяется на три основные группы. К первой относятся случаи, когда преступление совершается субъектами с гражданством разных государств. Вторая группа охватывает ситуации, когда объект преступного посягательства находится за пределами страны совершения деяния. Третья категория включает элементы, касающиеся объективной стороны преступления, закреплённой в международных договорах и конвенциях, что объясняется их международной опасностью и обязанностями государств по борьбе с такими правонарушениями⁵¹.

Как считает А.К. Князькина, все названные выше преступления «целесообразно называть конвенциональными, под которыми предлагается понимать все предусмотренные международными договорами общественно опасные посягательства на нормальные межгосударственные отношения, включая мир и безопасность человечества, наказуемость которых должна быть

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Фисенко, И.В. Борьба с международными преступлениями в международном уголовном праве / Фисенко И.В. – Минск: «Тесей», 2000. С. 13-16.

⁵¹ Панов, В.П. Международное уголовное право. Учебное пособие / Панов В.П. - М.: Инфра-М, 1997. С. 68.

установлена в национальном законодательстве»⁵². По мнению данного автора, такие преступления, как правило, «двухобъектны»: один объект – это общественные отношения, на защиту которых было направлено заключение международного договора, а другой – отношения, характеризующие соблюдение принципа *pacta sunt servanda* (договоры должны соблюдаться)⁵³. В то же время сведение всех международных преступлений в одну категорию конвенциональных преступлений на том основании, что они предусмотрены международными договорами представляется малопродуктивным.

Прежде всего, международные преступления могут быть установлены в обычном праве, а не в международном договоре. Как справедливо отмечает Кривокапич Б.Д., не все государства-члены ООН присоединились к Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Однако это не значит, что государства, не являющиеся членами данной конвенции, могут осуществлять геноцид. Напротив, все государства обязаны предотвращать геноцид и наказывать за него, поскольку соответствующее преступление стало частью общего международного обычного права, т.е. определено абсолютно обязательными нормами международного права (*jus cogens*)⁵⁴.

Указание А.К. Князькиной в качестве одного из объектов составов международных преступлений нарушение международного обязательства *pacta sunt servanda* не носит абсолютного характера, поскольку международные преступления могут быть установлены обычным правом, а не договорным. Также возможна ситуация, когда нормы обычного права содержатся в международном договоре, но при этом они остаются нормами обычного права. В случае же указания в международном договоре положений

⁵² Князькина, А.К. Конвенционные преступления в уголовном праве Российской Федерации: понятие, виды, общая характеристика: Монография / Князькина А.К.; Под ред.: Чучаев А.И. - М.: Проспект, 2010. С. 22.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Кривокапич, Б.Д. Проблемы международного права: учебник для магистрантов и аспирантов / Б.Д. Кривокапич; отв. ред. д-р юрид. наук, проф. А.Г. Безверхов, науч. ред. д-р юрид. наук, проф. А.В. Юдин. – Самара: Издательство Самарского университета. С. 79.

относительно международных преступлений, противоречащих нормам *jus cogens*, действовать будут последние.

Утверждение данного автора о том, что наказуемость за международные преступления обязательно должна быть определена в национальном законодательстве так же не может быть принято во внимание. Статьи 6-8 Римского статута закрепляют уголовную ответственность за совершение международных преступлений, таких как геноцид, преступления против человечности и военные преступления, независимо от положений национальных уголовных кодексов государств-участников; одновременно, в соответствии с п. 1(a) ст. 17 Статута, Международный уголовный суд не вправе рассматривать дело, если оно уже находится на стадии расследования в государстве, обладающем юрисдикцией по данному преступлению. Как справедливо указывает Б.И. Нефедов, современное международное право может само криминализовать те или иные деяния⁵⁵. Принцип субсидиарности юрисдикции Международного уголовного суда относительно национальных юрисдикций не налагает обязательства по криминализации соответствующих деяний на уровне внутреннего права государств. Аналогично, подобные требования отсутствуют при создании специальных уголовных трибуналов *ad hoc*, задачей которых является привлечение к ответственности лиц за международные преступления. В качестве примеров можно привести: учреждение на основании Резолюции Совета Безопасности ООН № 827 (1993) трибунала *ad hoc* по бывшей Югославии и на основании Резолюции № 955 (1994) - трибунала *ad hoc* по Руанде. Как подчеркивает Б. Кривокапич, «несмотря на то, что учреждение и функционирование упомянутых органов с первого дня было предметом множества упреков и споров, указанные резолюции Совета безопасности были реализованы на практике»⁵⁶.

⁵⁵ Нефедов Б.И. Являются ли основные принципы уголовной ответственности индивидов общими принципами права? Часть 1: Принцип *nullum crimen sine lege* («нет преступления без указания на него в законе») // Международное правосудие. 2025. Т. 15, № 3(55). С. 71.

⁵⁶ Кривокапич, Б.Д. Проблемы международного права: учебник для магистрантов и аспирантов / Б.Д. Кривокапич; отв. ред. д-р юрид. наук, проф. А.Г. Безверхов, науч. ред. д-р юрид. наук, проф. А.В. Юдин. – Самара: Издательство Самарского университета. С. 93.

В контексте рассматриваемой темы Н. А. Зелинская, обращая внимание на неоднородность международно-правового преступления, выделяет следующие его модификации: «1) «нюрнбергская», сконструированная нюрнбергским и токийским прецедентами; 2) «постнюрнбергская», сформировавшееся в постнюрнбергский период под влиянием национальной судебной практики и развития международного права; 3) «гаагская», формирование которой связано с учреждением и деятельностью международных трибуналов в Гааге и Аруше; 4) «римская», заложенная в Римском Статуте Международного уголовного суда»⁵⁷.

И.И. Лукашук относит к преступлениям по общему международному праву такие деяния, «за совершение которых установлена личная ответственность непосредственно на основе международного права независимо от того, считаются ли соответствующие деяния преступными в государстве, где они совершены»⁵⁸.

В свою очередь А. Кассезе считает, что «международные преступления – это нарушения международных норм, влекущие уголовную ответственность физических лиц (в отличие от ответственности государства, где физические лица действуют от имени его органов)»⁵⁹.

По мнению Н. А. Зелинской, понятием «международное преступление» охватывается две различные группы деяний: «1) деяния, криминализованные национальным уголовным правом (в случае, если они подпадают под юрисдикцию не менее чем двух государств); 2) деяния, криминализованные непосредственно международным правом»⁶⁰.

И. Ю. Оськина и А. А. Лупу полагают, что все стороны международно-правового сотрудничества в области борьбы с преступностью тесно связаны с

⁵⁷ Зелинская, Н.А. Международные преступления и международная преступность. Монография / Зелинская Н.А. - Одесса: Юридическая литература, 2006. С. 36.

⁵⁸ Лукашук, И.И. Международное право. Особенная часть : учебник / Лукашук И.И. - Москва : Волтерс Клувер, 2010. С. 426.

⁵⁹ Cassese, A. (2003). International Criminal Law. Oxford University Press. P. 23.

⁶⁰ Зелинская, Н.А. Международные преступления и международная преступность. Монография / Зелинская Н.А. - Одесса: Юридическая литература, 2006. С. 45.

понятием международного уголовного права в широком смысле. По их мнению, международное уголовное право состоит из двух подотраслей, что обусловлено спецификой международных преступлений, охватывающих две группы деяний. Данные группы, выделяемые этими авторами, совпадают с приведенной выше классификацией, предложенной Н.А. Зелинской. Первая группа – деяния, которые криминализированы национальным уголовным правом и подпадают под юрисдикцию не менее двух государств. Вторая группа – деяния, криминализированные непосредственно международным уголовным правом. Соответственно первую подотрасль рассматриваемые авторы называют «международным уголовным правом – *stricto sensu*», а вторую – «транснациональным криминальным правом»⁶¹.

Характеризуя механизм действия положений антинаркотических конвенций ООН, Э. Г. Гасанов полагает, что «нормы международного права трансформируются в нормы той или иной отрасли национального законодательства, преломляясь через призму системы последнего, определяемой волей законодателя данного государства»⁶². Тем самым данный автор, ставя вопрос о соотношении норм международного и национального права во внутригосударственном правовом регулировании борьбы с наркопреступностью, чрезмерно упрощает ответ на него, сводя такое соотношение к трансформации норм международного права в национальные. Правда, автор сразу же противоречит себе, называя одним из условий создания оптимальной основы такой борьбы «обеспечение соответствия национальных правовых норм международно-правовым нормам, содержащимся в конвенциях и международных договорах, ратифицированных данным государством»⁶³. Противоречие заключается в том, что в результате

⁶¹ Оськина, И. Ю., Международное уголовное право : учебное пособие / И. Ю. Оськина, А. А. Лупу. - Москва : КноРус, 2020. С. 106.

⁶² Гасанов, Э.Г. Борьба с наркотической преступностью. Международный и сравнительно-правовой аспекты / Гасанов Э.Г. - М.: ЮрИнфоР, 2000. С. 28.

⁶³ Там же, с. 32.

трансформации международная норма становится национальной нормой и вопрос об их соответствии не может возникать.

А. К. Князькина, напротив, считает, что нормы о конвенционных преступлениях должны быть имплементированы (а не подвергнуться трансформации – прим. автора) во внутреннее законодательство. При этом данный автор вслед за В.А. Вдовиным⁶⁴, под имплементацией понимает «принятие норм внутригосударственного права во исполнение международно-правовых норм, а также в целях создания условий для непосредственной реализации международно-правовых норм на территории государства»⁶⁵. А.К. Князькина также указывает на важность обеспечения в ходе имплементации соответствия уголовного закона международным актам⁶⁶.

Учитывая наличие принципиально-различных точек зрения в отношении механизма взаимодействия норм международных конвенций уголовно-правового характера, включая антинаркотические конвенции ООН, и национальных уголовно-правовых норм, считаем целесообразным представить собственную позицию по данному вопросу. Поскольку наиболее обоснованным представляется использование широкого подхода к определению сущности международного сотрудничества, необходимо также определиться с механизмом взаимодействия норм международного и внутригосударственного права в рассматриваемой области. Основными доктринами, определяющими соотношение международного и внутригосударственного права, являются теории монизма и дуализма. В то же время некоторые правоведы считают, что данные теории не отражают реальную практику, сложившуюся в международных отношениях. Так, Д. Фицморис считает, что полемика между приверженцами монистической или дуалистической теорий носит искусственный и оторванный от

⁶⁴ Вдовин, В.А. Имплементация международно-правовых норм в уголовном праве Российской Федерации (вопросы Общей части) : дис. ... канд. юр. наук : 12.00.08 / Вдовин Вадим Александрович. – Ульяновск, 2006. С. 82.

⁶⁵ Князькина, А.К. Конвенционные преступления в уголовном праве Российской Федерации: понятие, виды, общая характеристика: Монография / Князькина А.К.; Под ред.: Чучаев А.И. - М.: Проспект, 2010. С. 30-31.

⁶⁶ Там же.

действительности характер⁶⁷. По мнению А. Ауста, названные теории носят чисто доктринальный характер, имеющие ограниченное практического значение⁶⁸. Другие авторы также выражают сходные взгляды⁶⁹. Высказывается также мнение, что монизм, с характерной для него доктриной автоматической инкорпорации, и дуализм, опирающийся на доктрину трансформации, не учитывают весь спектр факторов, определяющих влияние международного права на национальное право, в связи с чем они не отражают реальную ситуацию⁷⁰.

Соглашаясь с приведенными мнениями в части утверждения о том, что конкретные правовые ситуации в разных государствах-участниках антинаркотических конвенций ООН не могут быть описаны только с помощью приведенных теорий, считаем тем не менее, что они задают систему координат, позволяющую исследовать взаимодействие международного и национального права с помощью ключевых признаков. И хотя большинство государств не могут рассматриваться как чисто монистические или дуалистические, взаимодействие международного и внутригосударственного права повсеместно демонстрирует элементы, присущие той или другой названной теории. В этой связи традиционный подход, опирающийся на данные теории, представляет собой проверенный временем правовой инструментарий для выявления закономерностей и особенностей функционирования международных норм антинаркотических конвенций ООН в национальных правовых системах государств-участников.

Национальные судебные органы играют ключевую роль в реализации норм международных конвенций внутри государства, причём характер этой роли определяется типом применяемых международных норм; в литературе

⁶⁷ Fitzmaurice, G. (1958). *The General Principles of International Law Considered from the Standpoint of the Rule of Law*. Academie de Droit International de la Haye, vol. 92. P. 71.

⁶⁸ Aust, A. (2007). *Modern Treaty Law and Practice* (2nd ed.). Cambridge University Press. P. 182.

⁶⁹ См. например: Henkin, L. (1995). *International Law: Politics and Values* (Developments in International Law, 18). Brill - Nijhoff. P. 33.

⁷⁰ Charlesworth, H., Chiam, M., Hovell, D., & Williams, G. (2005). «International Law and National Law: Fluid States». In *The Fluid State: International Law and National Legal Systems*. Sydney, NSW: The Federation Press. P. 2.

условно выделяют три основные категории таких норм: «горизонтальные», регулирующие отношения между государствами; «вертикальные», охватывающие взаимодействие государств с негосударственными субъектами; и «транснациональные», затрагивающие отношения физических и юридических лиц, выходящие за пределы одной страны⁷¹.

В качестве основных предпосылок применение норм международных конвенций уголовно-правового характера, направленных на противодействие незаконному обороту наркотических средств, судами Российской Федерации можно назвать следующие:

1. Нормы международных конвенций уголовно-правового характера являются частью правовой системы Российской Федерации;
2. Нормы международных конвенций уголовно-правового характера в рассматриваемой сфере после их ратификации Российской Федерацией могут иметь прямое действие в ее правовой системе;
3. Применяя международные нормы, суды должны руководствоваться принципом гармонизации национального права и международных обязательств Российской Федерации.

Результаты анализа процесса применения норм международного права национальными судами нашли свое обобщение в заключительном докладе исследовательской группы Ассоциации международного права⁷². Во-первых, как считает исследовательская группа, традиционные разделительные линии между национальным и международным правом в значительной степени стираются. Во-вторых, отсутствует прямая зависимость между применением национальными судами международно-правовых норм и традиционными подходами в доктрине, определяющими взаимодействие международного и национального права.

⁷¹ Sloss, D. (2009). "Treaty Enforcement in Domestic Courts: A Comparative Analysis." In *The Role of Domestic Courts in Treaty Enforcement: A Comparative Study*. Cambridge University Press. P. 1.

⁷² ILA Study Group on Principles on the Engagement of Domestic Courts with International Law, 'Final Report: Mapping the Engagement of Domestic Courts with International Law' (Johannesburg, 2016). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.ila-hq.org/en_GB/documents/conference-study-group-report-johannesburg-2016 (дата обращения: 24.05.2025)

Проведенный анализ позволяет нам сделать вывод о том, что преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и сходных с ними веществ как преступления международного характера тесно связаны с понятием «транснациональной преступности». Термин «транснациональная преступность» был впервые использован на Пятом конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (1975) «с целью определения уголовного феномена, выходящего за пределы национальных границ, нарушающего законы нескольких государств или имеющего последствия для другого государства»⁷³.

Четвертый обзор ООН тенденций преступности и функционирования систем уголовного правосудия, проведенный в 1976 г., определил транснациональную преступность как «преступления, начало которых, совершение и(или) прямые или косвенные последствия – охватывают более чем одну страну»⁷⁴. Данная тенденция к расширенному определению отражена в ст.3(2) Конвенции против транснациональной организованной преступности (2000)⁷⁵. Преступление является транснациональным, если оно соответствует одному из нижеприведенных критериев:

- (a) оно совершено более чем в одном государстве;
- (b) оно совершено в одном государстве, но значительная часть его подготовки, планирования, управления им или контроля над ним осуществлялась в другом государстве;
- (c) оно совершено в одном государстве, но связано с организованной преступной группой, осуществляющей преступную деятельность в более чем одном государстве;

⁷³ Mueller, G. O. W. (2001). "Transnational Crime: Definitions and Concepts." In P. Williams & D. Vlassis (Eds.), *Combating Transnational Crime: Concepts, Activities, Responses*. London: Frank Cass. P. 13.

⁷⁴ United Nations, Fourth UN Survey of Crime Trends and Operations of Criminal Justice Systems UN Doc A/CONF.169/15/Add.1 (1995). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://digitallibrary.un.org/record/183256?ln=fr&v=pdf> (дата обращения: 24.05.2025)

⁷⁵ United Nations Convention against Transnational Organized Crime, New York, 15 November 2000, 2225 UNTS 209, in force 29 September 2003. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.unodc.org/documents/treaties/UNTOC/Publications/TOC%20Convention/TOCebook-e.pdf> (дата обращения: 24.05.2025)

(d) оно совершено в одном государстве, но привело к серьезным последствиям в другом.

Некоторые авторы не согласны с таким определением в силу охвата им разнородных преступлений, включающих организованную, «беловоротничковую» и политическую преступность⁷⁶. Другие же считают, что термин «транснациональный» обязательно требует наличие трансграничного деяния, хотя, согласно приведенному определению, не все преступления сопровождаются пересечением границ⁷⁷. Трансграничная поставка наркотиков, например, зависит от его национального производства. Однако, преступная деятельность на национальном уровне может представлять угрозу и для других государств, так как она создает условия для роста транснациональной преступности на их территории.

Следует заметить, что акцентирование внимания на связи транснациональной преступности с процессами глобализации приводит к игнорированию ее одновременно локализованного характера. Как отмечает Хоббс, «идея транснациональности должна быть пересмотрена в свете эмпирических исследований, которые показывают, что постоянно мутирующие взаимосвязанные сети местной преступности определяют современную ситуацию»⁷⁸. Следовательно, все транснациональные процессы имеют национальные корни. Именно поэтому транснациональные преступники одновременно являются как международными, так и национальными: они могут действовать через границы, но при этом находиться на территории одного государства. В этой связи названный автор предложил использовать собственный термин, подчеркивающий

⁷⁶ Friedrichs, D. (2007). Transnational Crime and Global Criminology: Definitional, Typological and Contextual Conundrums. *Social Justice*, vol. 34, issue 2. P. 4-5.

⁷⁷ Fijnaut, C. "Transnational Crime and the Role of the United Nations." *European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice*, vol. 8, issue 2, 2000. P. 119-120.

⁷⁸ Hobbs, R. (1998). "Going Down the Glocal: The Local Context of Organised Crime." *The Howard Journal of Criminal Justice*, vol. 37, issue 4. P. 419.

дуалистическую природу транснациональных преступлений – «glocalization»⁷⁹.

Широкое распространение транснациональных преступлений делает необходимым сотрудничество государств для борьбы с ними, что обусловлено наличием ограничений, накладываемых принципом государственного суверенитета на возможность применения уголовного закона за пределами территории государства. При этом одно отдельное государство не в состоянии справиться с угрозами, исходящими от лиц, находящимися на территории иных государств. В ходе международного сотрудничества создаются «мировые запретительные режимы», как их называет Нэйделман, т.е. международные режимы, запрещающие пиратство, рабство, наркоторговлю и другие⁸⁰.

Как отмечалось выше, транснациональные преступления отличаются от международных преступлений *stricto sensu*. Согласно ст. 5 Римского Статута, к наиболее тяжким преступлениям, вызывающим обеспокоенность всего международного сообщества, относятся геноцид, преступления против человечности, военные преступления и преступление агрессии; положения этих норм возлагают прямые обязанности на физических лиц на основании обычного международного права, независимо от положений национального законодательства, что закреплено в ст. 25(2) Статута⁸¹. Действительно, транснациональные преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств имеют своим источником конвенции ООН, но уголовный запрет и ответственность непосредственно определяются только национальным правом. Даже в тех правовых системах, где действует автоматическая инкорпорация международных норм и международные договоры являются самоисполнимыми, положения конвенций, направленных

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Nadelmann, E. (1990). "Global Prohibition Regimes: The Evolution of Norms in International Society." *International Organization*, vol. 44, issue 4. P. 479.

⁸¹ Rome Statute of the International Criminal Court. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.icc-cpi.int/sites/default/files/2024-05/Rome-Statute-eng.pdf>

против транснациональной преступности, могут применяться только посредством национального права.

Осуществляя международное сотрудничество в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств, государства-участники антинаркотических конвенций ООН не пошли по пути непосредственной криминализации соответствующих преступлений. В антинаркотических конвенциях ООН отсутствуют уголовно-правовые нормы, которые могли бы непосредственно применяться в отношении физических или юридических (в странах, где это возможно) лиц. Такое положение объясняется тем, что транснациональные наркопреступления не относятся к категории основных международных преступлений. Данные преступления не считаются угрозой безопасности международного сообщества, в том числе и потому, что совершаются физическими лицами без участия государства и направлены, как правило, на извлечение выгоды материального характера. Тем самым, международное сотрудничество в сфере борьбы с транснациональными наркопреступлениями осуществляется без создания международного уголовного суда как в случае с основными международными преступлениями. В п.1 ст.2 Конвенции 1988 г. указывается, что ее целью является содействие сотрудничеству между сторонами, с тем чтобы они могли более эффективно решать различные проблемы незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, имеющего международный характер. При этом в силу п.2 ст.2 Конвенции 1988 г., стороны осуществляют свои обязательства в соответствии с принципами суверенного равенства и территориальной целостности государств и принципом невмешательства во внутренние дела других государств.

Таким образом, проведенный в настоящем параграфе анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. В доктрине международного права существует два подхода к определению международного сотрудничества. Широкий подход включает в себя следующие черты: международное сотрудничество является идеей,

находящей свое отражение во всех принципах международного права; сотрудничество государств носит системообразующий характер для всей системы международного права; выделяется множество форм и направлений сотрудничества, в перечень которых включаются как конкретные операционно-процедурные меры, так и в целом договорная координация усилий государств в соответствующей предметной области. Узкий подход заключается в производности сотрудничества от норм международного и внутригосударственного права; четкой определенности форм взаимодействия; субъектной определенности сотрудничества; механистичности форм и направлений сотрудничества.

2. Позиции Комиссии по международному праву и нормы универсальных договоров обуславливают справедливость широкого подхода к определению международного сотрудничества.

3. Международное сотрудничество в области противодействия незаконному обороту наркотических средств и сходных с ними веществ представляет собой основанную на нормах международного права совместную комплексную деятельность государств по созданию и применению материальных и процессуальных международно-правовых и внутригосударственных норм в целях обеспечения глобальной и региональной наркобезопасности мирового сообщества. Формами международного сотрудничества в рассматриваемой сфере является как создание норм международного и внутригосударственного права, так и их применение. Направления сотрудничества заключаются в: 1) признании деяний, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и сходных с ними веществ в качестве общественно опасных (как в международном, так и во внутригосударственном смысле), а равно в определении и применении норм о наказании виновных лиц; 2) сотрудничестве в рамках международной институциональной структуры; 3) осуществление экстрадиции лиц, обвиняемых в совершении данных преступлений.

4. Международное антинаркотическое право является устоявшейся группой норм, обладающих внутренним единством и устанавливающих основы системы глобальной и региональной наркобезопасности; критерии отнесения вещества к наркотическим или психотропным; признаки преступных деяний; общие требования к наказанию виновных лиц; нормы об экстрадиции и выступает в качестве комплексного института международного уголовного права.

§1.2 Имплементация составов наркопреступлений международного характера в национальных правовых системах государств-участников антинаркотических конвенций ООН

Уголовно-правовые нормы антинаркотических конвенций ООН ориентированы на установление уголовной ответственности за все известные формы незаконного оборота наркотических средств; при этом особое значение имеет Конвенция 1988 г., положения которой стали важным шагом в расширении и углублении уголовно-правового регулирования в этой сфере по сравнению с положениями Единой конвенции 1961 г. и Конвенции 1971 г. Тем не менее уголовно-правовые нормы предыдущих конвенций продолжают играть важную роль в противодействии незаконному обороту наркотических средств, являясь фундаментом уголовного законодательства государств-участников.

Указанные нормы содержатся в ст. 3 Конвенции 1998 г., которые обязывают государства-участников провести необходимые мероприятия на национальном уровне с целью создания современного законодательства, предусматривающего ответственность за совершение правонарушений в сфере незаконного оборота наркотических средств. Формулируя развернутые требования к содержанию правовых норм в отношении таких правонарушений, Конвенции 1988 г. устанавливает, что их окончательное определение «входит в компетенцию национального законодательства каждой стороны», а «преследование и наказание за такие правонарушения

осуществляются в соответствии с этим законодательством»⁸². Более того, согласно ст. 2(1) Конвенции 1988 г. стороны при осуществлении обязательств принимают необходимые меры, включая меры организационного и административного характера, в соответствии с основополагающими положениями своих внутренних законодательных систем. Приведенные положения свидетельствуют о том, что нормы Конвенции 1988 г., так же, как и других антинаркотических конвенций ООН, не являются самоисполнимыми, а действуют опосредованным образом, т.е. через положения национального законодательства государств-участников. В таких условиях успешность противодействия незаконному обороту наркотических средств напрямую зависит от эффективности международного сотрудничества.

Следует заметить, что при формулировании определения «незаконного оборота» на Конференции 1988 г. проявились два конфликтующих подхода, отражающих объективные противоречия между странами, производящими наркотические средства, и странами, где преобладает их потребление. Так, Мексика, относящаяся к первой названной группе государств, предложила следующее его определение: «незаконный оборот означает посев, культивирование, сбор урожая, производство, приготовление, изготовление, экстракцию, изготовление препаратов, обработку, предложение, предложение с целью продажи, распределение, снабжение, хранение, покупку, приобретение, продажу, назначение, поставку на любых условиях, посредничество, переправку, направление по почте, транзитную переправку, транспортировку, ввоз и вывоз, владение, потребление, неправильное использование и оборот в любой другой форме любого наркотического средства или психотропного вещества в нарушение положений соответствующих применимых национальных законов и правил Единой конвенции о наркотических средствах 1961 года, этой Конвенции с поправками, внесенными в нее Протоколом 1972 года о поправках к Единой

⁸² Ст. 3(11) Конвенции 1988 г.

конвенции о наркотических средствах 1961 года, а также положений Конвенции о психотропных веществах 1971 года»⁸³. Данное определение помимо производства и транспортировки наркотических и психотропных средств включает их хранение, потребление и хранение с целью продажи.

Канада и США как представители второй группы государств, а именно стран-потребителей, предложили следующую формулировку: «незаконный оборот означает культивирование, производство, изготовление, экстракцию, выработку, предложение, предложение с целью продажи, распределение, покупку, продажу, поставку на каких бы то ни было условиях, посредничество, переправку, переправку по почте, транзитную переправку, транспортировку, ввоз и вывоз любого наркотического средства или психотропного вещества в нарушение положений Единой конвенции о наркотических средствах 1961 года или этой Конвенции с поправками, внесенными в нее Протоколом 1972 года о поправках к Единой конвенции о наркотических средствах 1961 года, а также положений Конвенции о психотропных веществах 1971 года»⁸⁴. Это определение, в отличие от приведенного ранее, не предусматривает криминализацию деяний, связанных с потреблением наркотических средств и психотропных веществ. Представители стран-потребителей настаивали на Конференции 1988 г., что потребление не может рассматриваться как элемент незаконного оборота.

Результатом обсуждений на Конференции 1988 г. явился компромисс, где с одной стороны, ст. 3(1) предусматривает криминализацию хранения наркотических средств и психотропных веществ, но с другой стороны, ст. 3(2), где перечислены правонарушения, связанные с их потреблением, была выведена за пределы обязательного международного сотрудничества. Так, согласно ст. 1(m) незаконный оборот означает правонарушения, указанные в

⁸³ Конференция Организации Объединенных Наций для принятия Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Вена, 25 ноября – 20 декабря 1988 г. Официальные отчеты, т. 2, с. 167.

⁸⁴ Конференция Организации Объединенных Наций для принятия Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Вена, 25 ноября – 20 декабря 1988 г. Официальные отчеты, т. 2, с. 168

п.1 и п. 2 ст. 3 Конвенции 1988 г., т.е. данные правонарушения фактически были разделены на две группы. Первая группа правонарушений связана с производством и поставкой наркотических средств и психотропных веществ (п.1 ст. 3), а вторая – с их хранением, потреблением и культивированием для личного потребления (п. 2 ст. 3). В этой связи Конвенция 1988 г. предусматривает различие правового регулирования в зависимости от классификации правонарушений на две группы в рамках общей категории незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ: для деяний, перечисленных в п. 1 ст. 3 Конвенции, государства-участники обязаны обеспечивать международное сотрудничество в порядке, установленном соответствующими положениями, тогда как для нарушений, связанных с использованием наркотиков для личного потребления, такая обязанность не предусмотрена. При этом составы правонарушений, которые должны быть закреплены в национальном законодательстве в соответствии со ст. 3 Конвенции 1988 г., охватывают все известные способы незаконного производства, обращения и распространения наркотических средств и психотропных веществ. Поскольку во вводном параграфе к рассматриваемой статье определяется, что нормы Конвенции 1988 г. не являются самоисполнимыми, то государства-участники должны предусмотреть формулирование названных составов правонарушений в своем внутреннем законодательстве. При этом «необходимые меры», которые государства-участники должны принять, могут толковаться не только как законодательные, но и как административные.

Важно отметить, что деление положений пункта 1 статьи 3 Конвенции 1988 г. на параграфы и subparagraphы, на наш взгляд, соответствует видам наркопреступлений международного характера:

1. Ст. 3(1)(а) – традиционные преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, связанные с производством и поставкой наркотиков, установленные в более ранних конвенциях с небольшими дополнениями;

2. Ст. 3(1)(b) – новые преступления, имеющие отношение к конверсии или переводу собственности, а также к отмыванию доходов от незаконного оборота;

3. Ст. 3(1)(c) – преступления, связанные с оборудованием и материалами, используемыми для незаконного оборота, а также неоконченные преступления и соучастие в их совершении.

Правонарушения, перечисленные в ст. 3(1)(a) и ст. 3(1)(b) являются обязательными для имплементации сторонами Конвенции 1988 г. и не предусматривают оговорок, связанных с конституционными нормами или внутренним законодательством государств-участников. В то же время перечни неоконченных правонарушений в ст. 3(1)(c), а также правонарушений, связанных с личным потреблением, могут применяться с учетом конституционных положений и основных принципов правовых систем государств-участников. Тем самым правонарушения, предусмотренные ст. 3(1) являются особенно важными для международного сотрудничества, поскольку в отношении их правонарушителей могут применяться конфискация (ст. 5), экстрадиция (ст. 6) и взаимная правовая помощь (ст. 7).

Усиливающаяся международная озабоченность использованием финансовой системы для отмывания доходов, полученных от незаконного оборота наркотических средств, стала основанием для включения ст. 3(1)(b) в Конвенцию 1988 г.; опираясь на опыт американского Закона по контролю за отмыванием денежных средств, данная статья вводит новые правонарушения, направленные на противодействие отмыванию доходов от незаконного оборота наркотиков и психотропных веществ, одновременно устанавливая международно-правовой механизм сотрудничества, предусматривающий конфискацию, взаимную правовую помощь и экстрадицию, что стало первичным опытом создания международных норм в этой области⁸⁵. Положения ст. 3(1)(b) относят к незаконным такие действия, как «конверсия

⁸⁵ Money Laundering Control Act of 1986. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-100/pdf/STATUTE-100-Pg3207.pdf>

или перевод собственности», а также ее «сокрытие или утаивание» при указанных обстоятельствах. Противоправность владения такой собственностью является следствием криминализации действий, названных в ст. 3(1)(a). Эти правонарушения находятся в тесной связи с правонарушениями, перечисленными в ст. 3(1)(a), имея дополнительный по отношению к ним характер.

Реализация положений Конвенции 1988 г. в области легализации (отмывании) денежных средств, вырученных от незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, в правовых системах государств-участников осуществляется различным образом. В Законе о преступлениях (Оборот наркотических средств и психотропных веществ) 1990 г. Австралии (далее – Закон о преступлениях 1990 г.)⁸⁶ прямо указывается, что его положения являются имплементацией норм Конвенции 1988 г. Непосредственно правовые нормы ст. 3(1)(b) Конвенции 1988 г. имплементированы в статьях 15А, 15В и 15С Закона о преступлениях 1990 г. Все преступления, связанные с легализацией собственности, полученной в результате совершения деяний, перечисленных в ст. 3(1)(a), объединены в названном законе в три группы: конверсия собственности, сокрытие собственности и приобретение собственности. Рассмотрим их подробнее в разрезе положений ст. 3(1)(b) Конвенции 1988 г.

Статья 15А Закона о преступлениях 1990 г. предусматривает уголовную ответственность за конверсию собственности, полученной в результате совершения серьезного наркопреступления. Объективная сторона преступления характеризуется следующими альтернативными действиями:

- конверсия собственности в свою пользу или в пользу иных лиц;
- перевод собственности иному лицу для следующих целей:
- сокрытие преступного происхождения собственности;

⁸⁶ Crimes (Traffic in Narcotic Drugs and Psychotropic Substances) Act 1990. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.legislation.gov.au/C2004A04028/2016-03-10/text> (дата обращения: 03.05.2025)

- помощь иному лицу, участвующему в совершении преступления, избежать ответственности за свое участие.

Субъективная сторона преступления характеризуется умышленной формой вины в виде «знания» о преступном происхождении собственности. Наказывается лишением свободы сроком до 20 лет.

Согласно ст. 15В Закона о преступлениях 1990 г., уголовному наказанию подлежит сокрытие собственности, полученной в результате совершения серьезного наркопреступления. Объективная сторона данного преступления состоит из сокрытия нижеследующих сведений:

- характеристика, источник или расположение собственности;
- любые перемещения собственности;
- права любых лиц в отношении собственности;
- информация о владельце собственности.

Преступление характеризуется наличием умысла, поскольку лицо осознаёт противоправный характер совершаемых им действий и понимает, что они направлены на имущество, происхождение которого связано с совершением серьёзного наркопреступления; в соответствии со ст. 15С Закона о преступлениях 1990 г. уголовно наказуемым признаётся само вовлечение в оборот такого имущества, выражающееся в его приобретении, фактическом обладании либо использовании, при условии, что лицо осведомлено о преступном источнике указанной собственности и связывает её происхождение с совершением серьёзного преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств.

Обращает на себя внимание, что при формулировании составов преступлений в антинаркотических конвенциях ООН нередко используется понятийный аппарат, характерный для стран общего права. Прежде всего, характеристика структуры преступлений в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков опирается на такие ее составные образования как «элементы преступлений». В ходе обсуждения проекта конвенций на конференциях 1961, 1971 и 1988 гг. при описании преступлений делегаты

оперировали именно данным термином. В самом тексте Конвенции 1988 г., а именно в ст. 3(3), содержится характеристика субъективной стороны составов преступлений, опирающаяся на выделении «элементов». Официальные комментарии конвенций 1961, 1971 и 1988 гг., в которых даются разъяснения по поводу положений этих конвенций, так же демонстрируют такой подход при их теоретико-правовом обосновании. Выделение элементов преступлений является общепринятым подходом при разработке, формулировании и официальном толковании международно-правовых норм. Рассматриваемый подход находит выражение не только в антинаркотических конвенциях ООН, но и в конвенционных актах Совета Европы, а также в Статуте Международного уголовного суда и сформированной на его основе практике; в частности, Конвенция об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности 1990 г.,⁸⁷ находящаяся в тесной предметной взаимосвязи с п. 1 ст. 3 Конвенции 1988 г., использует аналогичную модель при конструировании положений, касающихся форм вины, что свидетельствует о единообразии соответствующего нормативного решения; учитывая, что Российская Федерация участвует в данной конвенции, открытой к подписанию также для государств, не входящих в Совет Европы, её положения обладают не только теоретическим, но и прикладным значением в национальном правоприменительном контексте. Статут Международного уголовного суда содержит главу с названием «Элементы преступлений»⁸⁸, что также свидетельствует о широком распространении «элементного» подхода при формулировании уголовных международно-правовых норм.

Помимо выделения элементов как структурных единиц преступлений в области незаконного оборота наркотических средств, мы сталкиваемся и с другими правовыми конструкциями, которые требуют своего осмысления с позиций отечественного права. Так, формулирование в ст. 3(1) Конвенции

⁸⁷ Конвенция об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности (СЕД N 141). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rm.coe.int/168007bd4a> (дата обращения: 04.05.2025)

⁸⁸ Elements of Crimes. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.icc-cpi.int/sites/default/files/Publications/Elements-of-Crimes.pdf>

1988 г. состава преступления, связанного с отмытием денежных средств, полученных в результате совершения наркопреступлений, имеет своей основой деление преступлений на основные и дополнительные. Такая дифференциация широко распространена в странах общего права, а также нашла свое закрепление и в рассматриваемых конвенциях. Применительно к составу преступления по ст. 3(1)(b) Конвенции 1988 г., описывающему отмытие денежных средств, основным преступлением является любое из преступлений по ст. 3(1)(a), а дополнительным – отмытие денежных средств по ст. 3(1)(b). Ни в одной из рассматриваемых конвенций не дается легального определения «основного» и «дополнительного» преступления. Однако данное определение возможно найти в Конвенции об отмытии денежных средств 2005 г., согласно которой основным понимается такое преступление, в результате совершения которого были получены доходы, являющиеся объектом преступления по отмытию денежных средств. Примечательно, что определение «дополнительного» преступления в данном случае не приводится, по всей видимости из-за того, что само преступление по отмытию денежных средств, которому и посвящена одноименная конвенция, и является таким дополнительным преступлением. Более того, не проясняет существо дела и использование двух разных терминов для обозначения одного и того же понятия. Так, даже в пределах одной статьи ст. 9 Конвенции об отмытии денежных средств 2005 г. одни и те же преступления, в результате которых образовался доход, называются как «основными», так и «предикатными». В то же время определение предикатных преступлений не дается, но указывается, что в Приложении к данной конвенции приводится их список. При этом государства-участники этой конвенции обязаны ввести уголовную ответственность за отмытие доходов, образовавшихся в результате совершения данных предикатных преступлений.

Необходимо отметить, что в главе 25 УК РФ⁸⁹ отсутствует статья, в соответствии с которой уголовному наказанию подвергалось бы отмывание доходов, полученных в результате совершения наркопреступлений. В то время как ст. 3(1)(b) Конвенции 1988 г. обязывает государства-участники предусмотреть уголовную ответственность за отмывание таких доходов. Однако каким образом будет имплементировано данное положение международного договора относится к компетенции национального законодателя. Российский законодатель пошел по пути криминализации отмывания любых доходов, полученных преступным путем, а не только в результате совершения наркопреступлений.

Федеральный закон от 7 августа 2001 г. «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»⁹⁰ (далее – Закон о легализации) впервые дал официальное толкование данному понятию. В соответствии со статьей 3 этого Закона легализация определяется как придание правомерного вида владению, пользованию или распоряжению денежными средствами или иным имуществом, полученными в результате совершения преступления, за исключением преступлений, предусмотренных статьями 193, 194, 198, 199 УК РФ, ответственность по которым установлена указанными статьями.

Закреплённое в Законе о легализации определение данного деяния акцентирует внимание на целевом результате противоправного поведения, а именно на стремлении придать имуществу видимость правомерного происхождения, при этом сам механизм и последовательность действий, посредством которых достигается указанный результат, остаются за пределами нормативного описания; вместе с тем первоначальная редакция ст. 174 УК РФ, не выделяя цель в качестве обязательного признака состава

⁸⁹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

⁹⁰ Федеральный закон "О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма" от 07.08.2001 N 115-ФЗ. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32834/

преступления, рассматривала легализацию (отмывание) преимущественно как процессуально выраженную форму преступной деятельности; ситуация изменилась с 1 февраля 2002 г., когда в связи с принятием соответствующего федерального закона в ст. 174 УК РФ были внесены изменения и одновременно введена ст. 174.1 УК РФ, вследствие чего понятие легализации (отмывания) стало конструироваться через одновременное указание как на способы совершения деяния, так и на направленность воли субъекта на достижение определённой цели. При этом можно выделить два характерных признака данного понятия: 1) совершение действий с преступными доходами; 2) цель действия, т.е. придание правомерного вида владению, пользованию или распоряжению такими доходами. Как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ, для решения вопроса о наличии состава преступления, предусмотренного статьей 174 УК РФ, необходимо установить, что лицо совершило указанные финансовые операции и другие сделки с денежными средствами или иным имуществом в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом⁹¹. В статье 174 УК РФ предметом преступления являются денежные средства или иное имущество, приобретенные преступным путем, а в статье 174.1 предметом преступления выступают денежные средства или иное имущество, приобретенное в результате совершения преступления.

Следует заметить, что независимо от того, был ли осужден ли по основному преступлению сообщник подозреваемого или нет, последний может быть признан виновным в совершении дополнительного преступления. Данная возможность подверглась критике со стороны представителя Ямайки на Конференции 1988 г., который заявил: «Из пункта 1(b)(i) текста рабочей группы можно понять, что какой-либо участник какого-либо правонарушения или правонарушений может быть осужден, в то время как его основные авторы

⁹¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 ноября 2004 г. N 23 "О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем".

осуждены не будут. Такой результат вряд ли можно считать справедливым»⁹². Тем не менее большинство делегатов Конференции 1988 г. оставили текст статьи в предложенном рабочей группой редакции.

В уголовном законодательстве некоторых стран действует положение, согласно которому, если лицо виновно в совершении основного преступления, то оно не может быть одновременно нести уголовную ответственность за совершение дополнительного преступления. Представитель делегации Австрии на Конференции 1988 г. заявил в отношении подпунктов (b)(1) и (11), что в соответствии с правовой системой Австрии понятие "отмывание" не будет применяться, если это же лицо подлежит наказанию за совершение правонарушения, связанного с наркотическими средствами. По мнению его делегации, это обстоятельство отражает основной принцип австрийской правовой системы и предусмотрено в пункте 11⁹³. В правовых системах других государств-участников отсутствуют препятствия для введения уголовной ответственности в отношении наркоторговцев, отмывающих своих собственные доходы. В частности, в России предусмотрена уголовная ответственность за совершение финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, приобретенными лицом в результате совершения им преступления, в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом (ч. 1 ст. 174.1 УК РФ).

Показателем развития международного сотрудничества можно рассматривать тот факт, что если до принятия антинаркотических конвенций ООН юрисдикция в отношении рассматриваемого преступления могла быть установлена только в случае, если и основное, и дополнительное преступления были совершены в пределах данной территориальной юрисдикции, то теперь

⁹² Конференция Организации Объединенных Наций для принятия Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Вена, 25 ноября – 20 декабря 1988 г. Официальные отчеты, т. 2, с. 261

⁹³ Конференция Организации Объединенных Наций для принятия Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Вена, 25 ноября – 20 декабря 1988 г. Официальные отчеты, т. 2, с. 51

данное обстоятельство перестало служить таким препятствием. Все большее число государств-участников расследует дополнительное преступление по отмыванию доходов, полученных от незаконного оборота наркотических средств, независимо от того, совершено ли основное преступление на их территории или экстратерриториально.

Ст. 3(b) Конвенции 1988 г. возлагает на государства-участники обязанность предусматривать в национальном законодательстве уголовную ответственность за отмывание доходов, полученных от совершения преступлений, перечисленных в ст. 3(a); при этом многие государства расширили этот подход, устанавливая ответственность за отмывание доходов, связанных с любыми преступлениями в сфере наркотиков, что было реализовано, например, в английском Законе о незаконном обороте наркотиков 1985 г. Более того, как отмечалось выше, Российской федерацией в уголовный кодекс были включены две статьи - 174 и 174.1, устанавливающие уголовную ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств и иного имущества, приобретенного преступным путем, а не только в результате совершения наркопреступлений.

Объективная сторона состава преступления по ст. 3(b), предусматривает два формы совершения деяния: 1) конверсия или перевод собственности (ст. 3(b)(i)); 2) сокрытие или утаивание подлинного характера, источника, местонахождения, способа распоряжения, перемещения, подлинных прав в отношении собственности (ст. 3(b)(ii)). Обе формы связаны с передачей титула собственника с целью отмывания доходов наркоторговцев. «Конверсия» означает внесение изменений или полную модификацию состояния собственности. «Перевод» связан с перемещением собственности с одного места на другое, а также от одного лица другому. В узко-юридическом смысле под переводом понимается действие, посредством которого «титул собственника переходит от одного лица другому»⁹⁴. Фраза «в результате

⁹⁴ Black, H.C. (1951). Black's Law Dictionary. West Publishing. P. 1497.

участия в таком правонарушении или правонарушениях» была включена в настоящую статью для того, чтобы гарантировать привлечение к уголовной ответственности за отмыwanie доходов соучастников основного (предикатного) преступления. Как подчеркивают авторы Комментариев Конвенции 1988 г., в приведенном тексте указывается на участие как на «акт», а не как на «правонарушение». Следовательно, по их мнению, «сторона должна предусмотреть новый состав преступления, связанный по смыслу подпункта (b) с отмыванием денег, несмотря ни на какие ограничения, которые могут существовать в рамках ее правовой системы»⁹⁵.

При сравнении составов преступлений, закреплённых в ст. 3(b) Конвенции 1988 г. и ст. 174 УК РФ, видно, что в обоих случаях объектом выступают финансовые операции и разнообразные имущественные сделки. В правовой доктрине под финансовыми операциями понимаются любые манипуляции с денежными средствами - наличными и безналичными расчётами, кассовыми операциями, переводами, разменом или конвертацией валюты. Сделками же называют действия, направленные на возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, а также на создание видимости их возникновения или перехода другому лицу.

При анализе положений ст. 3(b) и ст. 3(3) Конвенции 1988 г. возникает вопрос об их соотношении с нормами ст. 9 Конвенции о легализации 2005 г., применяемых в отношении наркопреступлений. Показательно, что первые два пункта статьи 9 Конвенции о легализации 2005 г. почти дословно воспроизводят положения ст. 3 Конвенции 1988 г. в отношении криминализации отмывания дохода, полученного преступным путем. Основное отличие заключается в том, что действие Конвенции о легализации 2005 г. распространяется на доходы, полученные при совершении не только наркопреступлений. Также в ст. 9 добавлен п. 2(b), согласно которому

⁹⁵ Комментарий к Конвенции Организации Объединённых Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г. Организация Объединённых Наций, Нью-Йорк, 1999 г., с. 58

положения данного пункта не применяются к лицам, совершившим основное (предикатное) преступление. Аналогичное положение отсутствует в ст. 3 Конвенции 1988 г., что объясняется наличием защитительной оговорки в ее пункте 11, согласно которой описание правонарушений входит в компетенцию национального законодательства каждой стороны. Обсуждаемая правовая норма имеет значение для тех стран, конституционные положения и основные принципы правовых систем которых запрещают привлечение к ответственности одно и то же лицо за совершение как основного, так и дополнительного преступления. Такое положение, как было отмечено, относится, например, к основным принципам правовой системы Австрии⁹⁶.

Нормы ст. 3(b)(ii) Конвенции 1988 г. связаны с отмыванием собственности в узком смысле слова, включающим умышленный обман официальных лиц, и прежде всего работников правоохранительных органов, по поводу того, каким образом была приобретена или создана собственность. А именно подозреваемый скрывает следующие обстоятельства в отношении собственности:

- «подлинный характер» – существенную характеристику собственности, заключающуюся в связи с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ;

- «источник» – происхождение собственности в результате незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ;

- «местонахождение» – физическое расположение собственности, полученной в результате незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ;

- «распоряжение» – перевод, отчуждение или отказ от собственности, полученной в результате незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ;

⁹⁶ Конференция Организации Объединенных Наций для принятия Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Вена, 25 ноября – 20 декабря 1988 г. Официальные отчеты, т. 2, с. 51

- «перемещение» – изменение местонахождения собственности, полученной в результате незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ;

- «подлинные права» – факт осуществления прав в отношении собственности наркоторговцами;

- «принадлежность» – факт владения собственностью наркоторговцами.

Обращает на себя внимание, что в статье отсутствует требование о том, что сокрытие и утаивание перечисленных сведений должно быть осуществлено с умыслом какого-либо соучастника в незаконном обороте. В этой связи буквальное толкование данного положения приводит к выводу, что даже работники банка могут быть привлечены к уголовной ответственности за перевод денежных средств наркоторговцев, являющихся их вкладчиками, если им известно о связи денежных средств с наркопреступлениями.

Действия, перечисленные в ст. 3(b)(i) и ст. 3(b)(ii), осуществляются в отношении собственности, которая определяется в ст. 1(q) как «активы любого рода, материальные или нематериальные, движимые или недвижимые, осязаемые или неосязаемые, а также юридические документы или акты, удостоверяющие право на такие активы или участие в них». В соответствии со ст.1(p) доходы означают «любую собственность, полученную или приобретенную прямо или косвенно в результате совершения правонарушения, признанного таковым в соответствии с пунктом 1 статьи 3».

Приведенное определение собственности как предмета преступления по отмыванию доходов было положено в основу последующих международных правовых инструментов практически без изменений. Как отметил Комитет по подготовке проекта Конвенции о легализации 1990 г., было бы целесообразным, чтобы все определения насколько это возможно, соответствовали определениям Конвенции 1988 г. по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, поскольку основная масса правонарушений по Конвенции о легализации 1990 г. будет связана с наркопреступлениями. Такой

подход лег в основу принятия как Конвенции о легализации 1990 г., так и Конвенции против транснациональной организованной преступности⁹⁷.

Следует заметить, что определение доходов как предмета рассматриваемых преступлений получило свое дальнейшее развитие. В Конвенции о легализации 1990 г. и Конвенции о легализации 2005 г. такие доходы означают «любую экономическую выгоду, полученную или извлеченную, прямо или косвенно в результате совершения преступлений». Расширение понятия «доходы от преступлений» путем включения любой экономической выгоды было вызвано стремлением лишить преступников даже малейшей экономической выгоды от их преступной деятельности⁹⁸.

Криминализация преступлений в ст.3(1)(b), связанных с отмыванием денежных средств, полученных преступным путем, является частью общей стратегии Конвенции 1988 г., направленной на противодействие финансовой составляющей незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Преступления же по ст. 3(1)(c)(i) имеют отношение к другому аспекту противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ. Важно, что рассмотренные выше нормы дополнены следующими положениями:

- ст. 5(a), предусматривающей конфискацию доходов, полученных в результате совершения преступлений, перечисленных в ст. 3(1);
- ст. 9(b)(ii), посвященной сотрудничеству в расследовании и обмену сведениями в отношении преступлений по отмыванию доходов;
- ст. 9(2)(d) и ст. 9(2)(e), регулирующие подготовку кадров для выявления преступлений по отмыванию доходов, полученных преступным путем.

⁹⁷ Explanatory Report to the Council of Europe Convention on Laundering, Search, Seizure and Confiscation of the Proceeds from Crime and on the Financing of Terrorism. Warsaw, 16.V.2005, para 30. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rm.coe.int/16800d3813> (дата обращения: 24.05.2025)

⁹⁸ Explanatory Report to the Council of Europe Convention on Laundering, Search, Seizure and Confiscation of the Proceeds from Crime and on the Financing of Terrorism. Warsaw, 16.V.2005, para 31. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rm.coe.int/16800d3813> (дата обращения: 24.05.2025)

Названные правовые нормы обязывали государства-участники принять меры внутригосударственного характера для их имплементации. В Recommendations № 4 FATF Report⁹⁹ прямо говорится о необходимости имплементации положений Конвенции 1988 г. в отношении отмывания преступных доходов в национальное законодательство. Однако несмотря на важную роль, которую сыграли нормы Конвенции 1988 г. в противодействии отмыванию доходов, полученных от незаконного оборота наркотиков, государства-участники не смогли достичь согласия о возможности совершения данных преступлений с неосторожной формой вины. В последующих международных договорах, таких как Конвенция о легализации 1990 г. и Конвенция о легализации 2005 г., соответствующие нормы были согласованы, но они носят рекомендательный характер. В то же время некоторые страны в своем уголовном законодательстве, например Швейцария, предусматривают возможность привлечения к уголовной ответственности за данные преступления при наличии даже такой разновидности неосторожной формы вины, как небрежность¹⁰⁰.

В соответствии с вводным параграфом к ст. 3(1) определяет, что рассматриваемое преступление совершается с такой формой элемента виновности как намерение. Управляющий имуществом должен знать в момент его приобретения, что оно получено преступным путем. Лицо, которое добросовестно получило имущество и лишь затем узнало о его преступном происхождении, не подлежит уголовной ответственности. Тем самым если банку, принявший денежные средства, в дальнейшем станет известно об их преступном происхождении, то это не будет преступлением, предусмотренным ст. 3(1)(c)(i). Однако если работники банка намеренно скроют или утаят преступное происхождение денежных средств от

⁹⁹ International Standards on Combating Money Laundering and the Financing of Terrorism & Proliferation. The FATF Recommendations. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.fatf-gafi.org/content/dam/fatf-gafi/recommendations/FATF%20Recommendations%202012.pdf.coredownload.inline.pdf?nocache=true> (дата обращения: 24.05.2025)

¹⁰⁰ Ст. 315.1 Уголовного кодекса Швейцарии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/20007>

правоохранительных органов, то они совершат преступление, предусмотренное ст. 3(1)(c)(ii). В этой связи Схютте отметил: «Представляется крайне важным, чтобы правоохранительные органы были информированы о любых возможных последствиях для третьих сторон, в том числе о наличии подлога, совершенного с целью помешать наложению ареста или конфискации»¹⁰¹. Если работники банка впоследствии использует полученные им сведения для извлечения неоправданных доходов для себя или третьей стороны путем конверсии доходов в другую собственность или их передачи, то тогда ими будет нарушена ст. 3(b)(i), что согласно пункту 1(c) является второй частью незаконных операций¹⁰².

В отношении субъективной стороны рассматриваемых преступлений, ст. 3(3) определяет, что они совершаются при наличии таких элементов виновности как «знание», «намерение» и «цель», которые могут быть установлены на основании «объективных фактических обстоятельств».

Ключевые характеристики составов преступлений, связанных с владением оборудованием, материалами или веществами с целью их использования при незаконном культивировании, производстве или изготовлении наркотических средств и психотропных веществ, зафиксированы в ст. 3(1)(c)(ii) Конвенции 1988 г. По своей сути они почти полностью совпадают с деяниями, описанными в ст. 3(1)(a)(iv), которые запрещают производство, транспортировку и распространение аналогичных предметов, используемых для аналогичных целей. Разделение этих положений возникло в связи с отсутствием согласия среди государств-участников относительно уголовной ответственности за простое владение таким оборудованием, материалами или веществами. Был достигнут компромисс: действия по «изготовлению, транспортировке и распространению» подлежат

¹⁰¹ Конференция Организации Объединенных Наций для принятия Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Вена, 25 ноября – 20 декабря 1988 г. Официальные отчеты, т. 2, с. 89.

¹⁰² Там же.

обязательной криминализации, тогда как владение ими регулируется через защитительную оговорку, учитывающую конституционные ограничения, правовую систему и внутреннее законодательство каждой страны-участницы. Как отмечалось на Конференции 1988 г., положения подпункта (а), являющиеся центральным элементом конвенции, не сопровождаются ограничительными оговорками, в то время как положения подпункта (с) подчиняются требованиям конституционного и внутреннего права Сторон.¹⁰³

Объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 3(1)(с)(ii) Конвенции 1988 г., составляет владение оборудованием или материалами или веществами, указанными в Таблице I и Таблице II, если они используются или предназначены для использования в целях незаконного культивирования, производства или изготовления наркотических средств или психотропных веществ. Понятия культивирования, производства и изготовления определены в Единой конвенции 1961 г.

Субъективную сторону данного состава преступления составляет такой элемент виновности как «намерение», что установлено во вводном параграфе ст. 3(1). В то же время одного общего намерения недостаточно и лицо должно знать о том, что названные материалы используются или будут использоваться для создания наркотиков одним из названных способов. При этом, в силу ст. 3(3) Конвенции 1988 г., «намерение» и «знание» могут быть установлены на основании «объективных фактических обстоятельств».

Основные элементы еще одной группы преступных деяний, заключающихся в публичном подстрекательстве или побуждении к совершению наркопреступлений, перечислены в ст. 3(1)(с)(iii) Конвенции 1988 г. Данные преступления были включены в Конвенцию 1988 г. по предложению делегации Мексики на Конференции 1988 г. В своем выступлении представитель Мексики отметил, что цель предложения о

¹⁰³ Конференция Организации Объединенных Наций для принятия Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Вена, 25 ноября – 20 декабря 1988 г. Официальные отчеты, т. 1, с.25.

дополнительном преступлении заключается в том, чтобы государства-участники применяли уголовно-правовые санкции в отношении любой пропаганды участия в незаконном обороте наркотиков. Им было обращено внимание на то, что «такая деятельность глубоко противоречит интересам общества и здоровью населения и должна считаться частью кампании международного сообщества по искоренению злоупотребления наркотическими средствами»¹⁰⁴. Положения об этих преступлениях в силу вводного параграфа к ст.3(1)(с) применяются с учетом конституционных принципов и основных принципов правовой системы государств-участников.

Объективную сторону данного состава преступления составляют такие действия как публичное подстрекательство или побуждении к совершению преступлений, указанных в настоящей статье, а также к незаконному использованию наркотических средств или психотропных веществ. Дополнение объективной стороны незаконным использованием наркотических средств и психотропных веществ объясняется тем, что такое использование не является преступлением по ст. 3 Конвенции 1988 г.

Необходимо подчеркнуть, что согласно ст. 230 УК РФ склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов является уголовно-наказуемым деянием. Склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (статья 230 УК РФ) может выражаться в любых умышленных действиях, в том числе однократного характера, направленных на возбуждение у другого лица желания их потребления (в уговорах, предложениях, даче совета и т.п.), а также в обмане, психическом или физическом насилии, ограничении свободы и других действиях, совершаемых с целью принуждения к потреблению

¹⁰⁴ Конференция Организации Объединенных Наций для принятия Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Вена, 25 ноября – 20 декабря 1988 г. Официальные отчеты, т. 2, с. 91

наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов лицом, на которое оказывается воздействие¹⁰⁵.

Состав преступления, предусмотренный ст. 3(1)(с) является формальным, так как оно окончено в момент публичного подстрекательства или побуждения к названным незаконным действиям и не требует наступления каких-либо последствий для привлечения к уголовной ответственности. «Следует отметить, что при рассмотрении подстрекательства в качестве предварительной преступной деятельности всегда имеется в виду неудавшееся подстрекательство. В отличие от него подстрекательство к преступлению, которое затем было совершено, представляет собой разновидность соучастия»¹⁰⁶.

Во избежание двусмысленных трактовок посягательства как преступления в рамках правовых семей общего и континентального права нами предлагается выделять следующие возможные значения термина «подстрекательства» в контексте российского уголовного права:

- как предварительная преступная деятельность (уголовно ненаказуема в отличие от стран общего права, если не было покушения или приготовления к тяжкому или особо тяжкому преступлению);

- как разновидность соучастия (после совершения преступления, ч. 4 ст. 33 УК);

- как самостоятельное преступление (ст. 230 УК).

Субъективную сторону состава преступления, предусмотренного ст. 3(1)(с)(iii) Конвенции 1988 г., составляет его совершение с таким элементом виновности как «намерение». При этом в силу ст. 3(3) существование названного намерения может быть подтверждено «объективными фактическими данными».

¹⁰⁵ п. 27 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 N 14 (ред. от 16.05.2017) "О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами"

¹⁰⁶ Крылова, Н. Е. Уголовное право зарубежных стран в 3 т. Том 1. Общая часть. Англия. США : учебник для вузов / Н. Е. Крылова, Н. А. Голованова, И. Д. Козочкин ; ответственный редактор Н. Е. Крылова. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2023. С. 56.

Согласно ст. 3(1)(c)(iv) подлежат криминализации такие формы предварительной преступной деятельности как «покушение», а также «причастность или сговор». При этом «сговор» включает в себя «участие», «пособничество», «подстрекательство», «содействие» и «дачу советов». Все эти виды соучастия носят акцессорный характер, поскольку совершается в связи с преступлениями, перечисленными в ст. 3 Конвенции 1988 г. Принятие данных положений было связано с необходимостью привлечения к уголовной ответственности не только непосредственных исполнителей, но и их соучастников.

Одним из самых сложных вопросов при осуществлении международного сотрудничества можно считать проблему формулирования международно-правовых положений в отношении неоконченных преступлений и соучастия в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Проводя компаративистский анализ составов наркопреступлений в международном и национальном уголовном праве, нужно учитывать, что непосредственно сравнительно-правовой подход может применяться на различных уровнях: микросравнение, институциональное сравнение и макросравнение. «Микросравнение предполагает анализ того, как на конкретную социальную проблему реагируют конкретные национальные правовые порядки, с последующим сопоставлением полученных результатов»¹⁰⁷. Представляется, что сравнительно-правовой анализ форм соучастия в правовых системах общего и континентального права, должен проводиться на микроуровне. «Уровень институционального сравнения предполагает сопоставление отдельных институтов права и лежащих в их основе концепций: например, института субъективной составляющей преступного деяния, института неоконченной преступной деятельности, института наказания и т.д.»¹⁰⁸. В этой связи

¹⁰⁷ Есаков, Г.А. Основы сравнительного уголовного права. Монография / Есаков Г.А. - М.: Изд-во "Элит", 2007. С. 9.

¹⁰⁸ Там же.

сравнительный анализ неоконченных преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств предполагает сопоставление путем институционального сравнения. При этом возможно и макросравнение, осуществляемое на уровне сопоставления отраслей права и правовых систем, что объясняется наличием системных межуровневых связей.

В Конвенции 1988 г. вопросам криминализации неоконченных посягательств и различных форм соучастия при совершении преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, посвящена названная статья 3(1)(c)(iv). Положения настоящей статьи применяются с учетом защитительной оговорки о конституционных и основных принципах правовых систем государств-участников. Необходимость такой оговорки вызвана значительными различиями в правовом регулировании неоконченных преступлений и соучастия в странах, принадлежащих к правовым семьям общего и континентального права. В ходе Конференции 1988 г. отдельные делегации обратили внимание на то, что терминологические решения, использованные в соответствующей статье, способны породить сложности при их имплементации в рамках национальных правовых систем, поскольку ряд понятий не обладает универсальным характером; в качестве примера указывалось, что категория «сговор» (conspiracy - прим. автора) отсутствует либо наполняется иным содержанием в праве отдельных государств, в связи с чем, по мнению данных представителей, рассматриваемое положение целесообразно было бы сопроводить специальной ограничительной оговоркой, учитывающей особенности национального законодательства¹⁰⁹.

Однако не все делегаты были согласны с названной оговоркой, считая, что она не способствует исполнению государствами-участниками своих обязательств по противодействию незаконному обороту наркотических

¹⁰⁹ Конференция Организации Объединенных Наций для принятия Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Вена, 25 ноября – 20 декабря 1988 г. Официальные отчеты, т. 1, с. 25.

средств и психотропных веществ. Представитель Индии выразил мнение, что рассматриваемый проект «не должен преуменьшать серьезности правонарушений, предусмотренных в предыдущих конвенциях, особенно учитывая то обстоятельство, что новая конвенция призвана сделать более суровыми международные положения, касающиеся уголовного наказания за такие преступления»¹¹⁰.

Таким образом, составы международных наркопреступлений, закрепленные в антинаркотических конвенциях ООН, для целей имплементации возможно разделить на три группы, исходя из характера их объективных признаков: 1) преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, связанные с производством и поставкой последних; 2) преступления, сопряженные с конверсией или переводом собственности, а также с отмыванием доходов от незаконного оборота наркотических средств и сходных с ними веществ; 3) Преступления, связанные с оборудованием и материалами, используемыми для незаконного оборота названных веществ.

Преступления, перечисленные в первых двух пунктах, являются обязательными для имплементации государствами-участниками и не предусматривают оговорок, связанных со внутренним законодательством сторон. Тем самым противодействие данным наркопреступлениям является особенно важным для международного сотрудничества, поскольку при их совершении предусматривается возможность применения конфискации, осуществление экстрадиции и оказание правовой помощи.

Основным средством гармонизации правового регулирования противодействия незаконному обороту наркотических средств в антинаркотических конвенциях ООН выступают защитительные оговорки, нивелирующие различия правовых систем государств-участников при осуществлении международного сотрудничества. Использование института

¹¹⁰ Конференция Организации Объединенных Наций для принятия Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Вена, 25 ноября – 20 декабря 1988 г. Официальные отчеты, т. 2, с. 92.

защитительных оговорок, вопреки мнению представителей ряда государств-участников, не только не препятствует международному сотрудничеству в рассматриваемой сфере, но напротив, является залогом его эффективности.

§1.3 Реализация государствами-участниками положений антинаркотических конвенций ООН об ответственности за незаконный оборот наркотических средств

Одной из ключевых сложностей в процессе международного взаимодействия по борьбе с незаконным оборотом наркотиков является проблема согласования законодательства о наказаниях, обусловленная значительными различиями в типах и величине санкций, действующих в разных государствах-участниках.

С учетом защитительной оговорки о конституционных ограничениях, ст. 36(1) Единой конвенции 1961 г. обязывает стороны принять меры, обеспечивающие уголовно-правовое или административное наказание за умышленное совершение правонарушений, предусмотренных настоящей статьей. Норма этой статьи определяет два способа назначения наказания: общий и специальный. Общий способ назначения наказания обязывает стороны предусмотреть наказание за совершение правонарушений, перечисленных в ст. 36(1) Единой конвенции 1961 г. Вид и размер наказания при этом не конкретизируется, оставляя решение данного вопроса на усмотрение государств-участников. Специальный способ назначения наказания определяет, что «серьезные преступления будут подлежать соответствующему наказанию, в частности тюремному заключению или иному способу лишению свободы». В приведенной характеристике специального способа назначения наказания можно выделить три критерия.

Во-первых, определение серьезности преступления, требующего тюремного заключения или иного способа лишения свободы, является дискреционным полномочием государств-участников. Очевидно, что представления о серьезности преступлений в сфере незаконного оборота

наркотических средств и психотропных веществ отличаются в условиях разных правовых систем.

Во-вторых, в обязательстве о том, что серьезные преступления подлежат соответствующему наказанию, не раскрывается содержание понятий «серьезные преступления» и «соответствующее наказание». Так, представитель СССР на Конференции 1961 г. выступал против ужесточения наказания, отмечая, что целью наказания в СССР являлась, в том числе, и реабилитация, позволяющая преступнику после отбытия наказания вновь стать полноценным членом общества. Также была подчеркнута относительность понятия жестокости наказания за конвенционные преступления. Например, в СССР за впервые совершенное преступление было предусмотрено наказание в виде одного года лишения свободы или штраф в 100 рублей. Представитель СССР отметил, что во многих государствах-участниках такое наказание, без сомнения, считалось бы слишком мягким¹¹¹. Исполнительный секретарь Конференции 1961 г. Яйтс выступал за использование термина «эффективное наказание» вместо «жестокое наказание»¹¹². Вследствие различия во взглядах на наказание, формулировка «жестокое наказание» (severe punishment) было заменено на Конференции 1961 г. на «соответствующее наказание» (adequate punishment).

Окончательное решение о виде и размере наказания за совершение преступлений, предусмотренных ст. 36 Единой конвенции 1961 г., остается за государством-участником. Если совершенное преступление не рассматривается на национальном уровне как серьезное преступление по смыслу ст. 36, то отсутствуют препятствия для назначения, например штрафа, а не лишения свободы. Так, согласно ч. 1 ст. 231 УК РФ незаконное культивирование в крупном размере растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, может

¹¹¹ United Nations Conference for the adoption of a Single Convention on Narcotic Drugs. New York – 24 January-25 March 1961. Official Records, vol. II. E/CONF.34/24/Add. 1. New York, 1964, p. 238.

¹¹² United Nations Conference for the adoption of a Single Convention on Narcotic Drugs. New York – 24 January-25 March 1961. Official Records, vol. II. E/CONF.34/24/Add. 1. New York, 1964, p. 237.

наказываться штрафом в размере до трехсот тысяч рублей. Однако в случае признания преступления серьезным, назначение наказания, не связанного с лишением свободы, вряд ли можно рассматривать как «соответствующим» в терминах ст. 36 Единой конвенции 1961 г. То же деяние, указанное в ч. 1 ст. 231 УК РФ, но совершенное в особо крупном размере, наказывается только лишением свободы сроком до восьми лет.

В-третьих, содержащееся в рассматриваемой статье требование о «тюремном заключении или ином способе лишения свободы» как «соответствующем наказании» за совершение серьезного преступления, так же применяется с учетом национальных особенностей. По мнению авторов официального комментария к Единой конвенции 1961 г, иные способы лишения свободы могут включать исправительные и трудовые лагеря¹¹³.

И общие, и специальные положения о назначении наказания, предусмотренные ст. 36 Единой конвенции 1961 г., распространяются исключительно на деяния, совершаемые с целью участия в незаконном обороте наркотических средств. При этом нормы данной статьи не охватывают другие виды поведения, включая личное потребление наркотиков, а также хранение или приобретение этих веществ без намерения вовлечь их в незаконный оборот, предназначенные исключительно для собственных нужд. Альфонс Нолл отмечает, что антинаркотические конвенции «ни в коей мере не направлены на введение суровых уголовно-правовых санкций за злоупотребление наркотиками, как часто заявляют противники международной системы наркоконтроля»¹¹⁴. Согласно ст. 4 Единой конвенции 1961 г. государства-участники обязаны принять такие законодательные и административные меры, которые необходимы для ограничения исключительно медицинскими и научными целями производство,

¹¹³ Commentary on the Single Convention on Narcotic Drugs, 1961 (Prepared by the Secretary-General in accordance with paragraph 1 of Economic and Social Council resolution 914 D (XXXIV) of 3 August 1962), p. 429

¹¹⁴ Noll A. Drug abuse and penal provisions of the international drug control treaties. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.unodc.org/unodc/en/data-and-analysis/bulletin/bulletin_1977-01-01_4_page004.html (дата обращения: 24.05.2025)

изготовление, вывоз, ввоз, распределение наркотических средств, торговлю ими и их применение и хранение.

В доктрине отсутствует единая позиция относительно того, возлагает ли на государства-участников обязанность уголовно преследовать хранение наркотических средств и психотропных веществ, осуществляемое исключительно для личного потребления; в рамках одного из подходов ст. 36(1) Единой конвенции интерпретируется как требующая закрепления уголовно-правовых мер лишь применительно к случаям хранения, функционально связанным с целью незаконного оборота, при этом в обоснование такой трактовки указывается, во-первых, что в итоговой редакции проекта данная статья была включена в раздел, посвящённый именно борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, и, во-вторых, что её систематическое расположение между ст. 35 «Меры по борьбе с незаконным оборотом» и ст. 37 «Наложение ареста и конфискация» позволяет сделать вывод об ограничении сферы действия положений ст. 36 соответствующими деяниями.

Однако возможно и иное толкование рассматриваемых положений, согласно которому положения ст. 36 распространяются на хранение не только для целей незаконного оборота, но и для личного использования. Так, в ст. 33 говорится о том, что стороны не разрешают хранение наркотических средств, иначе как на основании законного права. Более того, в поддержку такого подхода можно привести указания ст. 3(2) Конвенции 1988 г., в соответствии с которыми хранение, приобретение и культивирование для личного потребления является уголовным преступлением.

Вместе с тем названная проблема могла бы быть разрешена способом, предусмотренным самими антинаркотическими конвенциями ООН. Так, в силу ст. 48 Единой конвенции 1961 г. ст. 31 Конвенции 1971 г. и ст. 32 Конвенции 1988 г. любой спор по толкованию названных конвенций может быть разрешен Международным судом.

Наличие различных подходов к необходимости наказания за хранение наркотических и психотропных средств, не связанное с их незаконным оборотом, демонстрирует практика ряда государств. В Испании хранение наркотических средств и психотропных веществ для личного потребления не рассматривается ни как преступление, ни как административное правонарушение¹¹⁵. В Нидерландах и Германии хранение для личного потребления остается ‘de jure’ уголовно наказуемым деянием, но ‘de facto’ полиция, прокуратура и суды избегают назначения наказания, включая штрафы, за хранение незначительного количества наркотиков¹¹⁶. Чешская республика отменила уголовную ответственность за хранение наркотиков для личного потребления, но те лица, кто был пойман с небольшим их количеством, могут быть подвергнуты административному наказанию или направлены на лечение в специализированные учреждения¹¹⁷.

Одним из самых известных примером в контексте рассматриваемого вопроса можно считать Португалию, где в 2001 г. была отменена уголовная ответственность за использование любых наркотиков. По мнению португальских властей, замена уголовной ответственности административным наказанием соответствует международным обязательствам Португалии по установлению в национальном законодательстве запрета на совершение данных действий¹¹⁸. Авторы Комментария к Единой конвенции 1961 г. считают, что государства-участники могут не привлекать к уголовной ответственности лиц, хранящих наркотики для личного потребления, а наказывать их в административном порядке,

¹¹⁵ Bewley-Taylor, Davd & Jelsma, Martin. (2012). The UN Drug Control Conventions: The Limits of Latitude. IDPC Series on Legislative Reform of Drug Policies No. 18. P. 7. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ssrn.com/abstract=2184316> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2184316> (дата обращения: 24.05.2025)

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Blickman, Tom & Jelsma, Martin. (2009). “Drug Policy Reform in Practice: Experiences with Alternatives in Europe and the US,” *Nueva Sociedad*, no. 222. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.tni.org/files/drugsalternativesuseurope.pdf> (дата обращения: 24.05.2025)

¹¹⁸ Loo, Mirjam & Beusekom, Ineke & Kahan, James. (2002). Decriminalization of Drug Use in Portugal: The Development of a Policy. *Annals of The American Academy of Political and Social Science*, no. 582, issue 1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/239770317_Decriminalization_of_Drug_Use_in_Portugal_The_Development_of_a_Policy (дата обращения: 24.05.2025)

поскольку «хранение небольшого количества наркотиков не может считаться «серьезным преступлением» по смыслу ст. 36»¹¹⁹. Однако хотя указанные авторы и не считают простое хранение серьезным преступлением, государства-участники имеют право наказывать лишением свободы простое хранение на основании ст. 39 Единой конвенции 1961 г. Положения этой статьи устанавливают, что государства-частники могут принимать более строгие или более суровые меры контроля, чем те, которые предусматриваются Единой конвенцией 1961 г.

В соответствии со ст. 36(2)(a)(ii) различные формы соучастия и неоконченных преступлений, предусмотренных ст. 36(1), должны признаваться наказуемыми деяниями в правовых системах государств-участников. Виды и размер наказания определяются с учетом оговорок о «конституционных ограничениях», «системе права» и «внутреннем законе» государства-участника. В то же время, если государство-участник рассматривает данное преступление как серьезное, то и наказание должно быть «соответствующим» (adequate), т.е. быть связанным с лишением свободы. Более того, из ст. 50 Модельного кодекса о наркопреступлениях, разработанного Управлением ООН по наркотикам и преступности, следует, что за любое неоконченное наркопреступление наказание должно быть таким же, как и за оконченное. Такой же принцип предлагается использовать и в отношении приготовления и покушения на совершение наркопреступления¹²⁰. С названным подходом трудно согласиться, в силу его несоответствия началам назначения наказания, а именно требованию о необходимости его дифференциации в зависимости от общественной опасности совершенного деяния. В этой связи согласно ч. 2 ст. 30 УК РФ уголовная ответственность наступает за приготовление только к тяжкому и особо тяжкому преступлениям. А в соответствии с ч. 2 и ч. 3 ст. 66 УК РФ срок или размер

¹¹⁹ Commentary on the Single Convention on Narcotic Drugs, 1961 (Prepared by the Secretary-General in accordance with paragraph 1 of Economic and Social Council resolution 914 D (XXXIV) of 3 August 1962), p. 112.

¹²⁰ Model Legislative Provisions on Drug Control. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.unodc.org/unodc/en/legal-tools/model-treaties-and-laws.html> (дата обращения: 04.05.2025)

наказания за приготовление к преступлению и покушению на него не может превышать, соответственно, половины и трех четвертей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса за оконченное преступление.

Различия в подходах к определению вида и размера наказания за неоконченные наркопреступления в правовой системе государства-участника во многом определяются его принадлежностью к правовой семье общего или континентального права. Как считает Голованова Н.А. в англосаксонском праве на этапе предварительной преступной деятельности можно выделить три института: подстрекательство, сговор и покушение. «Большинство преступлений такого рода начинается с подстрекательства одним лицом другого к совершению преступления. Когда другое лицо соглашается на это предложение, возникает сговор, а затем эти действия могут перерасти в покушение»¹²¹. Из приведенной цитаты следует, что автор рассматривает подстрекательство, сговор и покушение как неоконченные преступления по англосаксонскому праву. По мнению И.Д. Козочкина, в «отличие от уголовного права континентальной Европы предварительная преступная деятельность в американском праве не связана со стадиями развития преступления. Более того, там даже нет этого понятия»¹²². Налицо различия в подходах к определению понятия неоконченных преступлений в общем праве у названных правоведов. Если первый автор рассматривает их как сменяемые друг друга стадии совершения преступления, то второй – с точки зрения «незавершенности реализации преступного замысла»¹²³. Отличительная черта правовых понятий в доктрине общего права, связанных с неоконченной преступной деятельностью, заключается в том, что они являются

¹²¹ Крылова, Н. Е. Уголовное право зарубежных стран в 3 т. Том 1. Общая часть. Англия. США : учебник для вузов / Н. Е. Крылова, Н. А. Голованова, И. Д. Козочкин ; ответственный редактор Н. Е. Крылова. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2023. С. 59.

¹²² Там же, с. 177.

¹²³ Там же.

самостоятельными преступными деяниями, объединяемыми под общим наименованием «неоконченное преступление» (inchoate crime)¹²⁴.

В Англии до 2012 г. назначение наказания за совершение наркопреступлений осуществлялось на основании прецедентного права. Однако с 27 февраля 2012 г. наказание преступников, достигших совершеннолетия, стало определяться Руководством по назначению наказания¹²⁵. При этом данное руководство должно применяться ко всем наркопреступлениям, независимо от того, когда они были совершены. В связи с внесенными изменениями в законодательство о наркопреступлениях с 1 апреля 2021 г. в Англии вступило в действие новая редакция Руководства о наказаниях¹²⁶.

Следует заметить, что названное руководство сформулировано на основании необходимости с его помощью достижения целей наказания, сформулированных в ст. 142 Закона об уголовном правосудии 2003 г. (Criminal Justice Act 2003), которыми являются: 1) наказание правонарушителей; 2) снижение преступности (включая ее снижение посредством предотвращения); 3) исправление и ресоциализация правонарушителей; 4) защита общества; 5) возмещение вреда правонарушителями пострадавшим от их преступлений¹²⁷. Тем не менее достигнуть сформулированные цели с помощью действующей системы наказания в Великобритании не удастся. Например, в Англии и Уэльсе остается один из самых высоких уровней применения наказания в виде лишения свободы в Европе. По состоянию на март 2024 г. численность лиц,

¹²⁴ Есаков, Г.А. Уголовное право зарубежных стран : учебное пособие / Г. А. Есаков, Н. Е. Крылова, А. В. Серебренникова ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Моск. гос. юрид. акад. - Москва : Проспект, 2009. С. 214.

¹²⁵ Sentencing Council, Drugs Offences: Definitive Guideline, February 2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.sentencingcouncil.org.uk/wp-content/uploads/Archived-Drug-offences-Definitive-guideline.pdf> (дата обращения: 03.05.2025)

¹²⁶ Revised sentencing guidelines for drug offences of 27 January 2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.sentencingcouncil.org.uk/sentencing-and-the-council/about-sentencing-guidelines/about-published-guidelines/drugs/> (дата обращения: 03.05.2025)

¹²⁷ Есаков, Г.А. Уголовное право зарубежных стран : учебное пособие / Г. А. Есаков, Н. Е. Крылова, А. В. Серебренникова ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Моск. гос. юрид. акад. - Москва : Проспект, 2009. С. 262.

содержащихся под стражей, в Англии и Уэльсе составила 87900 человек, что в два раза больше, чем в 1993 году¹²⁸.

В США цели наказания сформулированы в уголовном законодательстве на федеральном уровне в параграфе 3553 раздела 18 Кодекса США¹²⁹. В данном параграфе устанавливается, что при назначении наказания суды должны учитывать характер и обстоятельства совершённого посягательства, а также биографию и характеристику подсудимого; кроме того, необходимо оценивать целесообразность назначения конкретного вида наказания с точки зрения того, чтобы оно отражало серьёзность преступления, способствовало уважению к закону и обеспечивало справедливое наказание, выполняло функцию сдерживания (устрашения) от совершения преступлений, защищало общество от возможных будущих деяний подсудимого, а также максимально эффективно предоставляло ему образовательные, профессиональные, медицинские и иные исправительные меры (treatment)¹³⁰.

Как отмечает В. М. Шумилов, «в течение долгого времени в США существовала проблема, состоявшая в том, что за одно и то же преступление разные судьи в различных штатах применяли меры наказания не единообразно. Для решения этой проблемы Конгресс США в 1984 году создал специальную Комиссию по приговорам (US Sentencing Commission)»¹³¹. С 1 ноября 1987 г. в США стали применяться разработанные Комиссией по назначению наказания «Федеральное руководство по назначению наказаний». На момент написания настоящей работы в США действовало Руководство по назначению наказаний 2025 года¹³².

¹²⁸ Sturge, G. (2024). UK Prison Population Statistics. House of Commons Library. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/sn04334/> (дата обращения: 03.05.2025)

¹²⁹ 18 U.S. Code § 3553. Imposition of a sentence. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/3553> (дата обращения: 04.05.2025)

¹³⁰ Крылова, Н. Е. Уголовное право зарубежных стран в 3 т. Том 1. Общая часть. Англия. США : учебник для вузов / Н. Е. Крылова, Н. А. Голованова, И. Д. Козочкин ; ответственный редактор Н. Е. Крылова. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2023. С. 209.

¹³¹ Шумилов, В.М. Правовая система США. Учебное пособие / Шумилов В.М. - М.: Международные отношения, 2006. С. 134.

¹³² United State Sentencing Commission, Guidelines Manual §3E1.1 (November 2025). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ussc.gov/guidelines> (дата обращения: 08.12.2025)

В соответствии со ст. 36(2)(a)(iii) Единой конвенции 1961 г., приговоры иностранных судов за преступления, предусмотренные ст. 36(1) должны учитываться «для целей установления рецидивизма». Данное обязательство действует с учетом оговорки о «конституционных ограничениях сторон, их системы права и внутреннего закона»¹³³. Положения о рецидивизме в уголовном праве государств-участников основываются на различных принципах. В Английском уголовном праве нормы о наказании «злостных преступников» (persistent offenders) основываются на следующих принципах: 1) единого наказания; 2) кумулятивного принципа; 3) прогрессивной потери смягчения; 4) ужесточения наказания за рецидивизм (recidivist premium)¹³⁴.

В соответствии с принципом единого наказания, назначение наказания должно определяться совершенным преступлением, а не предыдущими приговорами. Такой точки зрения, например, придерживается George Fletcher¹³⁵, считающий, что наказание должно назначаться только за совершенное деяние с учетом причиненного вреда и степени вины преступника. По его мнению, поскольку наказание за предыдущее преступление уже было назначено, то учет его за новое - приведет к двойному наказанию. В качестве примера практического действия этого принципа приводится наказание за парковку автомобиля в неполюженном месте, когда штраф налагается за каждый эпизод без учета предыдущих¹³⁶.

Применение кумулятивного принципа в отношении рецидивистов в Англии прослеживается еще к середине XIX века. Его суть заключается в том, что за каждое новое преступление назначается более суровое наказание, чем за предыдущее. Тем самым наказание становится кумулятивным для целей предупреждения совершения новых преступлений. Возражая противникам такого подхода, судья Глостершира Барвик Лойд Бэйкер в 1863 году писал: «Если вы сообщите человеку заранее о том, какое его ждет наказание в случае

¹³³ Введение к п. 2 ст. 36 Единой конвенции 1961 г.

¹³⁴ Ashworth, A. (2010). *Sentencing and Criminal Justice (Law in Context)*. Cambridge University Press. P. 198.

¹³⁵ Fletcher, G. P. (2000). *Rethinking Criminal Law (2nd ed.)*. New York: Oxford University Press. P. 460–466.

¹³⁶ Ashworth, A. (2010). *Sentencing and Criminal Justice (Law in Context)*. Cambridge University Press. P. 198.

совершения им преступления, то такое наказание не может считаться несправедливым»¹³⁷.

Третий подход, заключающийся в прогрессивном снижении смягчения наказания, отличается от первого названного принципа тем, что позволяет назначать меньшее наказание, а от второго – установлением предела его ужесточения. Рассматриваемый принцип состоит из двух частей: 1) лицо, совершившее первое преступление, должно получить менее строгое наказание; 2) за второе и последующие преступления рецидивист должен с каждым разом терять возможность смягчения наказания. На протяжении многих лет апелляционные суды Англии рассматривали уголовные дела на основании принципа прогрессивного снижения смягчения наказания¹³⁸. В настоящее время данный принцип назначения наказания продолжает применяться в Ирландии¹³⁹.

Четвертый из названных принципов, пришедший на смену принципу о прогрессивном снижении наказания за последующие преступления, предусматривает ужесточение наказания за рецидивизм. В его основе лежит представление о том, что каждый из предшествующих приговоров усиливает виновность рецидивиста за совершение последующих преступлений. По этой причине наказание рецидивиста должно быть более суровым, чем санкции в отношении лица, впервые совершившего аналогичное преступление¹⁴⁰. По мнению Д. Робертса, предложившего этот принцип, наибольшее ужесточение наказания должно происходить при совершении второго преступления, что же касается последующих преступлений, то здесь необходим «многосторонний подход»¹⁴¹. Каким должен быть такой подход и как именно должно

¹³⁷ Radzinowicz, L., Hood, R. (1986). A History of English Criminal Law Vol. 5 The Emergence of Penal Policy in Victorian and Edwardian England. Stevens & Son, London. P. 237–238.

¹³⁸ Queen v. R. (1981) 3 Cr.App.R.(S) 245. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://caribbean.vlex.com/vid/table-of-cases-1067615796> (дата обращения: 06.05.2025)

¹³⁹ O'Malley, T. (2006). Sentencing Law and Practice (2nd ed.). Thomson Round Hall. P. 140-144.

¹⁴⁰ Roberts, J. (2008). Punishing Persistent Offenders: Exploring Community and Offender Perspectives (Clarendon Studies in Criminology). Oxford University Press. P. 189.

¹⁴¹ Там же, р. 89.

происходить ужесточение наказания в таком случае данным автором не конкретизируется.

В соответствии со ст. 37 Единой конвенции 1961 г. любые наркотические средства, вещества и предметы оборудования, использованные или предназначенные для совершения преступлений, о которых говорится в статье 36, подлежат конфискации. В российской уголовно-правовой доктрине эта мера может трактоваться как наказание или как мера безопасности (иная мера уголовно-правового характера)¹⁴². Конфискация имущества как мера безопасности «может исполнять роль своеобразной экономической блокады преступной деятельности, продолжение которой требует материальных затрат»¹⁴³. Изъятие из преступного оборота наркотических средств, веществ и оборудование является мерой безопасности, направленной на противодействие их распространению и использованию.

Следует заметить, что положения Единой конвенции 1961 г. в отношении конфискации не распространялись на денежные средства и иное имущество, полученные в результате легализации доходов, полученных в результате совершения преступлений, предусмотренных этой конвенцией. Принятых положений было недостаточно для эффективного противодействия незаконному обороту наркотических средств в государствах-участниках Единой конвенции 1961 г. Вступившая в силу Конвенция 1971 г. расширила режим правового регулирования на международном уровне в отношении наркотических средств, также и на психотропные вещества. Основной парадигмой новых норм являлось установление единого режима борьбы с наркопреступлениями в сфере оборота как наркотических средств, так и психотропных веществ. Тем самым правовые подходы, послужившие основой развития норм о наказании за преступления, связанными с наркотическими средствами, определили формулирование норм и в Конвенции 1971 г.

¹⁴² Уголовно-правовое воздействие : Монография / Г.А. Есаков, Т.Г. Понятовская, А.И. Рарог, А.И. Чучаев — Москва : Проспект, 2015. С. 225-226.

¹⁴³ Там же, с. 237.

Приходится признать, что несмотря на международные усилия на основе названных международно-правовых инструментов, во второй половине 80-х и начале 90-х гг. мировой рынок незаконной торговли наркотиками значительно расширился. Культивирование опиумного мака и листьев коки к началу 80-х гг. утроилось, что привело к значительному росту незаконного производства героина и кокаина¹⁴⁴. Система наказаний за международные наркопреступления нуждалась в дальнейшем совершенствовании в рамках международного сотрудничества государств-участников Единой конвенции 1961 г. и Конвенции 1971 г. Новым этапом в развитии международного режима санкций за преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ стала Конвенция 1988 г.

Перечень и степень обязательности наказаний, предусмотренных положениями Конвенции 1988 г., определяется прежде всего тем, к какой из двух групп относится совершённое преступление; к первой группе относятся деяния, связанные с незаконным производством и сбытом наркотических средств и психотропных веществ. Для преступлений первой категории Конвенция 1988 г. предусматривает обязательное применение наказаний в виде лишения свободы, что связано с признанием этих деяний серьёзными. Во вторую категорию включаются менее тяжкие правонарушения, связанные с хранением наркотических веществ без намерения их сбыта и исключительно для личного использования. В таких случаях закон допускает назначение альтернативных мер наказания, включая штрафы и принудительное медицинское вмешательство.

В соответствии со ст. 3(4) Конвенции 1988 г., государства-участники обязаны предусмотреть применение таких санкций, которые учитывают серьёзный характер преступлений, установленных ст. 3(1). Вопрос об обязательном лишении свободы при совершении данных преступлений сопровождался дискуссиями между представителями государств-участников

¹⁴⁴ Stares, P. (1995). "The global drug phenomenon: Implications for policy." In *Policies and Strategies to Combat Drugs in Europe*. London: Martinus Nijhoff. P. 7-14.

на Конференции 1988 г. В ходе обсуждения вопроса о критериях отнесения деяний к категории серьезных преступлений высказывались неоднородные позиции, при этом в рамках одного из подходов предлагалось исходить не из формального перечня, а из совокупности оценочных показателей, включая конкретные условия совершения правонарушения, объём и интенсивность незаконного оборота, в который оно встроено, а также степень нарушения общественного порядка и характер угроз, создаваемых для здоровья отдельных лиц и общества в целом¹⁴⁵. Однако возобладала точка зрения, что все преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, должны рассматриваться как серьезные. При этом определение незаконного оборота, как указала группа экспертов на Конференции 1988 года, дано в ст. 1 Конвенции 1988 года¹⁴⁶. Учитывая серьезный характер преступлений, установленных в ст. 3(1) Конвенции 1988 г., представители государств-участников выражали мнение, что «санкции должны быть достаточно строгими, чтобы иметь ожидаемый сдерживающий эффект»¹⁴⁷. В ст. 3(4) прямо указывается, что одним из видов наказания должно быть тюремное заключение или другие виды лишения свободы, но какие это виды и какими должны быть сроки лишения свободы в данном положении не конкретизируется. Следовательно, государства-участники при определении сроков лишения свободы должны исходить из того обстоятельства, что преступления в сфере незаконного оборота наркотиков носят характер серьезных преступлений международного характера.

Помимо лишения свободы рассматриваемые нормы предусматривают наложение штрафных санкций за совершение преступлений, определенных ст. 3(1). Штраф представляет собой денежное взыскание, принадлежащее к числу

¹⁴⁵ Конференция Организации Объединенных Наций для принятия Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Вена, 25 ноября – 20 декабря 1988 г. Официальные отчеты, т. 1, с. 21.

¹⁴⁶ Конференция Организации Объединенных Наций для принятия Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Вена, 25 ноября – 20 декабря 1988 г. Официальные отчеты, т. 1, с. 22.

¹⁴⁷ Там же.

наказаний, связанных с лишением имущественных выгод. Сумма штрафа, подлежащая взысканию, «определяется судом в зависимости от тяжести содеянного международного преступления с учетом имущественного состояния виновного и исходя из общих начал назначения наказания»¹⁴⁸.

Анализируя систему наказания в российском уголовном праве А.И. Рарог отмечает, что штраф – это самое мягкое наказание, которое может быть как основным, так и дополнительным видом наказания¹⁴⁹. Особенностью определения такого вида наказания как штрафные санкции согласно ст. 3(4) является их дополнительный к лишению свободы характер. Буквальное толкование данной статьи позволяет сделать вывод, что наложение штрафных санкций может назначаться по усмотрению государства-участника и, в отличие от лишения свободы, не является обязательным. Так, в соответствии с п. б ч. 2 ст. 228.1 УК РФ сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, совершенный с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»), наказывается лишением свободы на срок от пяти до двенадцати лет со штрафом в размере до пятисот тысяч рублей либо без такового. Тем самым наказание в виде лишения свободы за данное преступление по УК РФ является обязательным, что соответствует положениям ст. 3(4).

Обращает на себя внимание, что не во всех государствах-участниках соблюдается требование ст. 3(4) Конвенции 1988 г. об обязательном назначении лишения свободы за серьезные наркопреступления и использование штрафа только как дополнительного наказания. Например, согласно ст. 5(3) Закона о злоупотреблении наркотиками 1971 г. Англии, хранение контролируемого вещества с целью сбыта может караться лишением свободы сроком до 14 лет и (или) штрафом. Очевидно, что возможность

¹⁴⁸ Оськина, И. Ю., Международное уголовное право : учебное пособие / И. Ю. Оськина, А. А. Лупу. - Москва : КноРус, 2020. С. 180.

¹⁴⁹ Уголовно-правовое воздействие : Монография / Г.А. Есаков, Т.Г. Понятовская, А.И. Рарог, А.И. Чучаев — Москва : Проспект, 2015. С. 152.

назначение наказания за названное серьезное преступление только в виде штрафных санкций без лишения свободы не соответствует требованиям ст. 3(4) Конвенции 1988 г.

Согласно ст. 3(4) еще одним видом наказания за совершение преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ является конфискация. Легальное определение данного вида наказания дается в ст. 1(f) Конвенции 1988 г., где конфискация включает в соответствующих случаях изъятие и означает окончательное лишение собственности по постановлению суда или иного компетентного органа. По мнению Ш. Бассиуони, институт конфискации нельзя сводить только к правовой помощи, поскольку по своей сути он представляет собой уголовно-правовую санкцию несмотря на то, что в уголовном законодательстве об этом не всегда прямо говорится¹⁵⁰. В то же время, согласно действующему УК РФ конфискация является не наказанием, а мерой уголовно-правового характера, применяемой к лицу, совершившему преступление.

Важное значение для достижения целей наказания имеет учет отягчающих вину обстоятельств. Вопрос об определении и применении отягчающих вину обстоятельств в антинаркотических конвенциях ООН необходимо рассматривать в контексте особенностей назначения наказания в международном уголовном праве вообще. Как отмечает Ш. Боссуони, в 281 международной конвенции уголовно-правового характера, которые были заключены 27 странами, полностью отсутствуют нормы о наказании. Названный автор связывает это с тем, что данные международные уголовные конвенции призваны применяться не непосредственно, а с помощью «системы опосредованного правоприменения». Такая система требует от государств имплементации положений о международных преступлениях в национальное уголовное законодательство и дальнейшее наказание за их совершение уже

¹⁵⁰ Bassiouni, M. C. (2012). Introduction to International Criminal Law (2nd ed.). Brill Nijhoff. P. 511.

как внутригосударственных. Система опосредованного правоприменения позволяет избежать разногласий между участниками международных договоров в сфере противодействия преступной деятельности по вопросу о видах и размере наказаний. Положения Конвенции 1988 г., имеющие отношение к учету отягчающих обстоятельств при совершении преступлений в области незаконного оборота наркотиков, определяются их функционированием именно в рамках такой системы. Особенности противодействия преступной деятельности в условиях системы опосредованного применения наиболее явно проявляются при ее сопоставлении с системой прямого правоприменения.

В идеальном варианте «система прямого правоприменения» должна включать не только судебный орган, но представлять собой «современную международную систему уголовного правосудия, состоящую из всех компонентов, присущих национальной системе уголовного правосудия, а именно: расследование, следствие, судебное рассмотрение, наказание и исполнение»¹⁵¹. Данный автор считает, что Международный военный трибунал (Нюрнберг) и Международный военный трибунал для Дальнего Востока представляют собой примеры такой системы, но «эти два прецедента стоят особняком в анналах истории права и с тех пор аналогичной международной системы уголовного правосудия так и не было создано»¹⁵².

Отягчающие обстоятельства, которые государств-участники призваны учитывать при совершении преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ перечислены в ст. 3(5) Конвенции 1988 г. Формулировка данной статьи, однако, вызывает много вопросов как в отношении ее содержания, так и расхождения в терминах, используемых в английском и русском текстах. Так, в тексте статьи на английском языке приведенный список обстоятельств называется

¹⁵¹ Bassiouni, M. C. (2012). *Introduction to International Criminal Law* (2nd ed.). Brill Nijhoff. P. 535.

¹⁵² Там же.

«фактическими обстоятельствами», которые делают совершенные преступления «особенно серьезными». В данном случае неясно – идет ли здесь речь о квалифицирующих признаках деяния или об обстоятельствах, отягчающих наказание. Более того, в тексте статьи на русском языке говорится уже об «обстоятельствах, отягчающих правонарушение», что позволяет рассматривать их как признаки преступления. Еще большие неясности возникают в связи с тем фактом, что в английском тексте при характеристике рассматриваемых обстоятельств не употребляется термин «aggravating circumstances» (отягчающие обстоятельства), являющийся стандартным обозначением отягчающих обстоятельств в странах общего права.

Представляется, что использование термина «фактические обстоятельства» вместо «отягчающие обстоятельства» в ст. 3(5) Конвенции 1988 г. является неслучайным. Такая замена объясняется различиями в возможности учета отягчающих обстоятельств при назначении наказания в уголовном праве стран общего и континентального права. В странах общего права суды могут учитывать отягчающие обстоятельства по своему усмотрению, а именно независимо от того, сформулированы они в законе или нет. Суды в странах континентального права, однако, не обладают полномочиями такого учета в случае отсутствия законодательного закрепления отягчающих обстоятельств¹⁵³. Использование термина «фактические обстоятельства» вместо «отягчающие обстоятельства» позволяет как странам общего, так и континентального права определять данные факторы в своем законодательстве или как квалифицирующие признаки преступления, или как отягчающие обстоятельства наказания. Как справедливо отмечает Andrew Ashworth, различие в подходах можно рассматривать как «дань правовой традиции в определении таких факторов или при характеристике признаков преступления, или при назначении

¹⁵³ Конференция Организации Объединенных Наций для принятия Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Вена, 25 ноября – 20 декабря 1988 г. Официальные отчеты, т. 1, с. 22.

наказания, поскольку в обоих случаях это различие не имеет значения для их квалификации как отягчающих обстоятельств»¹⁵⁴. Непосредственный учет фактических обстоятельств, перечисленных в ст. 3(5), относится к дискреционным полномочиям суда, но государства-участники обязаны обеспечить возможность реализации этих полномочий.

Направленность международного сотрудничества в рамках антинаркотических конвенций ООН на противодействие незаконному обороту наркотических средств проявилась и в содержании ст. 3(7) Конвенции 1988 г. Положения этой статьи обязывают государства-участников при условно-досрочном освобождении осужденных обеспечить учет судами серьезного характера преступлений, установленных ст. 3(1), а также отягчающие обстоятельства, перечисленные в ст. 3(5). Как отмечает Зельдов С.И., социальное назначение института освобождения от наказания заключается в корректировке интенсивности криминализации конкретных общественно-опасных деяний¹⁵⁵. В этой связи требования о необходимости принятия во внимание серьезного характера рассматриваемых международных преступлений при принятии решения о возможности условно-досрочного освобождения осужденных служит гарантией достижения целей наказания в отношении наркоторговцев.

Несмотря на новаторский характер многих положений, связанных с наказанием за наркопреступления, Конвенция 1988 г. не смогла обеспечить универсальный подход государств-участников в данной области. В целом, нормы Конвенции 1988 г. продемонстрировали тенденцию к ужесточению наказания в отношении преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что в рассматриваемой конвенции вообще отсутствуют нормы о смягчающих обстоятельствах, хотя содержится перечень фактических обстоятельств, усиливающих серьезность наркопреступлений.

¹⁵⁴ Ashworth, A. (2010). *Sentencing and Criminal Justice (Law in Context)*. Cambridge University Press. P. 157.

¹⁵⁵ Зельдов, С.И. Освобождение от наказания и от его отбывания / Зельдов С.И. - М.: Юрид. лит., 1982. С. 18.

Более того, в некоторых странах учет указанных в Конвенции 1988 г.отягчающих обстоятельств может приводить к назначению высшей меры наказания за совершение преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ– смертной казни.

Таким образом, антинаркотические конвенции содержат в себе общие нормы о наказании за незаконный оборот наркотических средств и сходных с ними веществ, без конкретизации видов и пределов назначаемых наказаний в зависимости от совершенного посягательства. Использование в тексте Конвенции 1988 г. термина «фактические обстоятельства, отягчающие правонарушения», а не просто «отягчающие обстоятельства» («aggravating circumstances») является не случайным. Такая формулировка позволяет государствам как континентального, так и общего права, предусмотреть перечисленные в норме указанной статьи обстоятельства либо в качестве конструктивных признаков составов преступлений (квалифицирующих признаков), либо в качестве обстоятельств, отягчающих уголовную ответственность. При определении же сроков и размеров наказаний государства-участники должны исходить из того факта, что все без исключения наркопреступления являются «серьезными преступлениями». Международным антинаркотическим правом предусматривается уголовная ответственность для различных форм соучастия и неоконченных преступлений. Виды же и пределы наказаний должны определяться с учетом защитительных оговорок о «конституционных ограничениях», «системе права» и «внутреннем законе» государства-участника. В свою очередь, Модельный кодекс о наркопреступлениях, разработанный Управлением ООН по наркотикам и преступности, предусматривает положение, согласно которому не должно проводиться дифференциации наказания за оконченное и неоконченное деяние.

Не во всех государствах-участниках соблюдается требование ст. 3(4) Конвенции 1988 г. об обязательном назначении лишения свободы за серьезные наркопреступления и использование штрафа только как дополнительного

наказания. Так, уголовное право Англии позволяет назначать такие наказания альтернативно. Наибольшие разночтения в уголовном праве государств – участников универсальных антинаркотических конвенций имеют место в определении наказания для хранения наркотических средств и сходных с ними веществ в целях личного употребления. Подходы государств здесь разнятся от полной депенализации такого вида хранения, частичной пенализации до установления уголовного наказания вплоть до лишения свободы.

Глава 2. ХАРАКТЕРИСТИКА ПРИЗНАКОВ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, В МЕЖДУНАРОДНОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

§2.1 Описание объектов преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, в международном уголовном праве

В международном антинаркотическом праве объект наркопреступлений специально не указывается, не выделяются его разновидности по «вертикали». Между тем о содержании объекта названных посягательств можно сделать вывод, исходя из текста преамбул вышеупомянутых международно-правовых документов.

Согласно преамбуле Конвенции 1961 г. в области противодействия незаконному обороту наркотических средств, государства — стороны Конвенции озабочены здоровьем и благополучием человечества, признавая, что наркомания является серьезным злом для отдельных лиц и чревата социальной и экономической опасностью для человечества. Как видно, в данном источнике указано на несколько правоохраняемых объектов: «здоровье человечества», «благополучие человечества», «экономическая и социальная безопасность человечества», различные блага и ценности отдельных лиц — жертв наркопреступлений. Конвенция 1971 г. называет в качестве объектов наркопреступлений «здоровье человечества», «благополучие человечества», «здоровье населения». В свою очередь, преамбула Конвенции 1988 г. отражает также достаточно широкий перечень объектов международно-правовой охраны: «здоровье и благополучие людей», «экономические, культурные и политические основы общества», «стабильность, безопасность и суверенитет государств». Тем самым, с точки зрения международного уголовного права, преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и сходных с ними веществ, признаются многообъектными.

Охарактеризуем те из названных объектов наркопреступлений, которые сопряжены с категорией «здоровье»: «здоровье человечества», «здоровье населения», «здоровье людей». Поскольку вышеуказанные конвенции дополнительно не раскрывают содержание категории «здоровье», для ее уяснения необходимо обратиться к нормативным правовым актам, изданным специализированными учреждениями ООН. Согласно преамбуле к Уставу Всемирной организации здравоохранения, «здоровье является состоянием полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствия болезней и физических дефектов». Однако, как представляется, вышеприведенное определение относится, скорее, к здоровью конкретного человека, а не человечества или населения отдельной страны либо территории в целом. В рамках обсуждения вопроса об основных объектах наркопреступлений речь должна идти прежде всего о так называемом общественном (социальном) здоровье, определение которого дано в доктрине.

В силу отсутствия в вышеназванных конвенциях аутентичного толкования такого объекта предлагаем понимать под указанным правовым благом состояние полного социально-экономического, физического, психического благополучия населения Земли или континента мира, группы государств, отдельной страны или конкретной территории. Как видно, этот сложносоставной объект, который, наряду с политико-географическими критериями, может в контексте общественно-исторического процесса вбирать в себя (исходя из смысла положений конвенций о «здоровье человечества») как настоящее, так будущее здоровье человеческой цивилизации. При этом здоровье населения (общественное здоровье) является одной из составляющих более широкого правоохраняемого блага — безопасности национальной, общественной и (или) государственной¹⁵⁶.

¹⁵⁶ Беляев И. Ю. Об объекте преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и сходных с ними веществ, в международном и российском законодательстве / А. Г. Безверхов, И. Ю. Беляев // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2022. – № 10(98). – С. 197.

Что касается упомянутого в международных конвенциях объекта — «благополучие человечества», то заметим, что данная категория является весьма многозначной и субъективной, ее значением является достижение всевозможных материальных и нематериальных благ. В международном праве понятие данной категории не раскрывается. Приведенные обстоятельства определяют множество доктринальных трактовок ее содержания. С учетом вышеизложенного полагаем, что «благополучие человечества» не дотягивает до уровня правоохраняемого объекта, не достигает величины объекта правонарушений вообще.

По вопросу множественности объектов преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и сходных с ними веществ, укажем на следующее обстоятельство. Согласно тексту упомянутых конвенций, наркопреступления могут быть отнесены одновременно и к преступлениям в сфере экономики, и к преступлениям в сфере управления, и к преступлениям против здоровья населения и т.д. В то же время особенности каждого правоохраняемого объекта обуславливают специальные меры противодействия соответствующим посягательствам. Признание целого ряда разнородных благ и интересов равноценными объектами одного и того же вида преступных деяний не позволяет сформировать эффективный механизм уголовно-правового противодействия. На наш взгляд, в международном уголовном праве следует более точно определиться с основным и дополнительными объектами преступлений в сфере предупреждения незаконного оборота наркотических средств и сходных с ними веществ.

Если антинаркотические конвенции ООН предусматривают деление объектов наркопреступлений исключительно по «горизонтали», то для отечественного законодательства характерно деление данных элементов *corpus delicti* как по «горизонтали», так и по «вертикали». Отсюда, опираясь на название раздела IX УК РФ, где описаны составы наркопреступлений, можно заключить, что родовым объектом рассматриваемых посягательств выступают общественная безопасность и общественный порядок.

Наименование главы 25 УК РФ указывает, что видовым объектом наркопреступлений являются здоровье населения и общественная нравственность. Как было показано ранее, наркопреступления относятся, бесспорно, к числу многообъектных посягательств. Согласно действующему уголовному законодательству России непосредственным основным объектом названных посягательств следует признавать здоровье населения. Что касается круга дополнительных непосредственных объектов наркопреступлений, то он весьма широк и может охватывать любые из охраняемых уголовным законом правовых благ и ценностей. Об этом свидетельствуют положения Общей части УК РФ о назначении наказания. Так, согласно п. «к» ч. 1 ст. 63 УК РФ, отягчающим обстоятельством признается совершение преступления с использованием наркотических средств и психотропных веществ. Более того, в соответствии с ч. 1.1 ст. 63 УК РФ судья (суд), назначающий наказание, в зависимости от характера и степени общественной опасности преступления, обстоятельств его совершения и личности виновного, может признать отягчающим обстоятельством совершение преступления в состоянии опьянения, вызванном употреблением наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов.

Как известно, в содержание объекта наркопреступлений включен такой обязательный признак этих общественно опасных посягательств, как предмет. Предмет преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и сходных с ними веществ, в российском и международном уголовном праве является сложным и включает в себя несколько разновидностей средств и веществ. Прежде всего предметом названных преступлений в международном и российском праве признаются наркотические средства, психотропные вещества и их прекурсоры. Кроме того, по УК РФ в качестве предмета соответствующих посягательств называются аналоги наркотических средств и психотропных веществ.

В соответствии с антинаркотическими конвенциями ООН наркотическое средство представляет собой любое из природных или

синтетических веществ, включенных в Списки I, II, III и IV Конвенции о наркотических средствах 1961 г.

Психотропное вещество представляет собой природное или синтетическое вещество или любой природный материал, включенные в Списки I, II, III и IV Конвенции 1971 г. (п. «m», «r» ст. 1 Конвенции 1988 г.). Указанные списки контроля являются составными частями вышеназванных международных конвенций. Как видно, вышеупомянутые конвенции включают восемь списков контроля (четыре списка наркотических средств и четыре списка психотропных веществ), предусматривающих 118 наркотических средств и 86 психотропных веществ¹⁵⁷.

Список I содержит все наркотические средства и психотропные вещества, охватываемые конвенциями 1961 г. и 1971 г. (например, кокаин и дезоморфин) за исключением тех, которые входят в Список II, содержащий менее опасные наркотические средства и психотропные вещества, но в отношении которых нет изъятий из общего порядка контроля (например, кодеин и этилморфин). Список III содержит наркотические средства и психотропные вещества, которые могут использоваться в терапевтических целях и в отношении которых контроль является смягченным (например, препараты кодеина). Список IV включает наркотические средства и психотропные вещества, подпадающие под самый строгий контроль и не применимые ни для каких медицинских целей (например, героин и тиофентанил).

Как следует из текста Конвенций 1961 г. и 1971 г., вещество считается наркотическим или психотропным и над ним устанавливаются меры контроля исключительно в случае закрепления его в списке, который является частью соответствующей Конвенции. Любое изменение перечня наркотических

¹⁵⁷ Беляев И. Ю. Об объекте преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и сходных с ними веществ, в международном и российском законодательстве / А. Г. Безверхов, И. Ю. Беляев // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2022. – № 10(98). – С. 201.

средств и психотропных веществ осуществляется путем внесения изменений в соответствующие официальные источники.

В международном антинаркотическом праве упоминаются также прекурсоры, определение которых (в отличие от российского законодательства) не дается. Под прекурсорами наркотических средств и психотропных веществ понимаются вещества, часто используемые при производстве, изготовлении, переработке наркотических средств и психотропных веществ. Другими словами, прекурсоры — это как исходные, так и промежуточные химические элементы (или их смеси), сами по себе не относящиеся к перечню наркотических средств или психотропных веществ, но используемые в их создании. Как в международном, так и в российском законодательстве прекурсоры включаются в списки контроля. Например, в Списке I Конвенции 1961 г. закреплено такое вещество, как «метадона промежуточный продукт».

В российском антинаркотическом законодательстве общие понятия наркотических средств, психотропных веществ, прекурсоров и их аналогов даются в ст. 1 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах»¹⁵⁸. Перечень предметов преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и сходных с ними веществ, намного шире во внутригосударственном праве, нежели в международном. Списки контроля включают в себя (по состоянию на 25 октября 2022 г.) 405 наркотических средств и 123 психотропных вещества. При этом данные перечни постоянно пополняются. Абсолютно все средства и вещества, предусмотренные Конвенциями 1961 г. и 1971 г., включены в российские списки контроля. В то же время отечественному антинаркотическому законодательству известны сотни наркотических средств

¹⁵⁸ Федеральный закон "О наркотических средствах и психотропных веществах" от 08.01.1998 N 3-ФЗ. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17437/ (дата обращения 15.05.2025).

и десятки психотропных веществ, которые отсутствуют в списках международных конвенций.

Категория «прекурсоры» имеет, как уже было подчеркнуто, легальное определение в российском антинаркотическом законодательстве. Согласно абз. 3 ст. 1 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах», прекурсоры наркотических средств и психотропных веществ — это вещества, часто используемые при производстве, изготовлении, переработке наркотических средств и психотропных веществ, включенные в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации в соответствии с законодательством Российской Федерации, международными договорами Российской Федерации, в том числе Конвенцией 1988 г.

В российском антинаркотическом законодательстве предусмотрена также категория «аналоги наркотических средств и психотропных веществ». Этот предмет наркопреступлений представляет собой запрещенные для оборота в Российской Федерации вещества синтетического или естественного происхождения, не включенные в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, химическая структура и свойства которых сходны с химической структурой и со свойствами наркотических средств и психотропных веществ, психоактивное действие которых они воспроизводят.

В международных документах, посвященных противодействию незаконному обороту наркотических средств и сходных с ними веществ, не встречается такой категории, как аналоги наркотических средств и психотропных веществ. Вместе с тем международной практике известна проблема так называемых «дизайнерских наркотиков» — внедряемых наркоторговцами новых средств и веществ, не включенных в соответствующие списки.

Подводя итог сравнительно-правовому анализу объекта наркопреступлений по международному праву и российскому

законодательству в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств и сходных с ними веществ, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и сходных с ними веществ являются многообъектными с точки зрения как международного, так и российского права. Они посягают на множество разнородных благ, охраняемых правом. При этом основным объектом названных посягательств предлагается считать конкретную правоохраняемую ценность — здоровье населения (граждан) или общественное здоровье как состояние полного социально-экономического, физического, психического благополучия населения (граждан). В этом ключе здоровье населения следует рассматривать как составную часть более широкого правоохраняемого блага — национальной, общественной и (или) государственной безопасности. Такого рода подход должен получить отражение в международном антинаркотическом праве.

Во-вторых, в УК РФ перечень предметов преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и сходных с ними веществ, шире чем в международном праве как по числу наркотических средств, так и по количеству психотропных веществ. Более того, в отечественном уголовном праве (в отличие от международного) предметом названных преступлений признаются аналоги наркотических средств и психотропных веществ. В этой связи заметно противоречие в положениях международного антинаркотического права. При описании в последнем весьма широкого перечня объектов правовой охраны круг предметов преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических и сходных с ними средств, явно заужен по сравнению с перечнями таких веществ, закрепленными в российском законодательстве.

Мировая практика пресечения незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ характеризуется широким использованием систем индивидуального контроля: каждое наркотическое и психотропное

вещество вносится соответствующими органами государственной власти в специальные списки и детально описывается, исключительно после этого данные вещества могут признаваться наркотическими и психотропными¹⁵⁹. Так, в законодательстве Российской Федерации используется система индивидуального контроля за незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ. В ФЗ от 08.01.1998 N 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» данные средства и вещества определяются исключительно бланкетным способом. Например, дефиниция «наркотического средства» (ст. 1 ФЗ) включает в себя прямое указание на включенность в Перечень наркотических средств и психотропных веществ, иные признаки не указываются. Примечательно, что российскому законодательству известны понятия «наркотическое опьянение» (например, ст. 23 УК РФ) и «наркотическая зависимость» (ст. 1 ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах»), но при дефиниции наркотических и сходных с ними средств и веществ данные понятия не используются. Данный подход является крайней формой индивидуального контроля за незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ и выступает главной причиной существования феномена «дизайнерских наркотиков», возникающего из-за того, что какое-либо психоактивное средство или вещество обладает фактически легальным статусом по причине отсутствия в списках контроля. Также вызывает вопросы норма ч. 1 ст. 2.2 ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах»: для установления контроля над новыми потенциально опасными психоактивными веществами предусматривается индивидуальная система контроля – Реестр новых потенциально опасных психоактивных веществ. Фактически формируется параллельная система индивидуального контроля и, как следствие, не устанавливается контроль за средствами и веществами, не находящимися в

¹⁵⁹ Шабалков, К. Е. Организационные формы борьбы с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ через таможенную границу ЕАЭС / К. Е. Шабалков // Академическая публицистика. – 2021. – № 3. – С. 303-309.

данных списках. Законодатель в целях снижения издержек существующей в РФ индивидуальной системы контроля за оборотом наркотических средств и психотропных веществ пошел по пути создания дублирующей системы, что, по нашему мнению, не может обеспечить охрану общественного порядка и общественной безопасности. Универсальная система контроля за оборотом наркотических средств и психотропных веществ заключается в установлении контроля над веществами, обладающими определенными характеристиками, причем, зачастую, их наименования не включаются в списки контролируемых веществ. Данный подход основывается на анализе признаков соответствующих веществ: их способности вызывать состояние наркотического опьянения, физическую, психологическую зависимость и так далее.

В теории уголовного права существуют доктринальные положения о трех признаках наркотического средства и психотропного вещества: 1) медицинский признак; 2) юридический признак; 3) социальный признак¹⁶⁰. Медицинский признак заключается в возможности соответствующего вещества вызывать состояние наркотического опьянения и изменения сознания у употребившего его лица, а равно формировать патологическую зависимость (как физиологическую, так и психологическую). Основанием выделения данного признака являются положения МКБ-10, а именно описание заболевания под кодом F1x.2 («синдром зависимости»)¹⁶¹. Юридический признак наркотического средства и психотропного вещества заключается в закреплении его наименования или химической формулы в списках контроля, принимаемых в соответствующем порядке органами государственной власти государства. Широкое использование юридического признака для признания вещества, средства наркотическим или психотропным характерно для систем

¹⁶⁰ Прохоров Л. А., Прохорова М. Л. Уголовное право: Учебник. — М.: Юристъ, 1999. С 146.

¹⁶¹ International Statistical Classification of Diseases and Related Health Problems 10th Revision (ICD-10)-WHO Version for 2016 [электронный ресурс], URL: <https://icd.who.int/browse10/2016/en#/F10-F19> (дата обращения 12.05.2025)

индивидуального контроля, причем остальные признаки (медицинский, социальный) игнорируются.

Под социальным признаком понимается нанесение ущерба охраняемым уголовным законом объектам в процессе оборота или потребления соответствующего наркотического средства или психотропного вещества. Универсальная система контроля оборота наркотических средств и психотропных веществ представляется наиболее удачной, поскольку в данном случае практически исключается феномен «дизайнерских наркотиков» и снижается доля бланкетных норм в уголовном законодательстве, что в свою очередь положительно сказывается на юридической технике соответствующих нормативных правовых актов. Для анализа существующих систем контроля за оборотом наркотических средств и психотропных веществ и выявления общих закономерностей функционирования систем контроля за оборотом данных средств и веществ необходимо обратиться к опыту зарубежных государств.

В уголовном законодательстве зарубежных государств и в источниках международного уголовного права существуют примеры использования альтернативных индивидуальным систем контроля за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, начиная от полностью универсальных систем и заканчивая смешанными системами, сочетающими в себе признаки как индивидуального, так и универсального контроля. Осуществляя классификацию систем контроля в уголовном и административном законодательстве зарубежных государств, можно выделить их следующие типы: 1) Индивидуальные системы контроля; 2) Универсальные системы контроля; 3) Смешанные системы контроля¹⁶².

К государствам, использующим индивидуальные системы контроля за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, можно отнести, например, Финляндию. В законодательстве Финляндии оборот наркотиков

¹⁶² Беляев, И. Ю. Проблема систем контроля за незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ / И. Ю. Беляев // Вопросы безопасности. – 2022. – № 1. – С. 38.

запрещается отдельным нормативным правовым актом – *Huumausainelaki*, обладающим бланкетным характером и отсылающим к соответствующим спискам контроля¹⁶³. Определение наркотического средства закреплено в пункте 5 секции 3 Закона: «под наркотиками понимаются а) вещества и средства, включенные в списки I-IV Единой конвенции ООН О наркотических средствах 1961 года; б) вещества и средства, включенные в списки I-IV Единой конвенции ООН О психотропных веществах 1971 года...». Также данная норма отсылает к нормативным правовым Европейского Союза и национального уровня: конвенции ЕС об обороте прекурсоров наркотических средств и решения Консула о признании средств и веществ наркотическими или психотропными. В законодательстве Финляндии отсутствует какое-либо определение медицинского и социального признаков наркотических и сходных с ними средств и веществ, вся система контроля основана исключительно на юридическом признаке как на критерии включенности данных средств и веществ в соответствующие списки. В секции 3 «а» присутствует упоминание «интоксикации» и «опасности» наркотических средств и психотропных веществ: «способность [вещества или средства] вызывать интоксикацию и обладать опасностью...должно быть определено Финским Медицинским Агентством с [привлечением] Национального Института Благосостояния и Здоровья, полиции и Таможенной службы». Аналогичный порядок контроля новых потенциально опасных психоактивных веществ, включение их в списки контроля с 2011 года производится в упрощенном порядке путем обращения органов полиции или Таможенной службы в Медицинское Агентство с целью установления наличия или отсутствия у исследуемых средств и веществ медицинского и социального признака. Что примечательно, Уголовный Кодекс Финляндии расценивает преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и

¹⁶³ Finland Narcotics Act on 30 May 2008 [электронный ресурс], URL: https://www.finlex.fi/fi/laki/kaannokset/2008/en20080373_20140539.pdf (дата обращения 16.05.2025)

психотропных веществ, как «международные правонарушения»¹⁶⁴. Представляется, что такая логика законодателя связана с бланкетным характером Закона о наркотиках, отсылающим к положениям конвенций как ООН, так и ЕС.

Общей чертой индивидуальных систем контроля зарубежных государств является использование исключительно юридического признака при дефиниции наркотических и сходных с ними средств и веществ с целью установления контроля над их оборотом. Медицинский и социальный признаки не используются, но могут быть известными законодателю при определении процедуры признания веществ наркотическими или психотропными. Проблема новых потенциально опасных психоактивных веществ разрешается путем создания параллельной системы контроля с дублирующим основную систему инструментарием, либо вовсе игнорируется.

Среди государств, использующих универсальную систему контроля за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, можно назвать Австралию. Законодательство Австралии о противодействии незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ основано на двух основных нормативных правовых актах: Акт о наркотических средствах 1967 года¹⁶⁵ и Акт о злоупотреблении и торговле наркотическими средствами 1985 года¹⁶⁶. Акт 1967 года принят на основании Единой конвенции о наркотических средствах ООН 1961 года в целях имплементации ее положений: «цель этого Акта состоит в том, чтобы ввести в действие некоторые из австралийских обязательств по Единой конвенции о наркотических средствах». Данный Акт дублирует наркотические средства из Конвенции, создавая четыре соответствующих списка индивидуального

¹⁶⁴ Criminal Code, Finland [электронный ресурс], URL: https://www.legislationline.org/download/id/6375/file/Finland_CC_1889_am2015_en.pdf (дата обращения 15.05.2025).

¹⁶⁵ Narcotic Drugs Act, 1967 [электронный ресурс], URL: <https://www.legislation.gov.au/Details/C2022C00035> (дата обращения 16.05.2025).

¹⁶⁶ Drug Misuse and Trafficking Act, 1985 [электронный ресурс], URL: http://classic.austlii.edu.au/au/legis/nsw/consol_act/dmata1985256/s36zd.html (дата обращения 16.05.2025).

контроля. Акт 1985 года предлагает качественно иную систему контроля – универсальную. Согласно ему, под «психоактивным веществом» понимается «любое вещество (за исключением веществ, к которым настоящая часть не применяется), которое при употреблении лицом обладает способностью вызывать психоактивный эффект»; под «психоактивным эффектом» в свою очередь понимается «...в отношении лица, употребляющего или употребившего психоактивное вещество – а) стимуляция или угнетение центральной нервной системы человека, приводящая к галлюцинациям или значительному изменению двигательной функции, мышления, поведения, восприятия, осознания, настроения или б) вызывающих состояние зависимости, включая физическую или психологическую зависимость». В данном нормативном правовом акте содержатся универсальные критерии психоактивного вещества, к которым, в свою очередь, относятся наркотические средства, психотропные вещества и новые потенциально опасные психоактивные вещества. Проводя системный анализ австралийского законодательства, можно сделать вывод о том, что Акт 1985 года является центральным для всей австралийской системы контроля за незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ: универсальные критерии для признания вещества запрещенным к свободному обороту и подвергнутым соответствующему контролю предъявляются для всех средств и веществ, обладающими признаками «психоактивности», в том числе и к наркотическим средствам. Соотношение списка контроля и данной нормы заключается в имплементационном характере списков контроля, дублировании Конвенции ООН, реальные же критерии психоактивности предусмотрены именно Актом 1985 года. Исходя из данных положений можно сделать вывод о том, что австралийская система контроля за незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ является универсальной, что не исключает существование дополнительных имплементационных списков контроля.

К государствам, использующим смешанную систему контроля за незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, можно отнести США. Смешанный характер системы контроля заключается в том, что при использовании элементов универсального контроля (указание на медицинский признак), вещества считаются запрещенными исключительно после включения их в соответствующие списки, одновременно с этим аналоги индивидуально запрещенных средств и веществ регулируются общей нормой. В США создана комплексная система контроля, включающая в себя как и индивидуальное запрещение оборота наркотических средств и психотропных веществ, так и установление универсального контроля за новыми потенциально опасными веществами, именуемыми американским законодателем «аналогами». Согласно Закону о контролируемых веществах, все наркотические средства и психотропные вещества сгруппированы в пять списков, основанием включения средства или вещества являются степень и характер привыкания, терапевтическая ценность и сила разрушительного действия¹⁶⁷.

Элементы универсального контроля содержатся в прецедентном праве, в этом смысле примечательно решение Окружного суда США по округу Колорадо от 20 ноября 1992 года (дело US vs Damon & Forbes)¹⁶⁸. Правительство во время судебного заседания предоставило доказательство в виде экспертизы Frank Sapienza, согласно которому АЕТ «substantially similar» семейству триптаминов и обладает галлюциногенными и стимулирующими свойствами. Одновременно с этим Rojer Eli показал на слушаниях, что химическая структура АЕТ существенно не похожа на структуру веществ, принадлежащих к семейству триптаминов. Анализируя доводы сторон, суд ссылаясь на прецеденты American Tobacco Co. vs Patterson и Yuing vs Rogers,

¹⁶⁷ 21 U.S. Code § 812 - Schedules of controlled substances 2016 [электронный ресурс], URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/21/812> (дата обращения 16.05.2025)

¹⁶⁸ Criminal Action No. 92-CR-105, United States of America, Plaintiff, v. DAMON S. FORBES, et. al., Defendants [электронный ресурс], URL: https://www.erowid.org/psychoactives/law/cases/federal/federal_analog1.shtml (дата обращения 16.05.2025)

согласно которым «закон должен толковаться таким образом, чтобы избежать непреднамеренных или абсурдных результатов», следовательно, по мнению суда, чтобы предотвратить этот непреднамеренный результат, пункт (i) параграфа 813 Закона об охраняемых веществах должен применяться к любому веществу, которое, по утверждению правительства, является аналогом контролируемого вещества («substantially similar to a controlled substance»). Далее суд указал, что термин «аналог контролируемого вещества» определяется как максимально приближенный к политике Закона о контролируемых веществах, требуя химической связи с контролируемым веществом, либо существования некоторого стимулирующего, или галлюциногенного влияния на центральную нервную систему подобное или большее, чем такое действие любого контролируемого вещества. Формулировка «substantially similar to a controlled substance» может быть переведена как «по существу похож на контролируемое вещество», одного этого факта достаточно для признания нового потенциально опасного вещества таковым, без действий по формированию новых списков или включению такого вещества в уже существующие списки, соответственно уголовное право США позволяет признавать вещество новым потенциально опасным без установления юридического признака наркотического или схожего с ним вещества, что указывает на смешанную систему контроля за незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ.

Проанализировав существующие примеры международного сотрудничества в аспектах определения систем контроля за незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, а также новых потенциально опасных психоактивных веществ, можно прийти к выводу о жизнеспособности универсальной системы контроля. Так в Австралии при установлении контроля над средством или веществом напрямую учитывают их медицинский и косвенно социальный признаки, о чем свидетельствуют дефиниции наркотических средств и психотропных веществ в их законодательстве. Также данный подход распространяется и на так

называемые «дизайнерские наркотики» или новые потенциально опасные психоактивные вещества, поскольку сам феномен «дизайнерских наркотиков» стал возможен исключительно из-за широкого распространения индивидуальной системы контроля: при незначительном изменении химической формулы вещества или же при появлении новой формулы данное вещество автоматически считается легальным и не подпадающим под контроль. В законодательстве США используется смешанная система контроля, которая предусматривает запрещение средств и веществ на основании включения их в соответствующие списки, а новые потенциально опасные психоактивные вещества запрещаются на основании общей нормы¹⁶⁹.

Таким образом, международное антинаркотическое право чрезвычайно широко определяет объект преступных посягательств, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и сходных с ними веществ, включая в его перечень такие категории как: «здоровье человечества», «благополучие человечества», «здоровье населения», «здоровье и благополучие людей», «экономические, культурные и политические основы общества», «стабильность, безопасность и суверенитет государств», «экономическая и социальная безопасность человечества», а также отдельные блага и ценности отдельных лиц – жертв наркопреступлений. Одновременно с таким крайне широким перечнем объектов международной охраны, наркопреступления не признаются международными преступлениями *stricto sensu*, а транснациональными преступлениями (преступлениями международного характера). В целях совершенствования правового регулирования международных антинаркотических конвенций в качестве объекта охраны следует признавать здоровье человечества.

Определение предмета наркопреступлений в международном праве напротив является крайне узким. Международное право придерживается «списочного» подхода к запрещению средств и веществ, индивидуально

¹⁶⁹ Беляев, И. Ю. Проблема систем контроля за незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ // Вопросы безопасности. 2022. № 1. С. 43.

определяя каждое вещество и помещая в соответствующие списки контроля, категория «аналог» наркотического средства или психотропного вещества международному праву неизвестна. Количество индивидуально определенных средств и веществ в международном праве значительно меньше даже в сравнении с внутригосударственным правом Российской Федерации, использующим подход индивидуальной системы контроля.

В зависимости от способа определения предмета наркопреступлений, подходы государств к конструированию составов возможно разделить на три группы: 1) индивидуальная система контроля; 2) универсальная система контроля; 3) смешанная система контроля. Государства, относящиеся к группе индивидуальных систем контроля, к наркотическим средствам и сходным с ними веществам относят вещества синтетического или естественного происхождения, включенные в списки контроля без какого-либо упоминания в своем внутреннем законодательстве их универсальных черт - каждое вещество детально описывается по формуле, что делает его индивидуально определенным. Универсальная система контроля основана на использовании общих (универсальных) черт наркотических средств и сходных с ними веществ для признания их запрещенными. В законодательстве таких государств могут присутствовать списки контроля, но перечень запрещенных средств и веществ не исчерпывается ими. Государства, относящиеся к смешанной системе, используют инструментарий двух других систем – создаются списки контроля, но законодательство также содержит нормы, закрепляющие их универсальные признаки.

§2.2 Формулирование объективной стороны преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, в международном уголовном праве

Формулирование объективной стороны наркопреступлений международного характера основывается на элементной теории структуры преступления. Как отмечалось выше, согласно данной теории выделяются два

основных структурных элемента – actus reus и mens rea, первый из которых характеризует объективную сторону состава преступления, а второй – субъективную. Учение об actus reus получило свое развитие в странах общего права и широко применяется при формулировании объективной стороны названных преступлений, что подтверждается как материалами конференций по принятию антинаркотических конвенций, так и официальными комментариями по применению их положений.

Перечень деяний, составляющих объективную сторону наркопреступлений международного характера, содержится в статье 36(1) Единой конвенции 1961 г., описание которых опирается на два принципа. Согласно первому принципу, в данной статье перечисляются конкретные формы противоправного поведения. В соответствии со вторым - формулируется общий принцип противоправности всех иных действий (бездействия), противоречащих положениям Единой конвенции 1961 г.

Попытка перечислить все возможные формы противоправного поведения в сфере незаконного оборота наркотических средств свидетельствует о стремлении составителей Единой конвенции привести исчерпывающий перечень таких деяний. В результате государства-участники реализуют своё ключевое обязательство по ст. 4(с) Единой конвенции 1961 г., которое предписывает, чтобы любые операции с наркотическими средствами - их производство, изготовление, экспорт, импорт, распространение, торговля, использование и хранение - осуществлялись исключительно в медицинских или научных целях. Эти виды действий уточняют общее определение «незаконного оборота наркотиков», закреплённое в ст. 1(1)(m) конвенции, и сформулировано как «выращивание или торговля с нарушением положений документа».

В этой связи из буквального толкования вышеназванных положений следует, что государства-участники свободны в выборе способа определения объективной стороны конвенционных преступлений в национальном законодательстве. Один из способов может заключаться в представлении

отдельного состава преступления за каждое деяние, указанное в статье 36(1). Другой - может предусматривать включение всех запрещенных действий в один или несколько составов наркопреступлений. Такая свобода в определении объективной стороны международных наркопреступлений может приводить к различным конфликтным ситуациям. Например, лицо, одновременно занимающееся культивированием, сбытом и транспортировкой наркотического вещества, в государстве А может нести уголовную ответственность по трём отдельным статьям, а в государстве Б за аналогичные действия оно может быть привлечено либо по трём частям одной статьи, либо по одной объединённой статье о «незаконном обороте наркотических средств». Практика государств-участников в названном отношении значительно различается. Так, в соответствии со ст. 6(1) Закона Австрии о наркотических средствах (Bundesgesetzblatt No. 1978/532), объективную сторону составляют следующие действия: производство, импорт, экспорт и торговля наркотическими средствами в количествах, опасных для жизни и здоровья. Тем самым объективная сторона данного преступления охватывает только часть деяний, указанных в антинаркотических конвенциях ООН. В свою очередь, согласно ст. 1 Закона ЮАР «О злоупотреблении веществами, вызывающими зависимость, и реабилитационных центрах», наркопреступлением является любое деяние, связанное с приобретением, импортом, поставкой, перевозкой, распределением, экспортом, культивированием, продажей, производством или пересылкой наркотических средств. В этом случае мы сталкиваемся с введением генерализованного состава наркопреступлений, где его объективная сторона сформулирована в виде открытого перечня уголовно-наказуемых деяний. Приведенные примеры позволяют сделать вывод о том, что способы имплементации объективной стороны конвенционных наркопреступлений являются предметом национального законодательства государств-участников.

В Единой конвенции 1961 г. выделяется пять видов преступного поведения, связанного с наркотическими средствами, которые образуют

объективную сторону составов наркопреступлений международного характера.

Культивирование согласно статье 1(1)(i) Единой конвенции 1961 г. означает «культивирование опийного мака, кокаинового куста или растения каннабис», т.е. положения данной конвенции не распространяется на какие-либо иные растения, кроме названных. Культивирование подразумевает выращивание и уход за растениями в период их нахождения в земле. Как указывается в Юридическом словаре Блэка¹⁷⁰, культивировать - это значит «обрабатывать, подготавливать к посеву, удобрять, пахать, рыхлить, сеять и собирать урожай»¹⁷¹.

Производство, согласно статье 1(1)(t) Единой конвенции 1961 г., означает «отделение опия, листьев коки, каннабиса и смолы каннабиса от растений, от которых или из которых они получают». Приведенное определение свидетельствует о том, что производство по смыслу данной нормы является сельскохозяйственной операцией, отличной от изготовления, представляющего собой промышленный процесс.

Изготовление, в соответствии со статьей 1(1)(n), означает «все процессы, за исключением производства, при помощи которых могут быть получены наркотические средства, в том числе рафинирование, а также превращение наркотических средств в другие наркотические средства». Изготовление охватывает широкий круг веществ и процессов, но не включает преобразование наркотиков в вещества, которые не регулируются Единой конвенцией 1961 г.

Следует заметить, что в статье 1 Единой конвенции 1961 г. не раскрывается содержание таких видов преступных действий как извлечение и приготовление. Согласно же Юридическому словарю Блэка, извлечение

¹⁷⁰ Здесь и далее при определении содержания юридических терминов, используемых в антинаркотических конвенциях ООН, будут приводиться ссылки на Юридический словарь Блэка, широко применяемого в международном уголовном праве.

¹⁷¹ Black, H.C. (1951). Black's Law Dictionary. West Publishing. P. 454.

представляет собой выделение наркотика из вещества¹⁷², а приготовление - подготовка вещества к использованию в качестве наркотика¹⁷³. Однако, представляется, что приготовление наркотика лицом для немедленного потребления, например скручивание каннабиса в сигарету – не является приготовлением по смыслу статьи 1 Единой конвенции 1961 г. Иначе исчезла бы чёткая разграничительная линия между деятельностью, подпадающей под уголовную ответственность за сбыт наркотиков, и актами потребления, за которые Конвенция 1961 г. не предусматривает наказания. На уровне внутреннего права государств также отсутствует единообразие в подходах к квалификации подобных деяний, связанных с производством наркотических веществ. Нередко во внутригосударственном законодательстве государств-участников отсутствуют четкие критерии разграничения данных видов преступных действий и они употребляются как синонимы. Так, в соответствии со ст. 4 и ст. 37 Закона Англии о незаконном обороте наркотиков, преобразование одного вида наркотиков в другой может означать приготовление, а не изготовление.

Владение — это юридический термин, используемый в большинстве юрисдикций. Как правило, определение данного термина включает элемент физического контроля и его осознание, хотя может принимать различные формы, такие как фактическое и юридическое владение¹⁷⁴. Кроме общего обязательства по ст. 4(с) ограничивать владение наркотическими средствами исключительно медицинскими и научными целями, ст. 33 Единой конвенции 1961 г. возлагает на государства-участников обязанность запрещать любое владение наркотиками, за исключением случаев законного использования для медицинских и научных целей. В этой связи положения статьи 36(1) требуют от государств-участников ввести уголовную ответственность за владение наркотическими средствами. В то же время Единая конвенция 1961 г.

¹⁷² Black, H.C. (1951). Black's Law Dictionary. West Publishing. P. 698.

¹⁷³ Там же, р. 1344.

¹⁷⁴ Black, H.C. (1951). Black's Law Dictionary. West Publishing. P. 1325.

проводит различия между владением для личного применения (простое владение) и владением для целей сбыта. Последнее охватывает все формы владения наркотическими средствами, осуществляемое с умыслом совершения любого из действий, указанных в статье 36(1) Единой конвенции 1961 г., а также иных действий, запрещенный Единой конвенцией 1961 г., и не связанных с применением наркотических средств для личных нужд.

Под предложением продать подразумевается предложение наркотического средства потенциальному покупателю для его принятия или отклонения, т.е. «действие по представлению чего-либо для принятия»¹⁷⁵. Распределение, в свою очередь, означает распространение наркотических средств среди покупателей. Согласно юридическому словарю Блэка, распределять — это делить на порции и раздавать¹⁷⁶. Покупка относится к приобретению наркотических средств, т.е. «передаче собственности от одного лица другому, основанной на соглашении и имеющей возмездный характер»¹⁷⁷.

Очевидно, что государства-участники обязаны также включать покупку наркотических средств с целью перепродажи в объективную сторону состава наркопреступлений международного характера. В то же время в отношении покупки для личного потребления такая обязанность отсутствует. Продажа связана с реализацией наркотического средства, представляющая собой «передачу собственности или права на нее за покупную цену»¹⁷⁸. Доставка на каких бы то ни было условиях означает «действие, посредством которого предмет или вещество передается в реальное или юридическое владение другого лица»¹⁷⁹. Маклерство предполагает действие в качестве агента или

¹⁷⁵ Black's Law Dictionary, 9th ed. Bryan A. Garner, ed. - St. Paul: "West Group", 2009.-Юридический словарь Блэка, 9-е издание. Брайан Э.Гарнер.Издательство "Вест-Груп", 2009. С. 1189.

¹⁷⁶ Там же, с. 543.

¹⁷⁷ Black, H.C. (1951). Black's Law Dictionary. West Publishing. P. 1395.

¹⁷⁸ Black's Law Dictionary, 9th ed. Bryan A. Garner, ed. - St. Paul: "West Group", 2009.-Юридический словарь Блэка, 9-е издание. Брайан Э.Гарнер. Издательство "Вест-Груп", 2009. С. 1454.

¹⁷⁹ Black, H.C. (1951). Black's Law Dictionary. West Publishing. P. 515.

покупателя, или продавца при сделке с наркотиками, тем самым обеспечивая такую сделку¹⁸⁰.

Следующие действия связаны с различными формами транспортировки наркотиков. Отправка означает посылку наркотиков¹⁸¹, в то время как переотправка транзитом - посылку наркотиков через территорию государства-участника, но не в место, находящееся на его территории. Перевозка предполагает транспортировку наркотиков из одного места в другое¹⁸². Согласно статье 1(1)(m) Единой конвенции 1961 г., ввоз и вывоз означают «физическое перемещение наркотических средств из пределов одного государства в пределы другого государства или из пределов одной территории в пределы другой территории того же государства».

Указанная статья содержит универсальное положение, криминализирующее все формы незаконного оборота наркотических средств, не указанные в Единой конвенции 1961 года¹⁸³. Данное положение обязывает государства-участников подвергать уголовному преследованию «всякое другое действие, которое, по мнению Сторон, может являться нарушением постановлений настоящей Конвенции». Тем самым перечисленные действия, подлежащие уголовному запрету, не являются закрытым перечнем. Государства-участники сохраняют дискреционные полномочия относительно национального перечня преступных действий, который может быть расширен или оставлен в неизменном виде. В любом случае государства-участники должны действовать добросовестно в данном отношении¹⁸⁴.

Описание объективной стороны составов преступлений в статье 22(1)(a) Конвенции 1971 г. в значительной степени отличается от описания в статье 36(1) Единой конвенции 1961 г., а именно тем, что отсутствует список

¹⁸⁰ Там же, р. 241.

¹⁸¹ Там же, р. 357.

¹⁸² Там же, р. 1670.

¹⁸³ United Nations Conference for the adoption of a Single Convention on Narcotic Drugs. New York – 24 January-25 March 1961. Official Records, vol. II. E/CONF.34/24/Add. 1. New York, 1964, p. 238.

¹⁸⁴ Commentary on the Single Convention on Narcotic Drugs, 1961 (Prepared by the Secretary-General in accordance with paragraph 1 of Economic and Social Council resolution 914 D (XXXIV) of 3 August 1962), p. 428.

преступных деяний. Вместо перечня деяний используется общая формула, согласно которой уголовно-наказуемыми правонарушениями являются умышленные деяния, противоречащие законам и подзаконным актам государств-участников, принятыми ими во исполнение своих обязательств по Конвенции 1971 г. Обращает на себя внимание, что в статье 1(j) незаконный оборот определяется через деяния, противоречащие положениям Конвенции 1971 г., в то время как в статье 22(1)(а) говорится о деяниях, противоречащих законам и подзаконным актам, принятым во исполнение Конвенции 1971 года¹⁸⁵. Однако, как отмечается в Комментариях к Конвенции 1971 г., цель Конвенции 1971 г. заключалась в том, чтобы все деяния, связанные с незаконным оборотом, должны быть уголовно-наказуемыми правонарушениями согласно статье 22(1)(а)¹⁸⁶. В намерения авторов Конвенции не входило определение конкретных форм деяний, составляющих незаконный оборот, но в то же время предполагалось, что государства-участники примут меры по криминализации различных форм деяний по образцу статьи 36(1)(а) Конвенции 1961 г.

Одной из форм деяний в контексте статьи 22(1)(а), вызывающей наибольшие дискуссии, является владение (хранение). Как и в случае со статьей 36 Единой конвенции 1961 г. статья 22(1)(а) Конвенции 1971 г. не предназначалась для криминализации использования, приобретения для использования или простого владения психотропными веществами. В соответствии со статьей 5 Конвенции 1971 г. «потребление» психотропных веществ должно ограничиваться медицинскими и научными целями. Однако в отличие от требования статьи 7(b) владения данными веществами только на основании разрешения, данные ограничения относятся к их поставщикам, а не потребителям¹⁸⁷. Использование и приобретение для использования без разрешения являются несанкционированными действиями, но они не

¹⁸⁵ Commentary on the Convention on Psychotropic Substances. Done at Vienna on 21 February 1971. E/CN.7/589. New York, 1976, p. 26.

¹⁸⁶ Там же.

¹⁸⁷ Там же, p. 349.

представляют собой действия, противоречащие «законам и подзаконным актам Стороны», которые государство-участник обязано принять во исполнение Конвенции 1971 г. Данные действия подразумевают владение, но являются ли они незаконными в соответствии с Конвенцией 1971 г. зависит от того рассматривается ли владение психотропным веществом как правонарушение согласно статье 22(1)(а) или нет¹⁸⁸. Для ответа на поставленный вопрос необходим анализ других норм Конвенции 1971 г., поскольку в статье 22(1)(а) прямо о владении не говорится. В этой связи необходимо отметить, что Конвенции 1971 г. не обязывает государства-участников криминализовать владение веществами из Списков II, III и IV. В статье 5(3) Конвенции 1971 г. говорится о том, что «желательно, чтобы Стороны не разрешали владение веществами, включенными в Списки II, III и IV, иначе, как на законном основании». Однако данное положение оставляет решение этого вопроса на усмотрение государств-участников. Тем самым статья 22(1)(а) не требует криминализации владения, так как статья 5(3) – не «закон или подзаконный акт», которые обязывали бы государство-участника признавать владение для использования незаконным¹⁸⁹. Определенное противоречие возникает в связи с обязательством по статье 5(2), в соответствии с которым государство-участник «ограничивает путем таких мер, которые она считает целесообразными ... использование» названных веществ. Единственным способом преодоления противоречия является толкование термина «целесообразные меры» как мер, не имеющих уголовного характера. В отношении веществ из Списка I специальные обязательства установлены статьей 7 Конвенции 1971 г. Так, согласно статье 7(b) владение веществами из Списка I осуществлялось по специальным лицензиям или заблаговременно полученным разрешениям. В этой связи можно констатировать, что государства-участники обязаны запретить владение без

¹⁸⁸ Commentary on the Convention on Psychotropic Substances. Done at Vienna on 21 February 1971. E/CN.7/589. New York, 1976, p. 349.

¹⁸⁹ Там же, p. 350.

специального разрешения названными веществами. Однако из анализируемого положения не следует, что данное владение связано с незаконным оборотом наркотических средств.

Другим аспектом проблемы криминализации владения психотропными веществами является вопрос о возможности толкования понятия «владения» как «действия» по смыслу статьи 22(1)(а) Конвенции 1971 г. Если владение представляет собой пассивное состояние, то данный термин не подпадает под определение «действие». В этой связи необходимо заметить, что в русском переводе так же используется термин «деяние». Представляется, что его использование искажает смысл англоязычного понятия «action» (действие), поскольку «деяние» включает в себя и бездействие, т.е. пассивное состояние. Смысл же понятия «владение», в котором оно употребляется в Конвенции 1971 г., предполагает не просто пассивное состояние, а определенное активное действие. Например, «удержание» вещества, его «сохранение», «сокрытие» и «перемещение из одного места в другое»¹⁹⁰. Тем самым владение для личного использования веществами из Списка I является «действием» и правонарушением согласно статье 22(1)(а) Конвенции 1971 г. Такой точки зрения придерживалось большинство представителей государств-участников на Конференции 1971 года¹⁹¹. Очевидно, что понятие «владение» включает в себя и статический элемент, однако, ситуация владения создается и подвергается изменению в результате активных действий. В то же время рассматривая такие действия с психотропными веществами как «перемещение из одного места в другое», «сокрытие» и «сохранение», возникает вопрос о том, осуществляются эти действия умышленно или нет. Если умысел лица направлен на сохранение психотропных веществ для личного потребления, то названное поведение не является «действием», но если умысел направлен на сбыт, то это считается «действием». Однако последующая практика в

¹⁹⁰ Commentary on the Convention on Psychotropic Substances. Done at Vienna on 21 February 1971. E/CN.7/589. New York, 1976, p. 351.

¹⁹¹ United Nations Conference for the adoption of a Protocol on Psychotropic Substances. Vienna – 11 January-19 February 1971. Official Records vol. II. E/CONF.58/7/Add.1. New York. 1973, p. 164-166.

государствах-участниках не свидетельствует об изменении позиции большинства их представителей на Конференции 1971 г., согласно которой статья 22(1)(a) предусматривает уголовную ответственность за владение психотропными веществами.

В целом, уголовно-правовые положения Конвенции 1971 г. в отношении объективной стороны наркопреступлений международного характера в значительной части воспроизводят положения статьи 36 Единой конвенции 1961 г. Их принятие было вызвано необходимостью расширить сферу действия преступлений в области незаконного оборота наркотических средств на психотропные вещества. В этой связи составителями Конвенции 1971 г. была использована общая формула для криминализации незаконных действий с психотропными веществами без подробного описания составов преступлений, включая их объективную сторону. Следствием применения такого подхода явилось распространение уже действующих национальных правовых норм в сфере незаконного оборота наркотических средств на психотропные вещества. Результатом действия норм статьи 36(2)(a)(ii) Единой конвенции 1961 г. и статьи 22(2)(a)(ii) Конвенции 1971 г. явилось появление специализированного национального законодательства в государствах-участниках. Данное законодательство усилило уголовную ответственность за приготовление и покушение, часто трансформируя неоконченные формы в отдельные оконченные преступления¹⁹². Оно также расширило круг субъектов, подлежащих уголовной ответственности, путем включения лиц, принимающих участие в подстрекательстве, организации, помощи, укрывательстве или финансировании, связанными с незаконным производством, культивированием, сбытом, приобретением, хранением или потреблением наркотических средств¹⁹³. Однако постоянный поток новых веществ, поступающих на рынок, его значительная экспансия и многократное

¹⁹² Cotic, D. (1988). *Drugs and Punishment: an up-to-date interregional survey on drug-related offences*. Rome: United Nations Social Defence Research Institute. P.115.

¹⁹³ Там же.

увеличение получаемых доходов требовало принятия новых мер. Некоторые государства, отвечая на растущую проблему наркотизации общества и ее воздействия на финансовую систему, криминализовали приобретение, хранение, перевозку наркотических средств и отмывание полученных доходов путем расширения своей юрисдикции для конфискации полученных преступным путем собственности и денежных средств. Вместе с тем описанные меры выходили за рамки положений Единой конвенции 1961 г. и Конвенции 1971 г. С целью более широкого распространения дополнительных мер по борьбе с незаконным оборот наркотических средств была принята Конвенция 1988 г.

Согласно ст. 3(1)(a)(i) Конвенции 1988 г. государства-участники должны предусмотреть ответственность за совершение следующих действий: производство, изготовление, экстрагирование, приготовление, предложение, предложение с целью продажи, распространение, покупка, продажа, поставку на любых условиях, посредничество, переправку, переправку транзитом, транспортировку, импорт или экспорт любого наркотического средства или любого психотропного вещества в нарушение положений антинаркотических конвенций ООН.

Таблица 1. Список противоправных действий в антинаркотических конвенциях ООН с различным переводом на русский язык одних и тех же терминов

Конвенция 1961 (англ.)	Конвенция 1988 (англ.)	Конвенция 1961 (рус.)	Конвенция 1988 (рус.)
extraction	extraction	экстрагирование	извлечение
offering for sale	offering for sale	предложение с коммерческими целями	предложение с целью продажи
distribution	distribution	распределение	распространение
brokerage	brokerage	маклерство	посредничество

delivery	delivery	доставка на каких бы то ни было условиях	поставка на любых условиях
dispatch	dispatch	отправка	переправка
dispatch in transit	dispatch in transit	переотправка транзитом	переправка транзитом
delivery	delivery	доставка на каких бы то ни было условиях	поставка на любых условиях

В ст. 3(1)(a) Конвенции 1988 г. перечислены действия, которые являются противоправными, если они противоречат положениям Конвенции 1961 г., этой же Конвенции с поправками или Конвенции 1971 г. Этот перечень действий почти полностью совпадает с действиями, перечисленными в ст. 36(1) Единой конвенции 1961 г., за исключением трех: культивирование, покупка и хранение. Данные действия были исключены из рассматриваемой статьи, поскольку, они были «охвачены надлежащим образом в Единой конвенции 1961 г.»¹⁹⁴. Председатель рабочей группы по рассмотрению проекта Конвенции 1988 г. отметил, что «поскольку проект конвенции призван охватить те области, которые не были охвачены действующими договорами в области контроля над наркотиками, в нем нет необходимости повторять ссылки на незаконные действия, если только это не требуется в связи с незаконным оборотом»¹⁹⁵. Несмотря на то, что названные действия, запрещенные ст. 36(1)(a) Единой Конвенции 1961 г., не были включены в ст. 3(1)(a)(i) Конвенции 1988 г., нормы ст. 25 последней конвенции запрещают «умаление каких-либо прав или обязательств», принятых на себя сторонами предыдущих конвенций.

¹⁹⁴ Конференция Организации Объединенных Наций для принятия Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Вена, 25 ноября – 20 декабря 1988 г. Официальные отчеты, т. 2, с. 261.

¹⁹⁵ Там же.

В соответствии со ст. 3(1)(a)(iv) стороны Конвенции 1988 г. обязаны криминализировать такие действия как «изготовление, транспортировку или распространение оборудования, материалов или веществ, указанных в Таблице 1 или Таблице 2, если известно, что они предназначены для использования в целях незаконного культивирования, производства или изготовления наркотических средств или психотропных веществ». Данные положения являются инновационными, впервые введенные Конвенцией 1988 г. Прежние конвенции не содержат правовых норм, связанных с оборудованием и материалами, используемых с названными целями. Указанные в статье действия с оборудованием и материалами являются правонарушениями в том случае, когда они связаны с «незаконным культивированием, производством или изготовлением наркотических средств или психотропных веществ».

Обратимся к анализу объективной стороны преступлений, связанных с действиями с собственностью, полученной в ходе незаконного оборота наркотических средств. Нормы ст. 3(1)(c)(i) Конвенции 1988 г. не носят строго обязательного характера, поскольку применяются с учетом конституционных положений и основных принципов правовой системы государств-участников. Делегация Австрии на Конференции 1998 г. выступила решительно против предложения Нидерландов об их исключении из окончательного текста Конвенции 1988 г. Представитель делегации Австрии, выступая против такой отмены, заметил: «Перечисленные в конвенции правонарушения должны быть надлежащим образом включены в категорию правонарушений, предусматриваемых внутренним законодательством¹⁹⁶.

Защитительная оговорка ст. 3(c) Конвенции 1988 г. носит более ограничительный характер чем аналогичная оговорка ст. 36(2) Единой конвенции 1961 г., где обязательства по ст. 3 Конвенции 1988 г. помимо

¹⁹⁶ Конференция Организации Объединенных Наций для принятия Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Вена, 25 ноября – 20 декабря 1988 г. Официальные отчеты, т. 2, с. 94

конституционных принципов ограничиваются «основными принципами своей правовой системы». В этой связи необходимо отметить ошибочную формулировку текста вводного параграфа ст. 3(с) в тексте конвенции на русском языке. В данном параграфе говорится о том, что ст. 3(с) действует с учетом «конституционных положений» сторон. В то же время речь в данном случае идет не о «конституционных положениях», а о «конституционных принципах» (constitutional principles). В Единой конвенции 1961 г. положения ст. 36 должны применяться с учетом «конституционных ограничений», «правовой системы» и «внутригосударственного закона» государств-участников. Однако рабочая группа по подготовке проекта Конвенции 1988 г. решила изменить формулировку с тем, чтобы «в некоторой степени ослабить акцент на национальном законодательстве»¹⁹⁷. Непосредственным поводом для этого послужило предложение Мексики о криминализации публичных выступлений и пропаганды. Сохранение прежнего варианта оговорки в части «конституционных ограничений» в свете предложения Мексики привело бы, по мнению рабочей группы, к нарушению конституционного принципа свободы слова. Поэтому было принято решение заменить термин «конституционные ограничения» на термин «конституционные принципы»¹⁹⁸. Формулировка «конституционные положения» также была отклонена, поскольку некоторые государства-участники «имеют нестатутные конституции, провозглашающие основные принципы»¹⁹⁹.

В процессе подготовки проекта рассматриваемого положения было предложено наряду с «конституционными принципами» указать «основные концепции правовой системы» государств-участников. При этом на Конференции 1988 г. обсуждалась возможность замены «правовой системы» на «законодательство». Однако было отмечено, что понятие «правовая система» шире, чем «законодательство». Например, представитель делегации

¹⁹⁷ Там же, с. 265.

¹⁹⁸ Там же.

¹⁹⁹ Там же.

Франции заметил, что «законодательство – в форме законодательных актов – принимается парламентскими органами, в то время как правовые системы охватывают также административное право и судебные решения»²⁰⁰.

Относительно «основных концепций» представитель Нидерландов обратил внимание на то, что данный термин введен в связи с существующими различиями между странами континентального и общего права в отношении преступлений, перечисленных в пунктах «i» и «ii» ст. 3(с) Конвенции 1988г. Данные различия касаются преступлений, связанных с приобретением имущества, добытого преступным путем, а также того факта, что сговор, квалифицируемый как преступление в странах общего права, не имеет точного эквивалента в уголовном праве стран континентального права²⁰¹.

Анализ дискуссии делегатов на Конференции 1988 г. по поводу защитительной оговорки, сформулированной во вводном параграфе ст. 3, показывает, что использование в официальном тексте на русском языке термина «конституционные положения» искажает смысл соответствующей правовой нормы. Как высказывания делегатов Конференции 1988 г., так и английский текст настоящей оговорки, свидетельствуют, что имелись в виду «конституционные принципы», а не «конституционные положения».

Таким образом, при рассмотрении объективной стороны преступлений по Конвенции 1988 г., связанные с потреблением наркотических средств и психотропных веществ, необходимо учитывать различия в подходах государств-участников к вопросу о возможности криминализации потребления названных веществ. Единая конвенция 1961 г. и Конвенция 1971 г. не содержит положений, криминализирующих личное использование наркотических средств и психотропных веществ. Конвенция 1988 г., направленная на противодействие незаконному обороту наркотиков, была разработана таким образом, чтобы включить как можно больше преступлений,

²⁰⁰ Конференция Организации Объединенных Наций для принятия Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Вена, 25 ноября – 20 декабря 1988 г. Официальные отчеты, т. 2, с. 265.

²⁰¹ Там же.

содержащихся в ст. 36 Единой конвенции 1961 г. Однако уголовная ответственность за хранение наркотических средств и психотропных веществ была ограничена их хранением с целью «распространения». Отказ криминализировать простое хранение был связан с преобладающим мнением среди делегатов Конференции 1988 г., что Конвенция 1988 г. является инструментом противодействия более серьезным аспектам проблемы наркотиков, чем установление уголовной ответственности за их хранение с целью личного потребления. В частности, делегация Мексики выступала против данной точки зрения, возлагая значительную часть ответственности за незаконное распространение наркотиков на те страны, где существует значительный спрос на их потребление. Представители США выступили против такого подхода, утверждая, что было бы непрактичным осуществлять международное сотрудничество, требующее значительных денежных и временных затрат, в отношении несерьезных преступлений. В результате достигнутого компромисса преступления, связанные с личным потреблением наркотических средств и психотропных веществ, были включены в Конвенцию 1988 г., но на них не распространяется обязательный режим международного сотрудничества.

При формулировании объективной стороны составов наркопреступлений, описанных в антинаркотических конвенциях ООН, следует учитывать различия в конструкциях составов указанных деликтов характерных для правовых систем государств – участников в сфере наркобезопасности.

На основании текстов антинаркотических конвенций, наркопреступления для целей имплементации возможно разделить на три группы, исходя из конструкции их объективных признаков:

- 1) Преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, связанные с производством и поставкой последних;

2) Преступления, сопряженные с конверсией или переводом собственности, а также с отмыыванием доходов от незаконного оборота наркотических средств и сходных с ними веществ;

3) Преступления, связанные с оборудованием и материалами, используемыми для незаконного оборота названных веществ.

Преступления, перечисленные в первых двух пунктах, являются обязательными для имплементации государствами-участниками и не предусматривают оговорок, связанных со внутренним законодательством сторон. Ввиду этого, противодействие данным наркопреступлениям является особенно важным для международного сотрудничества, поскольку при их совершении предусматривается возможность применения конфискации, осуществление экстрадиции и оказание международной правовой помощи.

§2.3 Субъективная сторона составов наркопреступлений международного характера

Анализ субъективных признаков составов наркопреступлений международного характера должен учитывать теоретико-правовые конструкции, распространенные в странах общего права. Необходимость в этом вызвана использованием в антинаркотических конвенциях ООН данных конструкций при описании субъективных признаков рассматриваемых составов преступлений.

в п. 3 ст. 3 Конвенции 1988 г. в качестве «элементов преступления», упомянутых в п. 1 той же статьи, прямо названы такие категории, как осознание, намерение и цель, что неизбежно ставит вопрос об их корреляции с формами вины, традиционно выделяемыми в правовых системах континентальной правовой семьи, включая российскую систему уголовного права; при этом указанная проблематика носит откровенно дискуссионный характер как в отечественной, так и в зарубежной доктрине, причём споры начинаются уже на уровне перевода самих наименований данных элементов и лишь усугубляются при попытке их сопоставления с понятийным аппаратом

российского уголовного права; показательно, что Г. А. Есаков подвергает критике укоренившееся в российской научной литературе обозначение элементов виновности в качестве форм вины, указывая на его концептуальную некорректность и подчёркивая, что термин «формы вины» в российском уголовном праве опирается на иные теоретические основания, вследствие чего, по его оценке, более неудачное наименование для рассматриваемых категорий подобрать затруднительно²⁰².

Вместо термина «форма вины» в работах Дж. Флэтчера по международному уголовному праву используется понятие «состояние виновности» (*state of culpability*)²⁰³. В свою очередь, Г.А. Есаков применительно к Модельному уголовному кодексу США оперирует понятием «элементы виновности». Данный автор отмечает: «Авторы кодекса сочли, что все многообразие оттенков различных состояний субъективного, психического отношения лица к совершаемому им деянию во всех его разнообразных объективных аспектах может быть приемлемо сведено к четырем базисным «элементам виновности», а именно: цели (*purpose*), знанию (*knowledge*), неосторожности (*recklessness*) и небрежности (*negligence*)»²⁰⁴. В самом Модельном уголовном кодексе США цель и знание определяются как «виды виновности»²⁰⁵.

В основе выделения компонентов виновного поведения при совершении преступления в странах общего права лежит учение о *mens rea*. Установление *mens rea* означает определение такого психического состояния, которое необходимо и достаточно для привлечения лица к уголовной ответственности за совершение этого преступления. *Mens rea* также может означать форму вины, т.е. состояния виновного сознания при совершении преступления. В доктрине общего права отсутствует единое мнение состоит ли *mens rea* только

²⁰² Там же.

²⁰³ Fletcher, G. P. (2000). *Rethinking Criminal Law* (2nd ed.). New York: Oxford University Press. P. 394.

²⁰⁴ Есаков, Г.А. *Mens rea* в уголовном праве США: историко-правовое исследование. Монография / Есаков Г.А.; Предисл.: Шишов О.Ф. - С.-Пб.: Юрид. центр Пресс, 2003. С. 301.

²⁰⁵ Model Penal Code § 2.02(2). The American Law Institute. 1985. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.legal-tools.org/doc/08d77d/pdf/> (дата обращения: 10.05.2025)

из актуального состояния сознания подозреваемого или включает также сравнение с состоянием сознания «разумного человека». В случае расширительного толкования mens rea включает намерение, легкомыслие и небрежность.

Mens rea может быть определена следующими двумя способами. Во-первых, статутом, в котором приписывается требуемый элемент вины к определенному преступлению. Например, согласно ст. 170(i) Закона об управлении таможенно-акцизной деятельностью 1979 г. Англии, уголовной ответственности подлежит лицо, которое «осознанно» (knowingly) осуществило ввоз запрещенных наркотических средств или психотропных веществ²⁰⁶. Так, в деле R v. Panayi [1989] 1 WLR 187 таможенные служащие изъяли 690 кг смолы каннабиса на яхте, находившейся в территориальных водах Англии. Подозреваемые утверждали, что транспортировали наркотическое средство из Испании в Голландию и оказались в территориальных водах Англии в результате навигационной ошибки. Апелляционный суд указал, что ст. 170(i) Закона об управлении таможенно-акцизной деятельностью 1979 г. предусматривает установление специального намерения, что обязывает органы расследования установить, что в момент совершения правонарушения обвиняемый, вторгнувшись в территориальные воды Англии, намеревался путем обмана избежать запрета на ввоз наркотиков и при этом осознавал свое нахождение в этих водах. В этой связи установления судом первой инстанции того факта, что обвиняемые были осведомлены о риске вторжения в территориальные воды и осознанно приняли такой риск, является недостаточным²⁰⁷.

Во-вторых, mens rea может быть определена общим правом, исходя из его основных принципов, путем назначения требуемой mens rea как преступлениям по общему праву, так и преступлениям по статутному праву.

²⁰⁶ Customs and Excise Management Act 1979, sec. 170(i). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1979/2/section/170> (дата обращения: 24.05.2025)

²⁰⁷ R v. Panayi, 1989, United Kingdom House of Lords Decisions, 1 W.L.R. 187. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.bailii.org/uk/cases/UKHL/1988/4.html> (дата обращения: 04.05.2025)

В деле *He Kaw Teh v. R* Верховный суд Австралии указал, что преступление незаконного ввоза наркотических средств должно совершаться осознанно или намеренно. При этом толкование нормы статутного права было осуществлено «на основании основных принципов общего права, определяющих уголовную ответственность»²⁰⁸.

Элементы виновности *mens rea* при совершении наркопреступления международного характера могут быть субъективными или объективными. Субъективный элемент вины указывает на состояние ума подозреваемого. Объективный элемент вины указывает на состояние ума гипотетического «разумного» (*reasonable*) или «обычного» (*ordinary*) человека. Субъективный элемент вины лежит в основе привлечения лица к уголовной ответственности именно за то, что он на самом деле думал в момент совершения запрещенного уголовным правом действия. Объективный элемент вины позволяет наказывать за то, что человек в определенных обстоятельствах думал и действовал не так как «разумный» или «обычный» человек.

В общем праве большинство преступлений характеризуются субъективной формой *mens rea*, т.е. выявлением того, что на самом деле осознавал и намеревался сделать подозреваемый. Основными примерами субъективной формы *mens rea* являются намерение (*intent*) и неосторожность (*recklessness*). Верховный суд Англии в своих решениях неоднократно указывал на существовании в общем праве презумпции, согласно которой, каждое преступление характеризуется «виновным мышлением» (*guilty mind*) или субъективным компонентом вины²⁰⁹. В то же время для ряда преступлений как по общему праву, так и по статутному праву предусмотрена объективная форма *mens rea*. Небрежность, строгая и абсолютная ответственность представляют собой разновидности данной формы, где уголовная ответственность подозреваемого устанавливается не в связи с «состоянием его

²⁰⁸ *He Kaw Teh v. The Queen*, 1985 157 C.L.R. 523, 528 (Australia). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://jade.io/article/66982> (дата обращения: 06.05.2025)

²⁰⁹ Там же.

ума», а только на основании его действий. При этом некоторые преступления характеризуются комбинацией субъективной и объективной форм *mens rea*.

Сравнивая выделяемые состояния психики при совершении наркопреступления, можно прийти к выводу, что основное различие проходит между подходом, где акцент делается на намерении подозреваемого (умышленная формы вины), с одной стороны, или на риске, создаваемом его деяниями (неосторожная формы вина) - с другой. Как отмечает Дж. Флэтчер, трудная проблема, с которой сталкиваются все правовые системы, заключается в том, чтобы провести границу между названными «кластерами состояния психики или, скорее, двумя способами совершения преступления»²¹⁰. Данная проблема еще более осложняется тем обстоятельством, что Модельный уголовный кодекс США ввел в правовое регулирование новую промежуточную между умыслом и неосторожностью (в терминах российского уголовного права) категорию – совершение преступления «со знанием» (*knowingly*). Именно по этой причине, а именно исходя из промежуточного положения названной категории, которая используется в антинаркотических конвенциях ООН, необходимо определение ее места с точки зрения российского уголовного права. Тем более, что законодательство стран континентальной правовой семьи, включая российское уголовное законодательство, не имеют ее непосредственного аналога, а принцип *pacta sunt servanda* требует имплементации положений антинаркотических конвенций ООН в российскую правовую систему.

Отправной точкой анализа может служить классическое деление субъективной стороны на *dolus* (намерение) и *culpa* (небрежность). Легкомыслие можно рассматривать как разновидность *culpa*, которая в уголовном праве Германии называется «осознанной неосторожностью». На наш взгляд деление неосторожности на осознанную и неосознанную является удачным приемом, позволяющим уяснить различия в терминах российской

²¹⁰ Fletcher, G. P. (2000). *Rethinking Criminal Law* (2nd ed.). New York: Oxford University Press. P. 442.

теории состава преступления применительно к используемой терминологии в рассматриваемых конвенциях ООН. В данном контексте «recklessness» как элемент субъективной составляющей преступления в странах общего права можно считать «легкомыслием» в терминологии российской теории состава преступления и «осознанной небрежностью» в понятийном аппарате права Германии.

Г. А. Есаков не высказывает серьезных возражений против перевода Дж. Флэтчером и А. В. Наумовым терминов «recklessness» и «negligence» как «осознанная неосторожность» и «неосознанная неосторожность» соответственно²¹¹. Представляется, однако, что в терминах Уголовного кодекса РФ «легкомыслие» как эквивалент «recklessness» подчеркивает именно основное отличие, важное при применении субъективных и объективных стандартов виновного поведения. Так, согласно ч. 2 ст. 26 УК РФ преступление признается совершенным по легкомыслию, если лицо предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на предотвращение этих последствий. А в соответствии с ч.3 названной статьи преступление признается совершенным по небрежности, если лицо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло предвидеть эти последствия.

В доктрине общего права преступления делятся на две большие группы – требующие «общий умысел» (general intent) или «специальный умысел» (specific intent)²¹². В деле *US v. Bailey et al* Верховный суд США отметил, что такое деление может быть источником «большой путаницы»²¹³. Wayne LaFave

²¹¹ Есаков, Г.А. *Mens rea* в уголовном праве США: историко-правовое исследование. Монография / Есаков Г.А.; Предисл.: Шишов О.Ф. - С.-Пб.: Юрид. центр Пресс, 2003. С. 302.

²¹² Hall, J. (1960). *General Principles of Criminal Law*. Bobbs-Merrill. P. 70.

²¹³ *United States v. Bailey*, 840 F.3d 99, 108 (3d Cir. 2016). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://case-law.vlex.com/vid/united-states-v-bailey-1043204764> (дата обращения: 04.05.2025)

and Austin Scott сформулировали данное различие следующим образом: «Иногда общий умысел употребляется также как преступный умысел в значении *mens rea*, в то время, как специальный умысел используется для обозначения формы вины, необходимой для определенного состава преступления. В других случаях термин общий умысел может использоваться для обозначения всех форм субъективной стороны, а специальный умысел – только по отношению к ее одной форме. Еще одна возможность заключается в том, что общий умысел может относиться к характеристике умысла совершить какое-либо неопределенное деяние, а специальный умысел – к его совершению в определенное время и месте»²¹⁴.

Неопределенность в точном значении *mens rea* была устранена с принятием Модельного уголовного кодекса США, положения которого в отношении субъективной стороны состава наркопреступлений международного характера широко использовался составителями официальных комментариев к антинаркотическим конвенциям ООН. Новый подход, реализованный Американским юридическим институтом (ALI), основан на двух принципах. Во-первых, двусмысленный и общий термин «намерение» или «умысел» заменен несколькими терминами, характеризующими иерархию состояний виновного сознания. Во-вторых, различные уровни в этой иерархии располагаются в убывающем порядке виновности – «цель», «знание», «неосторожность» и «небрежность».

В Модельном уголовном кодексе США отсутствует другое такое положение, которое оказало бы большее влияние на учение о вине, чем ст. 2.02 Модельного уголовного кодекса, содержащее общие правила определения вины²¹⁵. Данные нормы считаются «самыми важными положениями Кодекса»²¹⁶ и «наиболее значимым достижением составителей Кодекса»²¹⁷. В

²¹⁴ LaFave, W. R., Scott, A. W. (1986). *Substantive Criminal Law* (Vol. 1). Minnesota: West Publishing. P. 314.

²¹⁵ Dressler, J. (2001). *Understanding Criminal Law*. Lexis Publishing. P. 137.

²¹⁶ Packer H.L. "The Model Penal Code and Beyond". *Columbia Law Review*, vol. 63, no. 4, 1963. P. 601.

²¹⁷ Binavince, E.S. "The Structure and Theory of the German Penal Code." *The American Journal of Comparative Law*, vol. 24, no. 4, 1976. P. 600.

этой статье формулируется фундаментальное требование, согласно которому, если в отношении материального элемента преступления не представлены доказательства его совершения с соответствующим элементом виновности, то уголовное осуждение не может считаться законным²¹⁸. Тем самым никто не может быть осужден в совершении преступления, «иначе как если он действовал целенаправленно, осознанно, небрежно или неосторожно, в зависимости от указаний уголовного закона, в отношении каждого материального элемента преступления»²¹⁹. Модельный кодекс США исключил недостаточно определенные и противоречивые термины, связанные с виновностью, и заменил их на четыре тщательно разработанных иерархических уровня.²²⁰

Термин «с целью» в ст. 2.02(2)(a) Модельного УК США употребляется в двух значениях, в зависимости от того относится ли материальный элемент преступления к поведению или его результату, с одной стороны, или – к сопутствующим обстоятельствам, с другой. В отношении поведения или результата лицо действует «с целью», если его сознательной целью является осуществление такого поведения либо достижение данного результата²²¹. Следовательно, элемент виновности «с целью» в Модельном УК США может быть соотнесен с понятием общего права «намеренно»²²². Другими словами, термин «с целью» в ст. 2.02(2)(a) является эквивалентом «фактического намерения» общего права. Описание данного стандарта в Модельном УК США соответствует *dolus directus* первой степени или «*Absicht*» в германском уголовном праве. «*Absicht*» в уголовном праве Германии означает «связанную с целью волю»²²³. Предполагается, что обвиняемый действовал «с целью»,

²¹⁸ Model Penal Code. The American Law Institute. 1985. P. 229. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.legal-tools.org/doc/08d77d/pdf/> (дата обращения: 10.05.2025)

²¹⁹ Model Penal Code § 2.02(1). The American Law Institute. 1985. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.legal-tools.org/doc/08d77d/pdf/> (дата обращения: 10.05.2025)

²²⁰ Wechsler, Herbert. "Codification of Criminal Law in the United States: The Model Penal Code." *Columbia Law Review*, vol. 68, no. 8, 1968. P. 1436.

²²¹ Там же, пар. 2.02(2)(a)(i).

²²² Dressler, J. (2001). *Understanding Criminal Law*. Lexis Publishing. P. 138–139.

²²³ Krey, V. (2003). *Deutsches Strafrecht: Allgemeiner Teil, Band II*. Kohlhammer. P. 109.

если он желал наступления результата²²⁴. В случае обвинения в убийстве, совершенном «с целью», следствие должно доказать «за пределами разумных сомнений», что обвиняемый сознательно желал данного результата, независимо от вероятности наступления смерти в результате его поведения²²⁵. Верховный суд в деле *United States v Bailey et al* указал, что «лицо, действия которого привели к определенному результату, действовал «с целью», если он осознанно желал данного результата, независимо от вероятности его наступления как следствие его действий»²²⁶. Из сказанного можно сделать вывод, что когда намерение определено как «цель», то обвиняемый не может быть привлечен к уголовной ответственности за последствия своих действий даже если он предвидел их наступление как вероятное до тех пор, пока его целью не было достижение данных последствий.

Говоря о субъективной стороне составов наркопреступлений международного характера, помимо Модельного уголовного кодекса США, необходимо также учитывать положения Римского статута и практики Международного уголовного суда по данному вопросу. Известный немецкий правовед при анализе норм Римского статута в отношении установленных им стандартов виновности в своем труде «Принципы международного уголовного права» безапелляционно заявляет, что «статья 30 Римского с не распространяется на *dolus eventualis* или самонадеянность»²²⁷. Мы с данным выводом не согласны по двум причинам. Во-первых, данное высказывание противоречит позиции судей Международного уголовного суда по поводу *dolus eventualis*, сформулированной в деле *Lubanga*. По мнению суда, ссылка в ст. 30 Римского статута на «умысел и осознание» как необходимые элементы вины, подразумевает присутствие волевого компонента у подозреваемого.

²²⁴ Badar M.E. “Mens Rea – Mistake of Law and Mistake of Fact in German Criminal Law: A Survey for International Criminal Tribunals.” *International Criminal Law Review*, vol. 5, 2005. P. 220–234.

²²⁵ Model Penal Code § 210.2(1)(a). The American Law Institute. 1985. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.legal-tools.org/doc/08d77d/pdf/> (дата обращения: 10.05.2025)

²²⁶ *United States v. Bailey*, 840 F.3d 99, 108 (3d Cir. 2016). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://case-law.vlex.com/vid/united-states-v-bailey-1043204764> (дата обращения: 04.05.2025)

²²⁷ Герхард Верле. Принципы международного уголовного права. – М.: Феникс, ТрансЛит, 2011. С. 223.

Наличие данного волевого компонента может быть установлено в следующих ситуациях:

1. Подозреваемый осознает, что его действия (бездействие) составляют объективную сторону состава соответствующего преступления;

2. Подозреваемый предпринимает действия (бездействие) с конкретизированным умыслом вызвать определенные последствия, составляющие объективную сторону состава преступления (*dolus directus* первой степени);

3. Подозреваемый, не имея конкретизированного умысла вызвать определенные последствия, осознает, что его действия (бездействия) неизбежно приведут к таким последствиям (*dolus directus* второй степени);

4. Подозреваемый осознает риск, что его действия (бездействие) могут привести к названным последствиям, но внутренне соглашается или смиряется с ним (*dolus eventualis*).

Следовательно, Международный уголовный суд рассматривает *dolus eventualis* как нижнюю границу виновного интеллектуально-волевого отношения к совершаемому деянию, составляющим объективную сторону состава международного преступления, отделяющим его от невиновного поведения. Во-вторых, Герхард Велле ставит знак равенства между *dolus eventualis* и самонадеянностью, с чем мы также не можем согласиться. Вероятно, такое отождествление и привело данного автора к ошибочному выводу о том, что *dolus eventualis* не является одним из стандартов виновного совершения деяний, ответственность за которые предусмотрена Римским статутом. Вместе с тем их отличие заключается в том, что *dolus eventualis* требует наличия когнитивного элемента знания и волевого элемента принятия риска, в то время как в случае с самонадеянностью (*recklessness*) данный волевой элемент отсутствует.

Следует заметить, что применение данных элементов вины при рассмотрении Международным уголовным судом дел о международных преступлениях является еще одной характерной чертой международного

уголовного права. Данная существенная особенность проявляется в том, что международное уголовное право использует теоретико-правовые конструкции, представляющие собой синтез институтов общего и континентального права; эта характеристика присуща нормам международного уголовного права, реализующимся как через прямое, так и через опосредованное применение в правоприменительной практике. В рассматриваемом случае необходимо отметить, что такой элемент вины как *dolus eventualis* был разработан в странах континентального права, в то время как самонадеянность (*recklessness*) – в странах общего права. Элемент вины *dolus eventualis* представляет собой нижнюю границу виновного поведения, когда подозреваемый осознает риск наступления запрещенных уголовным правом последствий, но сознательно идет на такой риск, смиряясь или внутренне соглашаясь с ним.

В российском уголовном праве *dolus eventualis* специально не выделяется, а входит в более широкую категорию косвенного умысла, представляющего собой одну из форм умышленной вины. Согласно ч. 3 ст. 25 УК РФ, преступление признается совершенным с косвенным умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий, не желало, но сознательно допускало эти последствия либо относилось к ним безразлично. Тем самым данное определение охватывает как элемент вины «знание», так и «*dolus eventualis*».

Элемент вины «самонадеянность» (*recklessness*), который используется в международном уголовном праве, включая Римский статут и антинаркотические конвенции ООН, возник и получил свое развитие в общем праве. Перевод английского термина «*recklessness*» на русский язык, несмотря на кажущуюся легкость, вызывает обширные дискуссии в литературе. Эти трудности связаны не с семантическим значением слова, а с выбором термина, в наибольшей степени соответствующего российской теории состава преступления. В доктринальной литературе и нормативных актах

рассматриваемый термин переводится по-разному. При переводе Модельного уголовного кодекса США на русский язык элемент виновности «recklessness» определяется как «опробетчивость», а в упоминавшейся выше работе Герхарда Велле – как «самонадеянность». Г.А. Есаков предлагает использовать термин «неосторожность» как более соответствующий «природе охватываемого анализируемым понятием субъективного состояния»²²⁸. При этом им положительно оценивается вариант, предложенный, Дж. Флэтчером и А.В. Наумовым, заключающийся в переводе «recklessness» как «осознанная неосторожность», а «negligence» как «неосознанная неосторожность»²²⁹. Однако необходимо заметить, что предложенный данными авторами термин заимствован из германского уголовного права. Об этом, в частности, пишет сам Дж. Флэтчер в другой своей работе: «Неосторожность (recklessness) – это форма *culpa*, являющаяся эквивалентом такого понятия как «осознанная неосторожность», которое используют германские ученые»²³⁰.

Проведенный Палатой предварительного расследования МУС анализ элементов виновности, установленные ст. 30 Римского статута, позволяет нам сделать следующие выводы. Во-первых, Палата предварительного расследования МУС при формулировании своей позиции в отношении *mens rea* руководствуется романо-германской теорией умысла, выделяющей два компонента – интеллектуальный и волевой, которые в соответствующих национальных правовых системах имеют следующие названия: *Wissen and Wollen* (Германия), *preveduto and volute* (Италия) и *la conscience and la volonte* (Франция). Во-вторых, требование о наличии волевого компонента свидетельствует о принятии Палатой предварительного расследования МУС концепции *dolus eventualis*, разработанной в рамках континентального права. При этом была отклонена концепция «неосторожности» (*recklessness*), распространенная в странах общего права, в силу недостижения

²²⁸ Есаков, Г.А. *Mens rea* в уголовном праве США: историко-правовое исследование. Монография / Есаков Г.А.; Предисл.: Шишов О.Ф. - С.-Пб.: Юрид. центр Пресс, 2003. С. 302.

²²⁹ Там же.

²³⁰ Fletcher, G. P. (2000). *Rethinking Criminal Law* (2nd ed.). New York: Oxford University Press. P. 443.

минимального порога *mens rea*, установленного ст. 30 Римского статута. В уже названном деле Lubanga Палата предварительного расследования назвала мотивы, по которым «неосторожность» (*recklessness*) не может рассматриваться как нижний порог виновного поведения в контексте ст. 30 Римского статута. Так, концепция «неосторожности» (*recklessness*) требует только, чтобы обвиняемый осознавал наличие риска наступления запрещенных уголовным правом последствий в результате совершения им действий (бездействия), но не требует, чтобы он примирился с таким результатом. Поскольку «неосторожность» (*recklessness*) не требует, чтобы обвиняемый примирился с причинной связью между объективными элементами преступления и его действиями (бездействием), постольку она не является частью концепции «намерения»²³¹.

В соответствии с положениями антинаркотических конвенций ООН государства-участники обязаны обеспечить привлечение к уголовной ответственности лиц, умышленно совершивших запрещенные этими конвенциями деяния. Каким образом государства-участники определяют, что деяние совершено умышленно в значительной степени зависит от их принадлежности к правовой системе общего или континентального права. Согласно ст. 36 Единой конвенции 1961 г., деяния, совершённые по неосторожности, не рассматриваются как преступления. В большинстве правовых систем уголовная ответственность распространяется главным образом на умышленные действия, тогда как неосторожные деяния караются лишь в исключительных случаях; при этом преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств к таким исключениям не относятся. Вместе с тем некоторые государства предусмотрели уголовную ответственность за действия с наркотиками, совершённые по неосторожности. Единая конвенция 1961 г. не содержит запрета на такую криминализацию, что некоторые рассматривают как нарушение прав подозреваемых лиц.

²³¹ The Prosecutor v. Thomas Lubanga Dyilo. Decision on the confirmation of charges, fn. 438. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.legal-tools.org/doc/b7ac4f> (дата обращения: 10.05.2025)

Аналогичным образом, в соответствии со статьей 22(1)(a) Конвенции 1971 г. обязательному уголовному наказанию подлежат только те действия, которые совершены умышленно, а не по неосторожности. Согласно вводному параграфу ст. 3(1) Конвенции 1988 г. ответственность за наркопреступления наступает, если они совершены преднамеренно. Более того, в соответствии со ст.3(3) Конвенции 1988 г. «осознание, намерение или цель как составные элементы преступления, указанного в пункте 1 настоящей статьи, могут быть установлены из объективных фактических обстоятельств дела». Названное положение было включено в Конвенцию 1988 г. по предложению делегации Нидерландов. Необходимость в этой норме обосновывалась трудностями сбора доказательств вины лиц, обвиняемых в совершении преступлений, предусмотренных ст. 3(1)(b) и ст. 3(1)(c)(i), связанных с «отмыванием» доходов, полученных преступным путем. В этой связи представитель Нидерландов на Конференции 1988 г. Схютте отмечал следующее: «В некоторых правовых системах в качестве правонарушений квалифицируются операции, связанные с небрежностью. Другими словами, правонарушитель несет уголовную ответственность, если при определенных обстоятельствах он должен был понять, что собственность имеет незаконное происхождение. В других правовых системах допускается, без прямого определения небрежности в качестве уголовно наказуемого деяния, чтобы осведомленность того или иного лица определялась на основе иных фактов, нежели признание правонарушителя. В этом случае используется понятие *dolus eventualis*, однако весьма затруднительно провести различия между этим понятием и понятием *culpa* вообще»²³².

Следует заметить, что приведенный перевод выступления на Конференции 1988 г. представителя Нидерландов Схютте на русский язык не в полной мере отражает весь смысл его заявления, имеющего важное значение

²³² Конференция Организации Объединенных Наций для принятия Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Вена, 25 ноября – 20 декабря 1988 г. Официальные отчеты, т. 2, с. 88

для определения позиции в отношении субъективной стороны наркопреступлений международного характера. Говоря о понятии *dolus eventualis*, Схютте подчеркнул о сложности проведения различия между данным понятием и понятием *culpa* (неосторожность), но не «вообще», как говорится в официальном переводе, а *in abstractio*. В данном случае имеется в виду, что такое различие трудно провести вне контекста рассмотрения обстоятельств конкретного дела, т.е. *in concreto*.

По нашему мнению, основная сложность в определении соотношения между *dolus eventualis* и *culpa* (неосторожность) при рассмотрении наркопреступлений международного характера заключается в различных подходах к определению форм вины со стороны континентальной правовой семьи и правовой семьи общего права. В странах, входящих в семью общего права, действует презумпция о том, что преступление совершается с «виновным сознанием» (*guilty mind*). В этой связи следствие, как правило, должно представить доказательства того, что подозреваемый осознавал преступность своих действий (бездействия), т.е. совершал их «со знанием»²³³ (*knowingly*). В странах же континентального права неосторожность рассматривается как форма виновного поведения. Так, согласно ч. 1 ст. 24 УК РФ виновным в преступлении признается лицо, совершившее деяние умышленно или по неосторожности.

Необходимо обратить внимание на то, что использование в текстах Конвенции 1988 г. и Комментариев к Конвенции 1988 г. разных названий на русском языке одного и того же юридического понятия «знание» (*knowledge*) является неудачным. Так, термин «знание» (*knowledge*) имеет такое же строго-определенное теоретико-правовое содержание в странах общего права, как и термин «умысел» в российском праве. С семантической точки зрения в качестве синонимов слова «умысел» можно использовать ряд других слов, но только «умысел» является научным правовым термином. В тех случаях, когда

²³³ Данный термин используется Есаковым Г.А.

положения антинаркотических конвенций ООН и официальные комментарии к ним формулируются на русском языке, необходимо, по нашему мнению, придерживаться единой терминологии и не использовать различные синонимы для обозначения одного и того же понятия, используемого в международных договорах. В рассматриваемой статье Конвенции 1988 г. и п. 3.44 Комментариев к Конвенции 1988 г. для характеристики требуемого элемента виновности используется такая ее форма как «знание» (knowledge). Однако в названных текстах на русском языке употребляются такие термины как «известно» и «осведомлен» для обозначения одного и того же понятие «знание» (knowledge), что искажает его теоретико-правовое содержание в международном уголовном праве.

Следует заметить, что практика применения положений ст. 3(b) Конвенции 1988 г., связанных с отмывание преступных доходов и устанавливающих в качестве элемента виновности наличие знания обвиняемым преступного происхождения собственности, столкнулась с трудностями в представлении доказательств.²³⁴ Для облегчения доказывания факта наличия знания о преступности происхождения собственности по предложению делегации Нидерландов ст. 3(b) Конвенции 1988 г. была дополнена положением о том, что такое знание может быть подтверждено «объективными фактическими обстоятельствами дела». По нашему мнению, возможность установления «знания» как формы элемента виновности на основании доказательства фактических обстоятельств дела является свидетельством применению объективного стандарта установления вины. В данном случае предмет доказывания смещается от собственно субъективной сферы подозреваемого, а именно факта того, что он знал о преступном происхождении собственности, к доказательству наличия таких «объективных фактических обстоятельств», при которых он не мог об этом не знать. Другими

²³⁴ Explanatory Report to the Council of Europe Convention on Laundering, Search, Seizure and Confiscation of the Proceeds from Crime and on the Financing of Terrorism. Warsaw, 16.V.2005, para 97. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rm.coe.int/16800d3813> (дата обращения: 24.05.2025)

словами, используется известный метод общего права, заключающийся в сравнении поведения подозреваемого с поведением «обычного разумного человека» (an ordinary reasonable person). Данный объективный стандарт применяется в странах общего права в случае преступлений, совершаемых с неосторожной формой вины. Частично данный стандарт соответствует таким разновидностям неосторожной формы вины по российскому уголовному праву как легкомыслие и небрежность. В Германии аналогичные формы соответственно называются «осознанная неосторожность» и «неосознанная неосторожность». Однако особенностью ст. 3(3) Конвенции 1988 г. является использование объективного стандарта не в случае установления неосторожности, а для доказательства намерения (intent) совершить преступление. Применение такой формы элемента виновности как «знание» (knowledge) в классическом варианте общего права требует доказательства того, что подозреваемый в момент перевода собственности знал о ее преступном происхождении. Положения же ст. 3(3) Конвенции 1988 г. предусматривают не доказательство того, что знал данный подозреваемый в момент совершения преступления (субъективный стандарт), а доказательство наличия таких «объективных фактических» данных, при которых «обычный разумный человек» знал бы, что собственность имеет преступное происхождение (объективный стандарт).

Показательно в этом отношении сопоставлении положений ст. 3(b) и ст. 3(3) Конвенции 1988 г. с нормами других международных конвенций уголовно-правового характера, в частности положениями ст. 9 Конвенции об отмывании 2005 г. В статье 9(2)(с) Конвенции об отмывании 2005 г. воспроизводятся элементы виновности, перечисленные в ст. 3(3) Конвенции 1988 г.: «знание», «намерение» и «цель». Однако в тексте названного пункта Конвенции об отмывании доходов 2005 г. «цель» (purpose) заменена на «мотивы», что не соответствует аутентичному тексту на английском языке. Цель представляет собой элемент виновности преступления, который в большей степени соответствует такой форме вины в российском уголовном

праве, как «прямой умысел». Очевидно, что замена «цели» на «мотивы» искажает смысл приведенной правовой нормы.

В отличие от норм ст. 3(3) Конвенции 1988 г. нормы ст. 9(3) Конвенции об отмывании доходов 2005 г. носят рекомендательный характер. В соответствии с положениями данной статьи государство-участник вправе предусмотреть уголовную ответственность за деяния, перечисленные в п. 1, в случаях, когда лицо, совершившее действия с имуществом, либо подозревало, что оно получено преступным путём, либо было обязано исходя из обстоятельств предполагать его незаконное происхождение. Тем самым порог вины для наступления уголовной ответственности за совершение преступления, связанного с отмыванием доходов, в значительной степени снижен. Так, вместо элемента виновности «знания» о преступном происхождении доходов достаточно простого подозрения для наступления уголовной ответственности. Более того, требование о том, что подозреваемый «должен был предполагать» о преступном происхождении доходов свидетельствует об установлении неосторожной формы вины в виде небрежности.

Вводный параграф ст. 3(1) Конвенции 1988 г. определяет, что данные преступления должны совершаться «с намерением», а ст. 3(3) предусматривает, что намерение может быть установлено на основании «объективных фактических обстоятельств»²³⁵. В то же время данные преступления требуют установления специальной формы знания, а именно доказательство того факта, что подозреваемый должен был знать о том, что собственность получена в результате совершения преступлений, указанных в ст. 3(1)(а).

Приведенные положения основываются на использовании понятий уголовного права, характерных для стран общего права, но получивших

²³⁵ Из ст. 305.1 Уголовного кодекса Швейцарии следует, например, что «знание» может быть установлено непосредственно (*directly*) при доказательстве фактического знания (*actual knowledge*) или презюмируемого знания (*constructive knowledge*) или косвенно (*indirectly*) путем констатации легкомыслия (*reckless disregard*) или (*wishful blindness*)

широкое распространение и в международном праве. Идея о необходимости учета различий в теоретико-правовых подходах в международном уголовном праве между правовыми семьями общего и континентального права при международном сотрудничестве получает все большее распространение и практическое воплощение. Одним из направлений реализации учета названной специфики в правовом регулировании можно рассматривать разработку типового законодательства отдельно для каждой из названных правовых семей. Например, в настоящее время уже разработаны Типовое законодательство в отношении отмывания доходов и финансирования терроризма для стран континентального права (2005)²³⁶ и Типовые положения в отношении отмывания доходов, финансирования терроризма, обеспечительных мер и преступных доходов для стран общего права (2009)²³⁷. Названные международно-правовые инструменты разработаны под эгидой Управления ООН по наркотикам и преступности²³⁸.

В то же время сопоставление правовых норм двух документов в контексте рассматриваемого вопроса демонстрирует механистический перенос теории элементов преступления и стандартов вины, характерных для стран общего права, из одного приведенного документа в другой без учета специфики теоретико-правовых особенностей учений о вине, распространенных в странах континентального права. Так, ст. 5.2.1(2) Типового законодательства в отношении отмывания доходов и финансирования терроризма для стран континентального права (2005) посвящена форме вины при совершении преступления в отмывании дохода, полученного преступным путем. Однако данная норма идентична по

²³⁶ Типовое законодательство об отмывании денег и финансировании терроризма, 2005. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.unodc.org/documents/legal-tools/AML_MLawRussian.pdf (дата обращения: 24.05.2025)

²³⁷ Model Provisions on Money Laundering, Terrorist Financing, Preventive Measures and Proceeds of Crime (for common law legal systems), 2009. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.unodc.org/documents/legal-tools/AML_Model_Provisions_Common_Law.pdf (дата обращения: 24.05.2025)

²³⁸ Model Laws and Treaties. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.unodc.org/unodc/en/legal-tools/model-treaties-and-laws.html> (дата обращения: 24.05.2025)

содержанию ст. 3(b)(7), в которой также говорится о формах вины, с которой совершается рассматриваемого преступления. И в том, и в другом случае формы вины определяются на основании теории элементов преступления и установлены названные ранее типичные для общего права стандарты виновного поведения – «знание», «намерение» и «цель». Тем самым не учитывается, что в странах континентального права при формулировании субъективной стороны данные стандарты не являются характерными. Таким образом, можно сделать вывод, что нормы антинаркотических конвенций ООН при формулировании субъективной стороны преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ применяется понятийный аппарат, сформировавшийся в рамках стран общего права. И даже типовые кодексы, разработанные в рамках Управления ООН по наркотикам и преступности и адресованные странам континентального права, основываются на теоретико-юридических понятиях, не используемых в данных странах. Учитывая, что Российская Федерация, как и другие страны континентального права, являются участником антинаркотических конвенций ООН и многих других международных договоров, выявление соотношения данной понятийной системы с российской теорией состава преступления приобретает особую значимость как в теоретическом, так и в сугубо прикладном значении.

В целом, можно отметить тенденцию к снижению порога наступления уголовной ответственности за отмыwanie доходов, полученных от незаконного оборота наркотических средств. Если положения ст. 3(3) в качестве элемента виновности устанавливали «знание» подозреваемого о преступном происхождении собственности, то ст. 9 Конвенции об отмывании доходов 2005 г. предусматривает возможность привлечения к уголовной ответственности в случае, когда подозреваемый «должен был знать или подозревать», что собственность получена в результате совершения преступления, т.е. при неосторожной форме вины. Варианты формулирования

субъективной стороны рассматриваемых составов преступления разными государствами-участниками приведены ниже.

1. Основным стандартом, определяющим минимальный порог уголовной ответственности, является «знание» подозреваемого о том, что собственность получена преступным путем. Вывод о наличии такого знания может быть сделан, исходя из объективных фактических обстоятельств.

2. Модификацией основного стандарта является менее строгое требование о наличии только лишь подозрения о преступном происхождении собственности.

3. Некоторые страны в качестве модификации основного стандарта применяют положение о том, что «лицо имело разумные основания верить в то, что собственность получена преступным путем».

4. Ряд стран к требованию о знании преступного происхождения собственности добавляют альтернативное требование о том, что подозреваемый верил в такой источник происхождения. Такое дополнение позволяет в данных странах привлекать лиц в результате проведения оперативного эксперимента, когда подозреваемый верит в преступное происхождение собственности, хотя на самом деле это не так.

5. Все большее количество стран, включая упоминавшуюся в этой связи Швейцарию, устанавливают в своем уголовном законодательстве возможность привлечения к уголовной ответственности за совершение рассматриваемого преступления, совершенного по неосторожности.

Таким образом, в процессе описания признаков субъективной стороны составов наркопреступлений в национальных правовых системах необходимо принимать во внимание действие двух основных факторов. Во-первых, формирование требований к субъективной стороне преступлений в практике международных судов и трибуналов *ad hoc* путем использования теоретико-правовых конструкций, характерных для различных правовых семей.

Во-вторых, формулирование критериев виновного поведения в странах англо-американского и романо-германского права опирается на различные

учения о преступлении, согласно которым состав преступления может включать два, три или четыре компонента. В этой связи установленные в антинаркотических конвенциях ООН такие стандарты виновного поведения, как «осознание», «намерение» и «цель» охватываются понятиями прямого и косвенного умысла в терминах и концепциях, принятых в отечественном учении о составе преступления.

В связи с тем, что содержание признаков субъективной стороны составов международных наркопреступлений не раскрывается, то их правовая характеристика может быть определена в ходе сравнительно-правового анализа уголовного законодательства и доктрины государств-участников. В антинаркотических конвенциях ООН указывается, что международные наркопреступления совершаются преднамеренно, а именно со «знанием» (knowledge), «намерением» (intent) или «целью» (purpose). Тем самым используются критерии виновного поведения, характерные для стран правовой семьи общего права. Данные признаки субъективной стороны в странах правовой семьи континентального права в общем виде соответствуют следующим видам виновного поведения. Совершение наркопреступления с «целью» в значительной степени соответствует признаку «*dolus directus* первой степени» в Германии, «*dolus general*» во Франции и «прямому умыслу» в России. Такой признак как «намерение» имеет в качестве своего примерного эквивалента «*dolus directus* второй степени» в Германии, «*dolus special*» во Франции и «косвенный умысел» в России. Критерий совершения наркопреступления со «знанием» не имеет непосредственного аналога в правовых системах государств-участников, принадлежащих правовой семье континентального права. В названных странах признак «знание» может относиться как к умышленной, так и неосторожной форме вины в терминах российского уголовного права. В последнем случае привлечение к уголовной ответственности за совершение деяний, предусмотренных антинаркотическими конвенциями ООН, не является обязательным для государств-участников. Нижней границей умысла при совершении деяний в

сфере незаконного оборота наркотических средств в рассматриваемых конвенциях ООН является *dolus eventualis*.

Глава 3. ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ АНТИНАРКОТИЧЕСКИХ КОНВЕНЦИЙ ООН

§3.1 Экстратерриториальная юрисдикция государств-участников антинаркотических конвенций ООН

Международное сотрудничество в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ неразрывно связано с понятием юрисдикции. Учитывая, что деяния, подпадающие под категорию незаконного оборота наркотиков, составляют объективную сторону составов серьезных преступлений, особое значение приобретают вопросы определения международной уголовной юрисдикции.

Согласно Р. А. Каюмовой, в международном праве понятие «юрисдикция» рассматривается с трёх взаимосвязанных позиций: как проявление суверенной власти государств-участников в отношении определённых объектов или территориальных участков; как совокупность государственных мер, направленных на противодействие транснациональным и международным преступлениям; и как комплекс процессуальных действий, формирующих содержание компетенции как национальных, так и международных судебных органов, что подчёркивает неразрывную связь юрисдикции с государственным суверенитетом с одной стороны и с судебной компетенцией - с другой²³⁹.

Как считает Малькольм Шоу, юрисдикция касается полномочий государства в соответствии с международным правом регулировать или иным образом воздействовать на людей, имущество и обстоятельства, отражает основные принципы государственного суверенитета, равенства государств и невмешательства во внутренние дела. Юрисдикция является центральным элементом государственного суверенитета, поскольку она представляет собой осуществление полномочий, которые могут изменять или

²³⁹ Каюмова, А.Р. Уголовная юрисдикция в международном праве: вопросы теории и практики : дис. ... д-ра юр. наук : 12.00.10 / Каюмова Альфия Револевна. – М., 2016., с. 9.

создавать, или прекращать правовые отношения или обязательства.²⁴⁰ Иными словами, М. Шоу сводит юрисдикцию к системе полномочий государства, осуществляемых в соответствии с принципами международного права. Очевидно, что данный автор не наделяет других субъектов международного права способностью обладать юрисдикцией.

В отличие от Малькольма Шоу С.В. Черниченко считает, что юрисдикцию имеет любой субъект международного права, включая межправительственные организации, хотя в этом случае она «довольно специфична». Им проводятся различия между юрисдикцией государства и юрисдикцией субъекта международного права. Основное отличие С.В. Черниченко видит в том, что юрисдикция последнего не связана с государственным суверенитетом, в то время как в полной мере она свойственна только государству как суверенному образованию. При этом характерной чертой юрисдикции, свойственной в полной мере только государству, настоящий автор считает наличие властных полномочий. С.В. Черниченко определяет юрисдикцию государства как определяемую государством возможность и допустимость ожидать и требовать осуществления своих правовых велений (предписаний и запретов) и обеспечивать их осуществление²⁴¹.

И. И. Лукашук считает целесообразным разделение юрисдикции на полную и ограниченную. В первом случае юрисдикция означает власть государства предписывать поведение и обеспечивать реализацию своих предписаний всеми имеющимися в его распоряжении законными средствами. Во втором - государство также может предписывать поведение, однако оно в большей или меньшей мере ограничено в использовании средств, обеспечивающих выполнение предписаний²⁴². В антинаркотических конвенциях ООН содержатся нормы, относящиеся как к первому, так и ко

²⁴⁰ Шоу Малькольм Н. Международное право, 2 том. Алматы, 2019, с. 17.

²⁴¹ Черниченко С.В. Контуры международного права. Общие вопросы. — М.: «Научная книга», 2014, сс. 254-255.

²⁴² Лукашук И.И. Международное право. Общая часть. — М.: Волтерс Клувер, 2005, с. 251.

второму видам юрисдикции, выделяемых И.И. Лукашук. В ситуации совершения деяния, связанного с незаконным оборотом наркотических средств, на территории государства-участника, оно будет обладать прямой юрисдикцией. Если же наркопреступление было совершено гражданином этого государства, но на территории другого государства-участника, то государство гражданства подозреваемого будет иметь ограниченную юрисдикцию. Суть последнего вида юрисдикции И.И. Лукашук видит в том, что преимущественная сила принадлежит праву страны пребывания и иностранное государство не может предписывать поведение, запрещенное местным правом²⁴³.

Ряд ученых фактически отождествляют юрисдикцию с компетенцией, определяя рассматриваемое понятие как комплекс полномочий государства. Т.Д. Матвеева считает, что «компетенция государства определяется понятием территориальной юрисдикции, представляющая собой установленную законом или иным нормативным правовым актом совокупность правомочий его судебных и административных органов разрешать правовые споры и дела о правонарушениях, применять юридические санкции к правонарушителям»²⁴⁴. С такой позицией трудно согласиться, поскольку автор, с одной стороны, расширительно толкует понятие юрисдикции как компетенцию, а с другой – ограничивает действие юрисдикции государства только его территорией. При таком подходе за рамками исследования остаются многие проблемы международного сотрудничества, связанные с экстратерриториальной юрисдикцией

Некоторые правоведы при анализе связи компетенции с юрисдикцией акцентируют внимание на различия в содержании понятия «компетенция» во внутригосударственном и международном праве. В этой связи Б. Кривокапич

²⁴³ Лукашук И.И. Международное право. Общая часть. – М.: Волтерс Клувер, 2005, сс. 251-252.

²⁴⁴ Матвеева, Т. Д. Международное право : учебник для вузов / Т. Д. Матвеева. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2025, с. 166. — 432 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-16015-4. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. с. 166 — URL: <https://urait.ru/bcode/560460/p.166> (дата обращения: 12.09.2025).

замечает, что во внутригосударственном праве компетенция представляет собой объем функций, т.е. совокупность прав и обязанностей определенного органа. Компетенция в международном праве понимается как совокупность полномочий, признанных общим международным правом для каждого суверенного государства²⁴⁵. Б. Кривокапичем высказывается мнение, согласно которому в международном праве термины «компетенция» и «юрисдикция» используются как синонимы. Однако несмотря на сходство, государственная компетенция и государственный суверенитет не являются идентичными понятиями. Им подчеркивается, что суверенитет, представляя собой исключительную власть, принадлежит только государству. Одновременно юрисдикцию могут осуществлять и другие субъекты международного права, включая международные организации и международные суды. При этом, хотя суверенитет остаётся единым, компетенция по конкретным делам в некоторых случаях может принадлежать сразу двум или более государствам, что особенно характерно для наркопреступлений международного характера²⁴⁶. Так, наркотические средства могут производиться в одной стране, транспортироваться через другую, а их сбыт может осуществляться в третьей.

Если при расширительном толковании юрисдикция отождествляется с компетенцией, то сведение юрисдикции к правоприменительной деятельности демонстрирует ограничительный подход к определению данного понятия. Представители данной точки зрения ограничивают юрисдикцию исключительно сферой разрешения конфликтных ситуаций, где она выступает в качестве государственно-властной деятельности полномочного органа (органа управления, органа правосудия), состоящей в применении закона к юридическим конфликтам и принятии по ним правовых индивидуальных актов (актов юрисдикции)²⁴⁷. На наш взгляд, такой понятийный редукционизм не способствует изучению юрисдикции как системного правового

²⁴⁵ Кривокапич Б. Международное право: учебник: пер. с сербского. Самара, 2018, с. 242.

²⁴⁶ Там же.

²⁴⁷ Власенков, В.В. Административная юрисдикция: Курс лекций / В.В. Власенков, В.В. Власов, В.П. Лозбяков, Ф.С. Разаренов, А.С. Телегин. - М.: Наука, 1994, с. 14.

образования в международном праве, но правомерен при исследовании данного феномена в рамках внутригосударственного права.

Как считает Ф. А. Манн, в международном праве под юрисдикцией понимается система принципов, определяющая компетенцию государств во взаимоотношениях друг с другом²⁴⁸. Государство может определять сферу действия своего уголовного права, однако такое определение не должно нарушать права других государств²⁴⁹. Другими словами, «юрисдикция, которая в принципе принадлежит только государству, ограничивается нормами международного права»²⁵⁰.

Ш. Бассиоуни выделяют следующие основные принципы определения юрисдикции в международном праве, когда преступлением затронуты интересы более чем одного государства:

- территориальный принцип, основанный на месте совершения преступления;
- активного гражданства или национальности принцип, основанный на национальности обвиняемого;
- пассивного гражданства принцип, основанный на национальности потерпевшего;
- принцип защиты, основанный на причинении вреда национальным интересам (и как таковой связанный с принципом пассивной правосубъектности);
- принцип универсальности, основанный на международном характере преступления²⁵¹.

²⁴⁸ Mann, F.A. "The Doctrine of Jurisdiction in International Law (Volume 111)". The Hague Academy Collected Courses Online / Recueil des cours de l'Académie de La Haye en ligne. Brill Nijhoff, 1964. P. 15.

²⁴⁹ Gardocki, L. (1989). "The Principle of Universality." In N. Jareborg (Ed.), Double Criminality: Studies in International Criminal Law. Iustus Förlag. P. 57.

²⁵⁰ Nationality Decrees in Tunis and Morocco. Advisory Opinion (1923). PCIJ Rep Series B no 4, P. 24. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.refworld.org/jurisprudence/caselaw/pcij/1923/en/20991> (дата обращения: 02.05.2025)

²⁵¹ Bassiouni, M. C. (2014). International Extradition: United States Law and Practice (6th ed.). Oxford University Press. P. 364.

Одним из дискуссионных вопросов в контексте рассматриваемой темы является возможность применение принципа универсальности при установлении юрисдикции по преступлениям, связанным с наркотическими средствами. Согласно правилу, сформулированному в деле «Лотоса» и получившему всеобщее признание, возможность осуществления юрисдикции за пределами территории государства не может являться презумпцией и возможно только на основании обычая или конвенции²⁵². Тем самым государство не может осуществлять ни предписывающую, ни правоприменительную юрисдикцию в случае отсутствия существенной связи с соответствующими событиями, лицами или интересами²⁵³.

Как отмечает А.Р. Каюмова: «Общим является мнение об отсутствии в случае принципа универсальности объективной связи между преступлением и государством юрисдикции, что позволяет выделить универсальную юрисдикцию в качестве самостоятельного вида юрисдикции»²⁵⁴. С таким обобщением трудно согласиться, поскольку широко распространена и иная точка зрения, согласно которой принцип универсальности связан не с отсутствием связи преступления с государством юрисдикции, а с такими интересами международного сообщества, которые являются интересами каждого государства – наказание за геноцид, преступления против человечности, военные преступления, пытки и пиратство²⁵⁵.

Как отмечает Ш. Бассиуони: «Применение универсальной юрисдикции к определенным преступлениям не обязательно означает, что она должна быть лишена любой связи с применяющим юрисдикцию государством или что универсальная юрисдикция имеет большую юридическую силу по отношению к другим теориям юрисдикции. Скорее универсальная юрисдикция в

²⁵² S.S. “Lotus” (France v. Turkey), 1927 P.C.I.J. (ser. A) No. 10, at 18 (Sept. 7). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.worldcourts.com/pcij/eng/decisions/1927.09.07_lotus.htm (дата обращения: 02.05.2025)

²⁵³ Gallant, K.S. (2022). *International Criminal Jurisdiction: Whose Law Must We Obey?* Oxford University Press. P. 461.

²⁵⁴ Каюмова, А.Р. Уголовная юрисдикция в международном праве: вопросы теории и практики : дис. ... д-ра юр. наук : 12.00.10 / Каюмова Альфия Револювна. – М., 2016. С. 22.

²⁵⁵ Gallant, K.S. (2022). *International Criminal Jurisdiction: Whose Law Must We Obey?* Oxford University Press. P. 461.

отношении определенных международных преступлений представляет собой теорию, базирующуюся на политике усиления ответственности за совершение международных преступлений, где применяющее юрисдикцию государство действует от имени международного сообщества, исполняя его международные обязательства, и тем самым преследуя свои национальные интересы»²⁵⁶.

Универсальная юрисдикция позволяет любому государству осуществлять юрисдикцию в отношении подозреваемого, независимо от того, где он был задержан, места совершения преступления или его национальности²⁵⁷. В то же время возможность применения универсальной юрисдикции при расследовании преступлений, связанных с наркотическими средствами, в настоящее время отрицается большинством авторов. Основная причина заключается в международном статусе рассматриваемых преступлений, не являющихся преступлениями по международному обычному праву. Как отмечает Дж. Флэтчер, универсальная юрисдикция могла бы применяться к данным преступлениям, если бы наркоторговцы имели бы такой же статус как и пираты, т.е. *hostis humanis generis* – враги всего человечества²⁵⁸.

В этой связи А. Джерати выдвигает концепцию наделения деяний, связанных с незаконным оборотом наркотиков, статусом, обеспечивающим возможность применения универсальной юрисдикции: в качестве первоочередной меры государства, ратифицировавшие Конвенцию 1988 г., следует обязать принять дополнительный протокол, который закрепляет универсальную юрисдикцию в отношении незаконной торговли наркотическими средствами и устраняет существующие пробелы в текущей

²⁵⁶ Bassiouni, M. C. (2014). *International Extradition: United States Law and Practice* (6th ed.). Oxford University Press. P. 245.

²⁵⁷ Restatement (Third) of the Foreign Relations Law of the United States, § 404. 1987. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://iow.eui.eu/wp-content/uploads/sites/28/2016/04/EU-15-Scott-Third-Restatement.pdf> (дата обращения: 04.05.2025)

²⁵⁸ Fletcher, A.K. "Pirates and Smugglers: An Analysis of the Use of Abductions to Bring Drug Traffickers to Trial". *Virginia Journal of International Law*, vol. 32, issue 1, 1991. P. 233-254.

договорно-правовой регламентации; во-вторых, государства-участники должны внести соответствующие изменения в национальное законодательство, закрепляющие возможность применения универсальной юрисдикции к указанным преступлениям. Такие действия, по мнению автора, предпринятые значительным количеством стран, приведут к признанию универсальной юрисдикции в отношении рассматриваемых преступлений как положения международного обычного права. Приобретение статуса преступлений по обычному международному праву позволит любому государству устанавливать юрисдикции в отношении участников незаконного оборота наркотических средств независимо от того являются ли они участниками Конвенции 1988 г. или нет²⁵⁹.

Другой формой экстратерриториальной правоприменительной юрисдикции является юрисдикция, основанная на принципе *aut dedere aut judicare* (выдай или суди), называемая некоторыми правоведами субсидиарной универсальной юрисдикцией. Однако не все авторы разделяют такую точку зрения. Согласно А. Р. Каюмовой, в отличие от универсальной юрисдикции, международное обязательство *aut dedere aut judicare* обладает рядом характерных особенностей: оно носит альтернативный характер, опирается на договорно-правовую основу, предполагает наличие обвиняемого на территории государства, осуществляющего юрисдикцию, распространяется на широкий спектр конвенционных и транснациональных преступлений и применяется исключительно в отношении государств, являющихся участниками соответствующего международного договора²⁶⁰.

В условиях многообразия подходов к возможному правовому регулированию вопросов установления и осуществления экстратерриториальной юрисдикции в отношении преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств возникает вопрос о способах

²⁵⁹ Geraghty, A. H. "Universal Jurisdiction and Drug Trafficking: A Tool for Fighting One of the World's Most Pervasive Problems." *Florida Journal of International Law*, vol. 16, issue 2, 2004. P. 372.

²⁶⁰ Каюмова, А.Р. Уголовная юрисдикция в международном праве: вопросы теории и практики : дис. ... д-ра юр. наук : 12.00.10 / Каюмова Альфия Револювна. – М., 2016. С. 12.

определения юрисдикции в антинаркотических конвенциях 1961, 1971 и 1988 гг.

Установление и осуществление предписывающей (материальной) и правоприменительной (процессуальной) юрисдикции государствами-участниками Единой конвенции 1961 г. осуществляется на основании ее статьи 36. Обращает на себя внимание различия в формулировках положений, определяющих соотношения норм рассматриваемой статьи и внутригосударственного права государств-участников. Так, в ст. 36(1)(a) указывается, что положения данного пункта применяются сторонами с соблюдением своих конституционных ограничений. Во вводном же параграфе к ст. 36(2) говорится помимо конституционных об ограничениях системы права и внутреннего закона.

По мнению Чаттаржи, с прагматической точки зрения различия в названных положениях едва прослеживаются, так как наличие конституционных ограничений исключает дальнейшее обращение к положениям национальной системы права и внутреннего закона²⁶¹. А указание на обязательную имплементацию уголовно-правовых норм рассматриваемой статьи во внутреннее право государства-участника является излишним, поскольку «самоисполнение любого из положений статьи 36 является скорее исключением, чем правилом»²⁶². Последнее утверждение автора, по всей видимости, относится к тем государствам-участникам, конституции которых разрешают самоисполнение положений международных договоров.

Вопрос о целесообразности использования обсуждаемых формулировок поднимался и на Конференции по подготовке принятия Единой конвенции 1961 г. Представитель делегации Перу заявил, что не видит смысла в проведении различий между ограничениями, предусмотренными конституцией, системой права и внутренним законом, поскольку нормы конституции и законодательства государства образуют его систему права. В

²⁶¹ Chatterjee, S.K. (1981). *Legal Aspects of International Drug Control*. Springer. P. 436.

²⁶² Там же, p. 445.

случае, если подразумевалась ссылка на международные договоры, то, по его мнению, лучше было бы использовать термин «международная система права»²⁶³. Юриисконсулт Конференции 1961 г. не согласился с высказанной позицией, отметив, что понятие «система права» шире чем понятие «внутренний закон» и подчеркнул, что было бы некорректным использовать термин «международная система права» в отношении одного государства²⁶⁴.

Вместе с тем разный уровень ограничений на соблюдение положений ст. 36(1) и ст. 36(2) объясняется как особенностями их предметной сферы правового регулирования, так и многообразием правовых систем государств-участников Конвенции 1961 г., являющимся отражением их культурно-исторического и правового развития.

В соответствии со ст. 36(1)(а) Единой конвенции 1961 г. государства-участники должны обеспечить признание наказуемыми следующие деяния, совершенные умышленно: культивирование и производство, изготовление, извлечение, приготовление, хранение, предложение, предложение с коммерческими целями, распределение, покупка, продажа, доставка на каких бы то ни было условиях, маклерство, отправка, переотправка транзитом, перевоз, ввоз и вывоз наркотических средств, а также всякое иное действие в нарушение Конвенции 1961 г.

В силу ст. 36(2)(а)(ii) будут признаваться наказуемыми деяниями, предусмотренными ст. 36(1)(а), также умышленное соучастие в каком-либо из таких преступлений, участие в сообществе с целью совершения и покушения на совершение какого-либо из таких преступлений, подготовительные действия и финансовые операции в связи с данными преступлениями.

Тем самым приведенные положения являются содержанием предписывающей (материальной) юрисдикции государств-участников в отношении незаконного оборота наркотических средств. Нормы ст. 36(1)(а)

²⁶³ United Nations Conference for the Adoption of a Single Convention on Narcotic Drugs. New York – 24 January-25 March 1961. Official Records, vol.1. E/CONF.34/24. New York, 1964, p. 146.

²⁶⁴ Там же.

характеризуют объективную сторону состава преступления незаконного оборота наркотических средств, а нормы ст. 36(2)(a)(ii) – формы неоконченного преступления и соучастия в его совершении, подлежащие наказанию. В этой связи различия в формулировках рассматриваемых защитительных оговорок в отношении ст. 36(1) и ст. 36(2)(a)(ii) не являются ни случайными, ни «едва различимыми», как утверждает Чаттаржи.

Как отметил представитель Канады на Конференции 1961 г. различия в тексте защитительных оговорок в ст. 36(1) и ст. 36(2) вызваны двумя причинами. Во-первых, согласно первому параграфу стороны Единой конвенции 1961 г. обязаны ввести наказание за любые деяния, подпадающие под общее определение незаконного оборота наркотических средств. Независимо от того, в какой форме такие деяния будут включены во внутренне законодательство, они должны обязательно подвергаться наказанию, что является основной целью параграфа 1 статьи 36. Во-вторых, в правовых системах и внутреннем законодательстве ряда стран такие действия как покушение на совершение преступления, соучастие в нем или его финансирование – не рассматриваются как преступления. Измененная формулировка вводного параграфа к ст. 36(2) расширяет границы диспозитивности при осуществления дискреционных полномочий государств-участников в ходе реализации положений ст. 36(2). По замечанию представителя Канады, в случае использования более «императивной» формулировки (как в ст. 36(1) – прим. автора) некоторые государства могли бы отказаться от присоединения к Единой конвенции 1961 г. Избранный же подход не обязывает стороны наказывать за деяния, предусмотренные ст. 36(2)(a)(ii), если это противоречит их внутреннему праву²⁶⁵.

В отличие от рассмотренных положений ст. 36(1) и ст. 36(2) защитительная оговорка ст. 36(4) распространяется на все нормы статьи 36 Единой конвенции 1961 г. В соответствии со ст. 36(4) ничто, содержащееся в

²⁶⁵ United Nations Conference for the Adoption of a Single Convention on Narcotic Drugs. New York – 24 January-25 March 1961. Official Records, vol.1. E/CONF.34/24. New York, 1964, p. 236-237.

ней, не затрагивает принципа, что преступления, к которым она относится, определяются, преследуются и караются Стороной согласно внутреннему праву данной Стороны. По мнению авторов официальных комментариев к Единой конвенции 1961 г., включение данного параграфа гарантирует, что ни одно из положений статьи 36 не должно рассматриваться как самоисполнимое в стране, чья конституция позволяет самоисполнение норм международных договоров. Следовательно, нормы статьи 36 должны трансформироваться в национальное право путем принятия соответствующего нормативного акта государством-участником с целью приобретения законной силы согласно внутреннему уголовному праву²⁶⁶.

Разграничение понятий «система права» и «внутренний закон», используемых в тексте защитительных оговорок ст. 36 Единой конвенции 1961 г., представляет определенные трудности. Помимо уже приводившегося выше заявления юрисконсульта на Конференции 1961 г. о том, что понятие «система права» шире чем «внутренний закон», иные разъяснения отсутствуют. Высказывается мнение, что система права включает в себя помимо внутреннего закона основные принципы национального права, а понятие «внутреннего закона» помимо собственно норм охватывает и широко применяемые концепции национального права²⁶⁷.

Если положения ст. 36(1)(a) и ст. 36(2)(a)(ii) относятся к предписывающей (материальной) юрисдикции, то нормы ст. 36(2)(a)(i) – скорее к правоприменительной (процессуальной). В соответствии с последней статьей каждое из перечисленных в пункте 1 преступлений, если они совершены в разных странах, будет рассматриваться как отдельное преступление.

Данное положение фактически устанавливает территориальный принцип юрисдикции в отношении деяний, перечисленных в ст. 36(1)(a)

²⁶⁶ Commentary on the Single Convention on Narcotic Drugs, 1961 (Prepared by the Secretary-General in accordance with paragraph 1 of Economic and Social Council resolution 914 D (XXXIV) of 3 August 1962). P. 440.

²⁶⁷ Там же, р. 430-431.

Единой конвенции 1961 г., и исключает возможность ухода от наказания лиц, их совершивших, на основании отсутствия юрисдикции. Так, если одно лицо в государстве А выступило посредником в продаже наркотического средства, а другое лицо непосредственно его продало в государстве В, то юрисдикцию в отношении продажи наркотического средства будет иметь только суд государства В. Такая ситуация характерна, прежде всего, для стран общего права, где юрисдикцию в отношении дополнительного деяния имеет суд, где было совершено основное деяние. В приведенном примере основным деянием (*principal act*) является продажа, а дополнительным (*accessory act*) - посредничество в продаже наркотического средства. Тем самым посредник может избежать наказания в государстве А, поскольку его деяния подсудны в государстве В. Согласно же нормам ст. 36(2)(а) посредничество будет рассматриваться как самостоятельное преступление, на которое в силу принципа территориальности будет распространяться юрисдикция государства А.

В то же время данный подход в некоторых ситуациях может приводить к нарушению принципа *ne bis in idem* (не дважды за одно) или к неоправданному увеличению количества обвинений, связанными с одним и тем же деянием. Например, если лицо незаконно приобрело наркотическое средство в государстве А, а затем было осуждено в государстве В за его продажу, то при возвращении в государство А такое лицо может вновь быть подвергнуто уголовному преследованию. В случае же, если лицо совершает в разных странах несколько деяний, перечисленных в ст. 36(1)(а) и составляющих единое преступление незаконного сбыта наркотических средств, то такое лицо может получить кумулятивное наказание, складывающееся из наказаний в каждом из соответствующих государств.

Тем не менее обсуждаемое положение не предназначалось ни для нарушения принципа «двойной угрозы» (*non bis in idem*), ни для вмешательства в действующие национальные принципы определения

идеальной или реальной совокупности преступлений²⁶⁸. Целью введения данного положения было предоставление суду юрисдикции в тех делах, в отношении которых в противном случае ее могло бы и не быть. В частности, в случаях, когда только дополнительное (accessory), а не основное (principal) деяние совершено на территории государства-участника, и его внутреннее право позволяет устанавливать юрисдикцию только на территории совершения основного деяния²⁶⁹.

Правилам установления правоприменительной (процессуальной) юрисдикции в отношении уголовного преследования лиц, подозреваемых в совершении указанных выше деяний посвящена ст. 36(2)(a)(iv) Единой конвенции 1961 г. Данная статья обязывает государство-участника расследовать серьезные преступления, указанные в ст. 36(1)(a), совершенные на его территории и независимо от того, является ли подозреваемый гражданином этого государства или иностранцем. При этом не имеет значения находится ли подозреваемый на территории этого государства или нет. Тем самым устанавливается территориальный принцип определения юрисдикции в отношении уголовного расследования серьезных преступлений, предусмотренных ст. 36(1)(a) Единой конвенции 1961 г.

Особенности действия обязательства *aut dedere aut judicare*, сформулированного в ст. 36(2)(a)(iv) Единой конвенции 1961 г., характеризуются следующими признаками. Во-первых, государство, на территории которого задержан подозреваемый, обязано подвергнуть его уголовному преследованию только в случае отказа в экстрадиции государству, где было совершено преступление. При этом в рассматриваемом положении не указываются основания отказа, что позволяет заключить о возможности отказа в выдаче государством-участником по любому основанию. В то же время произвольный отказ в экстрадиции лиц, подозреваемых в совершении

²⁶⁸ Commentary on the Single Convention on Narcotic Drugs, 1961 (Prepared by the Secretary-General in accordance with paragraph 1 of Economic and Social Council resolution 914 D (XXXIV) of 3 August 1962). P. 430-431.

²⁶⁹ United Nations Conference for the adoption of a Single Convention on Narcotic Drugs. New York – 24 January-25 March 1961. Official Records, vol. II. E/CONF.34/24/Add. 1. New York, 1964. P. 241.

деяний, предусмотренных ст. 36(1)(а), был бы нарушением рассматриваемых положений Единой конвенции 1961 г. Так, в соответствии со ст. 36(2)(а)(iv) отказ в выдаче допустим, если только он противоречит внутреннему праву государства, к которому обращена соответствующая просьба. Во-вторых, рассматриваемое положение фактически отдает приоритет принципу национальности при установлении субсидиарной юрисдикции, поскольку наиболее распространенной причиной отказа в выдаче является конституционный запрет в экстрадиции своих граждан. В частности, согласно ст. 13 УК РФ граждане Российской Федерации, совершившие преступление на территории иностранного государства, не подлежат выдаче этому государству. Другой причиной отказа может быть отсутствие договора об экстрадиции между запрашивающим и запрашиваемым государствами, в то время как внутреннее право последнего требует наличие такого договора.

В связи с широким распространением психотропных веществ и направленностью Единой конвенции 1961 г. на противодействие незаконному обороту только наркотических средств, была принята Конвенция о психотропных веществах 1971 г. (далее – Конвенция 1971 г.). Вопросам предписывающей (материальной) исполнительной (процессуальной) юрисдикции в сфере незаконного оборота психотропных веществ посвящена ст. 22 Конвенции 1971 г. Основной целью ст. 22 Конвенции 1971 г. является гарантирование выполнения государствами-участниками следующих обязательств:

- включение в национальное законодательство норм о наказаниях, имеющих эффективное превентивное действие в отношении совершения преступлений, связанных с незаконным оборотом психотропных веществ;
- введение уголовного наказания за все формы соучастия, независимо от наличия различий в их определении в государствах-участниках;

- исключение случаев освобождения от ответственности виновных в незаконном обороте психотропных веществ лиц, задержанных в других странах, по причине отсутствия территориальной юрисдикции²⁷⁰.

Положения статьи 22(2) Конвенции 1971 г. практически идентичны положениям статьи 36(2) Единой конвенции 1961 г. Представитель Дании на Конференции по принятию Конвенции 1971 г. выступил против внесения изменений в ст. 22(2) Конвенции 1971 г. по сравнению со ст. 36(2) Единой конвенции 1961 г., так как последняя прошла проверку временем. Также было подчеркнуто, что в случае принятия соответствующих изменений правоприменительная практика будет требовать различного подхода к подозреваемым в зависимости от того, касаются ли их действия исключительно наркотических средств или психотропных веществ, при этом ситуация усложнится ещё больше, если деяния совершаются с одновременным использованием обеих категорий веществ; кроме того, внедрение подобных дополнений создаст для государств-участников, применяющих единый правовой режим к наркотическим и психотропным веществам, необходимость внесения изменений в национальное законодательство в соответствующей части²⁷¹.

Статья 22(1)(a) Конвенции 1971 г. обязывает государства-участников признать преступлениями в национальном праве все виды умышленных действий, противоречащих национальным законам и подзаконным актам, принятым в соответствии с Конвенцией 1971 г. Незаконными являются действия, противоречащие законам или подзаконным актам, принятым государством-участником во исполнение обязательств по Конвенции 1971 г.

Как отметил юридический советник Конференции 1971 г., в первоначальном тексте рассматриваемой статьи использовалась такая же формула, как и в Единой конвенции 1961 г. - «в нарушение положений

²⁷⁰ Commentary on the Single Convention on Narcotic Drugs, 1961 (Prepared by the Secretary-General in accordance with paragraph 1 of Economic and Social Council resolution 914 D (XXXIV) of 3 August 1962), P. 436.

²⁷¹ United Nations Conference for the adoption of a Protocol on Psychotropic Substances. Vienna – 11 January-19 February 1971. Official Records vol. II. E/CONF.58/7/Add.1. New York. 1973. P. 32.

настоящей конвенции». В то же время авторы Единой конвенции 1961 г. никогда не предусматривали, что ее положения должны быть самоисполнимыми. В этой связи в Конвенции 1971 г. вместо фразы «в нарушение положений настоящей конвенции» использована формула «противоречащее какому-либо закону или постановлению, принятому во исполнение ее обязательств по настоящей Конвенции»²⁷².

В соответствии со ст. 22(2)(a)(iv) серьезные правонарушения, совершенные либо гражданами данной страны, либо иностранцами, преследуются Стороной, на территории которой совершено данное правонарушение, или Стороной, на территории которой обнаружен правонарушитель, если выдача недопустима по законам Стороны, к которой обращена соответствующая просьба, и если этот правонарушитель еще не подвергся судебному преследованию и приговор по его делу еще не выносился.

Исполнение положений рассматриваемой статьи ограничивается действием защитительной оговорки, сформулированной во вводной части статьи. Согласно защитительной оговорки государства-участники не обязаны расследовать преступления в сфере незаконного оборота психотропных веществ, если они не являются серьезными и внутренне право государств-участников не предусматривает расширения экстратерриториальной юрисдикции²⁷³. При этом государства-участники не могут ссылаться на защитительную оговорку как основание от освобождения названного обязательства в случае, если преступление является серьезным и государство-участник расширяет экстратерриториальную юрисдикцию за аналогичные по серьезности преступления²⁷⁴.

²⁷² United Nations Conference for the adoption of a Protocol on Psychotropic Substances. Vienna – 11 January-19 February 1971. Official Records vol. II. E/CONF.58/7/Add.1. New York. 1973. P. 44.

²⁷³ Commentary on the Convention on Psychotropic Substances. Done at Vienna on 21 February 1971. E/CN.7/589. New York, 1976. P. 356.

²⁷⁴ Там же, р. 361.

Рассматриваемое положение обязывает государства-участники устанавливать и осуществлять юрисдикцию в отношении своих граждан и иностранцев, совершивших серьезные преступления на их территории. Статья не содержит определения какие преступления являются серьезными, но подразумевается, что у государств-участников отсутствует обязательство расследования преступлений, не относящиеся к категории серьезных.

Согласно рассматриваемому обязательству, государство-участник должно или задержать подозреваемого на своей территории, или обеспечить его экстрадицию из другого государства. Исходя из телеологического толкования нормы, государство-участник обязано добиваться экстрадиции во всех случаях, когда подозреваемый не был подвергнут уголовному преследованию, осуждению, наказанию или применению мер медицинского характера.

В случае невозможности экстрадиции государство-участник обязано установить юрисдикцию как в отношении своих граждан, так и иностранцев, если они задержаны на его территории и подозреваются в совершении серьезного преступления в другом государстве. Тем самым рассматриваемым положением предусмотрено расширение экстратерриториальной юрисдикции в отношении своих граждан на основании ранее рассмотренного принципа национальности. Поскольку же данное положение распространяется и на иностранцев, то установление юрисдикции в их отношении осуществляется в соответствии с принципом субсидиарной универсальности (*aut dedere aut judicare*).

В середине 1980-ых гг. растущая обеспокоенность в отношении международного незаконного оборота наркотических средств привела к переговорам о разработке нового международного договора. Международное сообщество признало, что незаконный оборот наркотических средств перешагнул национальную юрисдикцию, что требовало усиление

сотрудничества между странами²⁷⁵. В этой связи Конвенция 1988 г. рассматривается как один из самых детализированных и эффективных инструментов международного уголовного права²⁷⁶.

Согласно ст. 4(1)(а) Конвенции 1988 г. государства-участники обязаны устанавливать юрисдикцию в отношении преступлений, предусмотренных ст. 3(1), совершенных на их территории и на борту судна, несущего их флаг, или воздушного судна, зарегистрированного в соответствии с их законами. Тем самым данное положение об установление юрисдикции основывается на принципе территориальности и распространении юрисдикции на суда и самолеты государств-участников.

Распространение юрисдикции на морские и воздушные суда государств-участников осуществляется на основании принципа квази-территориальности. Согласно ст. 91 Конвенции ООН по морскому праву суда имеют национальность того государства, под флагом которого они имеют право плавать. В соответствии со ст. 17 Конвенции ООН о международной гражданской авиации воздушные суда имеют национальность того государства, в котором они зарегистрированы.

Указанный способ расширения юрисдикции является *sui generis* формой юрисдикции, аналогичной территориальной юрисдикции. Ряд конвенций уголовно-правового характера, включая Конвенцию 1988 г., наделяет названные общие обязательства специфическим содержанием, обязывая государства-участники устанавливать юрисдикцию в отношении определенных категорий преступлений, совершенных на их морских и воздушных судах²⁷⁷. Особенностью Конвенции 1988 г. является установление юрисдикции в отношении преступлений в сфере незаконного оборота наркотических и психотропных веществ не тем государством, в котором

²⁷⁵ Research Handbook on International Drug Policy. Edited by David R. Bewely-Taylor, Khalid Tinasti. Edward Elgar Publishing, 2020. P. 25.

²⁷⁶ Stewart, D. P. (1990). "Internationalizing the War on Drugs: The UN Convention against Illicit Traffic in Narcotic Drugs." *Denver Journal of International Law & Policy*, vol. 18, issue 3. P. 388.

²⁷⁷ Boister, N. (2012). *An Introduction to Transnational Criminal Law*. Oxford University Press. P. 139.

зарегистрировано морское судно, а государством, чей флаг морское судно несет.

Установление юрисдикции в соответствии со ст. 4(1)(b)(i) происходит на основании принципа активного гражданства (национальности). Особенно большое значение данный принцип имеет в странах с континентальной системой права, в отличие от стран общего права, отдающих приоритет принципу территориальности. О значимости принципа национальности для стран с континентальной системой права свидетельствует тот факт, что они по общему правилу отказывают в экстрадиции своих граждан²⁷⁸.

Различия в подходах к установлению экстратерриториальной юрисдикции на основании принципа национальности проявились в выступлениях представителей делегаций государств-участников на Конференции 1988 г. Так, представитель Нидерландов отметил, что странам, чьи правовые системы основаны на строгом соблюдении принципа территориальности в уголовных правоотношениях, трудно согласиться с установлением экстратерриториальной юрисдикции в отношении своих граждан. При этом такие страны могут столкнуться со сложностями в поддержании обвинения в совершении преступления за рубежом в стране, где действуют совершенно иные процессуальные нормы и правила сбора доказательств. Более того, продолжил представитель Нидерландов, если в конечном итоге подсудимый будет оправдан, то в силу действия принципа *ne bis in idem* дальнейшее расследование станет невозможным. В такой ситуации более предпочтительной была бы передача дела государству, обладающему территориальной юрисдикцией, посредством осуществления экстрадиции²⁷⁹.

Необходимо заметить, что ст. 4(1)(b)(ii) Конвенции 1988 г. расширяет потенциальную юрисдикцию государств-участников на любую часть открытого моря, а не только территориального моря, по сравнению с

²⁷⁸ 18. Boister, N. (2012). *An Introduction to Transnational Criminal Law*. Oxford University Press. P. 143.

²⁷⁹ United Nations Conference for the Adoption of a Convention against Illicit Traffic in Narcotic Drugs and Psychotropic Substances. Vienna, 25 November-20 December 1988. Official Records, vol. II. P. 121.

положениями Конвенцией ООН по морскому праву. Так, согласно ст. 27(1)(d) последней конвенции уголовная юрисдикция прибрежного государства не должна осуществляться на борту иностранного судна, проходящего через территориальное море, для ареста какого-либо лица или производства расследования в связи с любым преступлением, совершенным на борту судна во время его прохода, за исключением следующих случаев: «... d) если такие меры необходимы для пресечения незаконной торговли наркотическими средствами или психотропными веществами».

Положения ст. 4(1)(b)(iii) направлены на предоставление возможности установления юрисдикции в отношении деяний, совершенных на территории других государств-участников и представляющие собой неоконченные преступления или являющиеся различными формами соучастия. Тем самым ст. 4(1)(b)(iii) позволяет государству-участнику производить расширение юрисдикции в вышеназванных случаях, когда эти деяния осуществляются с намерением совершить преступления, предусмотренные ст. 3(1), на территории этого государства-участника. Установление такой юрисдикции, с доктринальной точки зрения, происходит на основании принципа объективной территориальности или «принципа последствий» («effect principle»).

Необходимо отметить, что рассматриваемые положения отражают сложившуюся судебную практику в странах общего права, и прежде всего США. В этой связи их содержание раскрывается через анализ развития принципа объективной территориальности в решениях судов названных стран. Традиционное определение принципа объективной территориальности требует наступление реальных последствий в государстве-участнике для установления его юрисдикции в отношении преступления²⁸⁰. В то же время, например, часто для привлечения к уголовной ответственности лиц, подозреваемых в сбыте наркотиков в США, береговой охране необходимо

²⁸⁰ Harvard Research in International Law. Jurisdiction with Respect to Crime. The American Journal of International Law, vol. 29, no. 1, 1935. P. 488.

задержать судно за пределами территориальных вод США до наступления реальных последствий. В соответствии с приведенным традиционным определением установление юрисдикции в такой ситуации было бы невозможным, поскольку береговой охране необходимы были бы доказательства покушения на сбыт наркотических средств в США.

Ответом судов США на сложившуюся ситуацию было расширение определения принципа объективной территориальности за счет требования наличия только намерения осуществить преступные действия, влекущие последствия на территории США²⁸¹. При этом суды распространили сферу действия принципа объективной территориальности на неоконченное преступление, заключающееся во вступлении в сговор на территории другого государства с целью совершить преступление на территории США²⁸². Более того, если прямое действие (*overt act*) было совершено на территории США только одним соучастником, то юрисдикция распространялась на всех соучастников сговора совершить преступление, в какой стране они бы не находились и даже если они никогда не были в США. В контексте преступлений, связанных с контрабандой наркотиков, «доктрина намерения» («*intent doctrine*») имеет своим результатом установление юрисдикции в отношении лиц, покушающихся на ввоз наркотиков в США, но непосредственно не въезжающих на их территорию и не осуществляющих передачу наркотиков. Тот факт, что никаких действий не было произведено и никаких последствий не наступило на территории США, не исключает установление юрисдикции над деяниями, непосредственно направленными против США²⁸³.

Расширение экстратерриториальной юрисдикции за счет распространения принципа объективной территориальности на случаи

²⁸¹ *United States v. Williams*, 589 F.2d 210 (5th Cir. 1979). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F2/589/210/194163/> (дата обращения: 02.05.2025)

²⁸² *United States v. Baker*, 609 F.2d 134 (5th Cir. 1980). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F2/609/134/107091/> (дата обращения: 02.05.2025)

²⁸³ *United States v. Noriega*, 683 F. Supp. 1373 (S.D. Fla. 1988). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/683/1373/2268211/> (дата обращения: 10.05.2025)

установления только намерения совершить преступные действия на территории устанавливающего юрисдикцию государства, разделяется не всеми правоведами. Как считает Ш. Боссуоуни, в международном праве едва ли есть поддержка точки зрения, согласно которой уголовную юрисдикцию можно осуществлять экстратерриториально только на основании наличия «намерения»²⁸⁴. Тем не менее положения ст. 4(1)(b)(iii) Конвенции 1988 г. позволяют устанавливать государствам-участникам экстратерриториальную юрисдикцию в отношении неоконченных или совершенных в соучастии преступлений, когда они были направлены (имелось намерение) на осуществление деяний в границах их территории.

В соответствии со ст. 4(2)(а) государство-участник должно установить юрисдикцию в отношении правонарушений, предусмотренных ст. 3(1), когда предполагаемый правонарушитель находится на его территории, если оно отказало в его экстрадиции или поступило бы так, если бы запрос был сделан. Нормы ст. 4(2)(а), взятые в системе с нормами ст. 6(9), составляют содержание обязательства *aut dedere aut judicare*, на основании которого устанавливается юрисдикция. Однако в отличие от других международных конвенций уголовно-правового характера, в которых применяется универсальная юрисдикция при отказе в экстрадиции, рассматриваемое положение ограничивает применение обязательства *aut dedere aut judicare* двумя случаями. Во-первых, при отказе в экстрадиции указанное обязательство применяется, когда преступление совершено на территории государства-участника или на борту судна, несущего его флаг, или воздушного судна, зарегистрированного в соответствии с его законодательством в момент совершения преступления. Во-вторых, установление юрисдикции в соответствии с рассматриваемым обязательством должно производиться, если подозреваемый является гражданином государства-участника, отказавшего в его экстрадиции. В иных случаях отказ от выдачи подозреваемого не ведет к

²⁸⁴ Bassiouni, M. C. (2014). *International Extradition: United States Law and Practice* (6th ed.). Oxford University Press. P. 378.

обязательному установлению юрисдикции государством-участником и проведению им расследования.

Делегация Северных государств (Дания, Норвегия, Финляндия, Швеция) на Конференции 1988 г. выступала за строгое соблюдение обязательства *aut dedere aut judicare*, предусматривающего установление универсальной юрисдикции в случае отказа от выдачи. Однако, принимая во внимание различия в правовых системах государств-участников, названная делегация предложила применять данное обязательство «с учетом конституционных ограничений и основных принципов своей правовой системы»²⁸⁵.

Однако по мнению делегации Великобритании, универсально применимая система судебного преследования и юрисдикции не может быть создана в рамках Конвенции 1988 г. Конституционные гарантии в предложении стран Северной Европы (E/CONF.82/C.1/L.23) оказываются здесь бессильными, поскольку в данном случае речь идет не о конституционном или правовом принципе, а о давно установившейся уголовной практике, которая вряд ли изменится, и в любом случае не препятствует развитию международного сотрудничества в деле привлечения сбытчиков наркотиков к суду и их осуждения²⁸⁶.

Вместо установления универсальной юрисдикции представители стран общего права на Конференции 1988 г. выступали за применение института экстрадиции. Основным аргументом в поддержку экстрадиции было утверждение, согласно которому уголовное расследование в месте, где было совершено преступление, лучше соответствует цели привлечения наркоторговцев к ответственности, поскольку именно в этом месте был причинен наибольший вред преступлением и именно здесь существуют самые

²⁸⁵ Конференция Организации Объединенных Наций для принятия Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Официальные отчеты, т.2. С. 238.

²⁸⁶ Там же, с. 239.

благоприятные условия для проведения расследования²⁸⁷. Тем самым несмотря на активную позицию стран континентальной системы права на Конференции 1988 г., поддерживающих установление универсальной юрисдикции, представители стран общего права выступили против даже более «мягкого» ее варианта, основанного на принципе субсидиарной универсальности.

Рассмотрение вопросов установления экстратерриториальной юрисдикции в охранительных конвенциях ООН в сфере незаконного оборота наркотических средств позволяет сделать следующие выводы.

1. Положения Конвенции 1961 г. предусматривают установление юрисдикции прежде всего на основании принципа территориальности, позволяя в ограниченном числе случаев руководствоваться принципом субсидиарной универсальности. При этом установление юрисдикции на основании принципа субсидиарной универсальности обуславливается возможностью применения защитительной оговорки. Рекомендательный характер юрисдикционных норм Конвенции 1961 г. не способствовал повышению эффективности борьбы с незаконным оборотом наркотических средств.

2. Основное достижение Конвенции 1971 г. заключается в расширении сферы правового регулирования за счет включения психотропных веществ. Однако нормы, посвященные установлению и осуществлению юрисдикции, претерпели мало изменений по сравнению с Конвенцией 1961 г. и опираются на принцип территориальности. Расширение территориальной юрисдикции возможно на основании обязательства *aut dedere aut judicare*, применяющегося с учетом конституционных ограничений, особенностей правовой системы и основных правовых принципов государств-участников.

3. Правовое регулирование вопросов установления и осуществления юрисдикции получило свое развитие в Конвенции 1988 г. Государства-

²⁸⁷ Конференция Организации Объединенных Наций для принятия Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Официальные отчеты, т.2. С. 241.

участники получили возможность устанавливать юрисдикцию в отношении преступлений: 1) совершенных их гражданами или лицами, постоянно проживающими на их территории; 2) на борту судна за пределами территориального моря; 3) являющихся сговором за пределами их территорий с целью осуществления преступных деяний на их территории. В то же время Конвенция 1988 г., признавая различные концептуальные основания для установления юрисдикции, не содержит норм, предусматривающих способ разрешения конфликта юрисдикций. В Конвенции 1988 г. не нашли своего разрешения два конфликтующих подхода стран континентального и общего права в отношении применения обязательства *aut dedere aut judicare* при установлении экстратерриториальной юрисдикции.

§3.2 Особенности реализации принципов экстрадиции в антинаркотических конвенциях ООН

Правовой институт экстрадиции представляет собой средство, с помощью которого государства сотрудничают в вопросах предотвращения, контроля и противодействия национальной и международной преступности. В век глобализации, когда пересечение границ и ведение бизнеса в различных государствах осуществляется в беспрецедентных масштабах, обязательство *aut dedere aut judicare* приобретает все большее значение и признание²⁸⁸.

По мнению Н. А. Сафарова, экстрадицию можно рассматривать как «полисистемный межгосударственный правовой институт, содержанием которого является доставка под компетентную уголовную юрисдикцию в соответствии с международными договорами либо национальными законодательными актами или на основе принципа взаимности лица, совершившего преступление, как правило, не являющегося гражданином

²⁸⁸ Bassiouni, M. C. (2014). *International Extradition: United States Law and Practice* (6th ed.). Oxford University Press. P. 2.

страны, на территории которой он находится, для привлечения к уголовной ответственности или исполнения наказания»²⁸⁹.

Л. А. Галенская определяет экстрадицию как «процесс передачи преступника государством в соответствии с нормами международного права другому государству для привлечения к уголовной ответственности или применения уголовного наказания»²⁹⁰.

Как считает А. К. Строганова, экстрадиция является одним из видов международной правовой помощи по уголовным делам, которая, в свою очередь, входит в состав направлений международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью²⁹¹.

А. И. Бастрыкин выделяет различие между концепциями правовой помощи и правового сотрудничества государств, при этом второе он рассматривает как более интегрированную и комплексную форму взаимодействия двух стран в сфере международной борьбы с преступностью. В отличие от этого, правовая помощь ограничивается выполнением отдельных процедурных или организационных действий, направленных на поддержку в расследовании, судебном рассмотрении и исполнении наказаний по конкретным уголовным делам, затрагивая при этом исключительно интересы государства, инициировавшего запрос²⁹².

Важнейшим принципом, лежащим в основе применения института экстрадиции, является принцип *aut dedere aut judicare*, «который содержится в многочисленных многосторонних договорах, направленных на обеспечение международного сотрудничества в противодействии различным видам уголовно-наказуемых деяний»²⁹³.

²⁸⁹ Сафаров, Н.А. Экстрадиция в международном уголовном праве: проблемы теории и практики / Сафаров Н.А. - М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 16.

²⁹⁰ Галенская, Л.Н. Международная борьба с преступностью / Галенская Л.Н. - М.: Международные отношения, 1972. С. 122.

²⁹¹ Строганова, А.К. Экстрадиция в уголовном процессе Российской Федерации // Строганова А.К. - М.: Издательство «Щит-М», 2005. С. 6.

²⁹² Бастрыкин, А.И. Взаимодействие советского уголовно-процессуального и международного права / Бастрыкин А.И. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. С. 25.

²⁹³ Bassiouni, M. C. & Wise, E.M. (1995). *Aut Dedere Aut Judicare: The Duty to Extradite or Prosecute in International Law*. Martinus Nijhoff. P. 3.

Обязательство *aut dedere aut judicare* получило особенно широкое распространение в международных конвенциях уголовно-правового характера, включая конвенции 1961, 1971 и 1988 гг. в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотических средств. По подсчетам Шерифа Бассиуони, с 1815 г. была заключена 281 международная конвенция, 101 из которых включает ссылки на юрисдикцию в уголовно-правовой сфере. В свою очередь, 74 международные конвенции из названных 101 содержат положения о правовом регулировании вопросов экстрадиции на основании принципа *aut dedere aut judicare*²⁹⁴.

Как отмечает М. Плахта, международные конвенции уголовно-правового характера предусматривают разрешение правовой дилеммы между экстрадицией и расследованием в двух формах:

- альтернативное обязательство передать дело для расследования (в отношении иностранца) зависит от того, санкционировало ли государство в данном случае осуществление экстратерриториальной юрисдикции;

- обязательство направить дело для расследования возникает только в случае отказа в удовлетворении запроса об экстрадиции²⁹⁵.

Рабочая группа Комиссии по международному праву ООН, рассматривавшая обязательство *aut dedere aut judicare*, отмечает, что соответствующие положения могут быть условно разделены на две основные группы: к первой относятся нормы, согласно которым обязанность возбудить судебное преследование возникает только в случае отказа государства выдать предполагаемого правонарушителя по надлежащему запросу; ко второй - положения, налагающие такое обязательство автоматически (*ipso facto*) при нахождении предполагаемого правонарушителя на территории государства,

²⁹⁴ Bassiouni, M. C. (2014). *International Extradition: United States Law and Practice* (6th ed.). Oxford University Press. P. 426-427.

²⁹⁵ Plachta, Michael. "Aut dedere aut judicare: an overview of modes of implementation and approaches", *Maastricht Journal of European and Comparative Law*, vol. 6, 1999. P. 360.

которое может быть освобождено от него при фактической выдаче данного лица²⁹⁶.

Международные договоры, содержащие положения первой категории, налагают на государства-участники обязательство осуществлять судебное преследование лишь в случае отказа удовлетворить запрос о выдаче. Государства-участники могут отказать в удовлетворении запроса о выдаче какого-либо лица на основаниях, указанных либо в самом договоре, либо в национальном законодательстве. Однако в случае отказа в выдаче государство обязано преследовать это лицо в судебном порядке. Иными словами, эти международные договоры устанавливают определенный приоритет варианта выдачи и предусматривают альтернативу судебного преследования в качестве гарантии от безнаказанности. Кроме того, инструментарий этой группы может включать принципиально разные способы привлечения правонарушителей к ответственности, что способно влиять на координацию процедур экстрадиции и судебного разбирательства. В одних случаях акцент делается на детализацию правил уголовного преследования лиц, подпадающих под действие международного соглашения, в других - на проработку порядка выдачи. Так, Единая конвенция о наркотических средствах 1961 г. и Конвенция о психотропных веществах 1971 г. относятся к первой категории, тогда как Конвенция 1988 г. - ко второй²⁹⁷.

Несмотря на то, что обязательство *aut dedere aut judicare* тесно связано с принципом универсальности, эти два института сохраняют свою самостоятельность. Так, принцип универсальности предполагает возможность суда любого государства рассматривать дела в отношении лиц, совершивших преступление за пределами их территории, которое не связано с государством

²⁹⁶ Окончательный доклад Рабочей группы по обязательству выдавать или осуществлять судебное преследование (*aut dedere aut judicare*). Комиссия по международному праву ООН, 66 сессия, 2014. С. 9. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://legal.un.org/ilc/reports/2014/russian/chnp6.pdf> (дата обращения: 05.05.2025)

²⁹⁷ Окончательный доклад Рабочей группы по обязательству выдавать или осуществлять судебное преследование (*aut dedere aut judicare*). Комиссия по международному праву ООН, 66 сессия, 2014. С. 9-10. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://legal.un.org/ilc/reports/2014/russian/chnp6.pdf> (дата обращения: 05.05.2025)

ни по признаку национальности подозреваемого или потерпевшего, ни по признаку причиненного вреда его национальным интересам. Данный принцип стал частью обычного международного права, хотя он также находит свое отражение в международных договорах, национальном законодательстве и судебной практике, связанной с международными преступлениями, транснациональными преступлениями и преступлениями по национальному праву. Согласно же правилу *aut dedere aut judicare* государства-участники не должны способствовать безнаказанности преступников, скрывшихся на их территории от уголовного преследования за совершение определенных преступлений. В таком случае государства-участники обязаны установить свою юрисдикцию в отношении лиц, подозреваемых в совершении определенных преступлений, или выдать их другому государству. В этой связи государство, задержавшее подозреваемого, должно предпринять все необходимые меры для установления своей юрисдикции в тех случаях, когда отсутствует возможность выдачи подозреваемого другому государству²⁹⁸.

В свою очередь Б. Брумхол отмечает, что международные договоры, устанавливающие режим «универсальной юрисдикции», как правило, определяют преступления и обязывают государства-участников их расследовать или экстрадировать подозреваемого в другое государство, что и является обязательством *aut dedere aut judicare*²⁹⁹.

Как подчеркивает З. Галицки, складывающаяся договорная практика, значительно обогатившаяся за последние десятилетия за счет различных конвенций в сфере противодействия преступности, заложила фундамент для рассмотрения правила *aut dedere aut judicare* не только как важного элемента

²⁹⁸ Obligation to extradite or prosecute (*aut dedere aut judicare*). Document A/CN.4/571. Preliminary report, by Mr. Zdzislaw Galicki, Special Rapporteur, 2006. P. 265. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://legal.un.org/ilc/documentation/english/a_cn4_571.pdf (дата обращения: 05.05.2025)

²⁹⁹ Broomhall, B. "Towards the development of an effective system of universal jurisdiction for crimes under international law". *New England Law Review*, vol. 35, no. 2, 2001. P. 401.

международной уголовной политики, но и как конкретного правового обязательства³⁰⁰.

В ходе развития международного сотрудничества, как на основе международных договоров, так и складывающегося правового обычая, сформировались основные требования к правовому институту экстрадиции: «двойная криминальность», «экстрадиционность преступления» и «специализация». Как отмечает Шериф Боссуони, эти требования основаны на действии принципа взаимности в отношениях между государствами, определяющим симметричность их юридических обязательств. Как следствие такой зависимости, содержание названных требований во многих аспектах носит взаимосвязанный характер. Так, в основе правил «двойной криминальности» и «экстрадиционности преступления» лежит требование о признании преступности деяния в обоих государствах, что отражает действие принципа взаимности. Такая же закономерность прослеживается и в отношении правила «специализации», согласно которому запрашивающее государство обязано соблюдать ограничения, установленные в запрашиваемом государстве в отношении обвинения и наказания³⁰¹.

Как отмечает Н.А. Сафаров³⁰², для определения экстрадиционных преступлений в научной литературе используются различные термины – «двойная преступность»³⁰³, «двойная криминальность»³⁰⁴ и «двойное вменение»³⁰⁵. По его мнению, в англоязычной литературе используются равнозначные по существу термины «double criminality»³⁰⁶, «dual

³⁰⁰ Obligation to extradite or prosecute (aut dedere aut judicare). Document A/CN.4/571. Preliminary report, by Mr. Zdzislaw Galicki, Special Rapporteur, 2006. P. 266. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://legal.un.org/ilc/documentation/english/a_cn4_571.pdf (дата обращения: 05.05.2025)

³⁰¹ Bassiouni, M. C. (2014). *International Extradition: United States Law and Practice* (6th ed.). Oxford University Press. P. 497.

³⁰² Сафаров, Н.А. Экстрадиция в международном уголовном праве: проблемы теории и практики / Сафаров Н.А. - М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 54.

³⁰³ Галенская, Л.Н. Международная борьба с преступностью / Галенская Л.Н. - М.: Международные отношения, 1972. С. 127.

³⁰⁴ Лукашук, И.И., Наумов, А.В. Выдача обвиняемых и осужденных в международном уголовном праве. Учебно-практическое пособие / Лукашук И.И., Наумов А.В. - М.: Рос. Юрид. изд. дом, 1998. С. 33.

³⁰⁵ Международное право : учебник / отв. ред. : Ю. М. Колосов, Э. С. Кривчикова. - Москва : Международные отношения, 2000. С. 458.

³⁰⁶ Bassiouni, M. C. (2014). *International Extradition: United States Law and Practice* (6th ed.). Oxford University Press. P. 388.

criminality»³⁰⁷, «хотя и встречаются иные терминологические интерпретации»³⁰⁸. При этом данный автор выражает несогласие с использованием Ю.В. Минковой термина «двойная подсудность»³⁰⁹, называя его «неудачной интерпретацией» принципа «двойного вменения»³¹⁰. В этой связи Н.А. Сафаров считает более правильным использовать термин «двойное вменение»³¹¹.

Не оспаривая правомерность использования термина «двойное вменение» в отношении экстрадиционных преступлений, полагаем целесообразным высказать свое мнение в контексте приведенной выше дискуссии. Прежде всего, термин «двойная подсудность» не может быть «неудачной интерпретацией» принципа «двойного вменения», как пишет Н.А. Сафаров. Так, согласно словарю С.И. Ожегова, интерпретировать – это значит «истолковывать, раскрывать смысл, содержание чего-нибудь»³¹². В науке же термин «интерпретация» обозначает совокупность значений (смыслов), придаваемых каким-либо образом элементам некоторой теории (выражениям, формулам, отдельным элементам); каждое такое значение также называется интерпретацией данного выражения, формулы или символа³¹³.

Тем самым термин «двойная подсудность», так же, как и термин «двойная преступность», являются самостоятельными терминами, находящимися в одном смысловом ряду с термином «двойное вменение», и не могут рассматриваться как варианты интерпретации последнего. Соглашаясь с доводами Сафарова Н.А. о несоответствии термина «двойная подсудность»

³⁰⁷ Betti, S. "New Prospects for Inter-State Cooperation in Criminal Matters: The Palermo Convention". *International Criminal Law Review*, 2003, vol. 3, no. 2. P. 162.

³⁰⁸ Сафаров, Н.А. Экстрадиция в международном уголовном праве: проблемы теории и практики / Сафаров Н.А. - М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 54.

³⁰⁹ Минкова, Ю.В. Принципы института выдачи (экстрадиции) в международном праве. Монография / Минкова Ю.В. - М.: Изд-во РУДН, 2002. С. 9.

³¹⁰ Сафаров, Н.А. Экстрадиция в международном уголовном праве: проблемы теории и практики / Сафаров Н.А. - М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 54.

³¹¹ Там же.

³¹² Ожегов, Сергей Иванович [Электронный ресурс] : Материал из Википедии — свободной энциклопедии : Версия 10326782, сохран. в 16:02 UTC 4 августа 2008 / Авторы Википедии // Википедия, свободная энциклопедия. — Электрон. дан. — Сан-Франциско: Фонд Викимедиа, 2008. — Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/?oldid=10326782>

³¹³ Философский энциклопедический словарь. М., 1983, с. 215.

термину «двойное вменение», считаем, однако, более целесообразным использование термина «двойная криминальность». Правило «двойной криминальности» требует признание преступности деяния как в запрашивающем, так и в запрашиваемом экстрадицию государстве. В то же время термин «вменение», как подчеркивается в решениях Верховного суда РФ, равносителен термину «обвинение». Данные понятия «являются взаимозаменяемыми, несущими одинаковую смысловую нагрузку, выражения "вменить лицу что-либо в вину (вменить преступление)" и "предъявить лицу обвинение в преступлении" тождественны»³¹⁴.

Буквальный смысл выражения «двойное вменение» предполагает предъявление обвинение лицу как в запрашивающем, так и в запрашиваемом государствах как условия экстрадиции. Очевидно, что такое требование лишено практического смысла, особенно в ситуации выдачи подозреваемого на этапе до предъявления обвинения. Более удачным представляется использование термина «двойная криминальность», отражающим требование признание деяния преступным как в запрашивающем, так и в запрашиваемом государствах.

Требования двойной криминальности и экстрадиционности преступлений тесно связаны между собой. Первое требование носит концептуальный характер, заключающееся в необходимости признания преступным соответствующего деяния как в запрашивающем, так и в запрашиваемом государствах. Второе требование определяет преступления, за совершение которых подозреваемый может быть экстрадирован. Как свидетельствует договорная практика, экстрадиционные преступления непосредственно включаются в международные договоры или определяются на основании какого-либо критерия. В тех случаях, когда практика не

³¹⁴ Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 09.06.2015 N АПЛ15-224 "Об оставлении без изменения Решения Верховного Суда РФ от 10.02.2015 N АКПИ14-1432, которым отказано в удовлетворении заявления о признании недействующим абзаца третьего подпункта 2 пункта 5 Порядка расчета вознаграждения адвоката, участвующего в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда, в зависимости от сложности уголовного дела, утв. Приказом Минюста России N 174, Минфина России N 122н от 05.09.2012"

основана на международном договоре, экстрадиционные преступления определяются в соответствии с принципом взаимности. Таким образом, если двойная криминальность определяется на основании соответствующего критерия, то экстрадиционными преступлениями будут являться те из них, которые закреплены в национальном законодательстве обоих государств³¹⁵.

В практике США правило двойной криминальности не требует абсолютной идентичности составов преступлений до тех пор, пока они «по сути аналогичны»³¹⁶. Такой же критерий в отношении правила двойной криминальности применяется и в практике большинства европейских стран. Тем самым соблюдение требования двойной криминальности определяется не столько характеристиками конкретного состава преступления, сколько фактическими обстоятельствами дела и являются ли они нарушением уголовного законодательства в обоих государствах.

В целом позицию США относительно требования двойной криминальности как условия для экстрадиции можно изложить следующим образом: для признания деяния экстрадируемого лица преступным не требуется полное совпадение квалификации этого деяния в уголовных кодексах запрашивающего и запрашиваемого государства; достаточно, чтобы оно относилось к одной и той же категории преступлений в правовых системах обоих государств; при этом решающее значение имеют фактические обстоятельства совершённого деяния, которые позволили бы выдвинуть обвинение в совершении соответствующего преступления как в стране запроса, так и в стране, предоставляющей экстрадицию. В целом позицию США относительно требования двойной криминальности как условия для экстрадиции можно изложить следующим образом: для признания деяния экстрадируемого лица преступным не требуется полное совпадение

³¹⁵ Bassiouni, M. C. (2014). *International Extradition: United States Law and Practice* (6th ed.). Oxford University Press. P. 500.

³¹⁶ *United States v. Aleksandrs Hoholko, Jevgenijs Kuzmenko and Vitalijs Drozdovs*, District Montana, 2010. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.govinfo.gov/content/pkg/USCOURTS-mtd-4_08-cr-00033/pdf/USCOURTS-mtd-4_08-cr-00033-0.pdf (дата обращения: 10.05.2025)

квалификации этого деяния в уголовных кодексах запрашивающего и запрашиваемого государства; достаточно, чтобы оно относилось к одной и той же категории преступлений в правовых системах обоих государств; при этом решающее значение имеют фактические обстоятельства совершённого деяния, которые позволили бы выдвинуть обвинение в совершении соответствующего преступления как в стране запроса, так и в стране, предоставляющей экстрадицию. При этом вопрос заключается не в том, что одни и те же фактические обстоятельства приведут к предъявлению одного и того же обвинения, а что они приведут к предъявлению обвинения в обоих государствах;

- одни и те же фактические обстоятельства могут служить основанием предъявления нескольких обвинений в данных государствах, но это не связано с правилом двойной криминальности, а скорее с принципом *ne bis in idem* (или принципом «двойной угрозы» в США)³¹⁷.

Как отмечает Н. Боистер, одной из основных проблем при применении правила двойной криминальности является установление степени соответствия преступлений в запрашиваемом и запрашивающем государствах. *In concreto* (объективное) применение данного правила требует строгого соответствия между названием преступления и его юридическими признаками. *In abstractio* (субъективное) применение рассматриваемого правила позволяет ограничиваться установлением факта наличия уголовного наказания в национальном законодательстве за данное деяние³¹⁸. В 1957 г. в деле «*Re Gerber*» Верховный суд ФРГ указал, что решающее значение имеет не название преступления, а набор фактов, определяющих преступление. Согласно Типовому договору о выдаче ООН, требование двойной криминальности соблюдается, даже если сравниваемые преступления различаются по наименованию, классификации или составным элементам.

³¹⁷ Bassiouni, M. C. (2014). *International Extradition: United States Law and Practice* (6th ed.). Oxford University Press. P. 506.

³¹⁸ Boister, N. (2012). *An Introduction to Transnational Criminal Law*. Oxford University Press. P. 219.

Чтобы деяние могло быть отнесено к числу преступлений, по которым возможна выдача, должны выполняться два условия: оно должно предусматриваться уголовным законодательством и признаваться серьёзным для целей экстрадиции. Первое условие охватывается правилом двойной криминальности, второе - экстрадиционности преступления. Большинство государств не рассматривает преступления, наказание за которые не превышает одного года лишения свободы, как экстрадиционные преступления³¹⁹. Не считаются экстрадиционными такие правонарушения, как нарушение условий условно-досрочного освобождения от наказания, залога или меры пресечения³²⁰.

Если значительная часть объективной стороны преступления была осуществлена на территории данного государства, то запрашиваемое государство может не признать данное преступление экстрадиционным. В данном случае запрашиваемое государство не рассматривает преступление экстрадиционным на том основании, что оно не является экстратерриториальным. Согласно критерию *locus delicti* юрисдикция государства распространяется на преступления, которые были совершены на его территории³²¹. Как указывается в п. “f” ст. 4 Типового договора о выдаче ООН, в выдаче может быть отказано, если в соответствии с законодательством запрашиваемого государства, правонарушение рассматривается как совершенное целиком или частично в пределах этого государства³²².

Осуществление экстрадиции зависит и от соблюдения правила специализации, согласно которому запрашивающее государство может осуществлять уголовное преследование и наказание лица только за то

³¹⁹ Epps, V. “The Development of the Conceptual Framework Supporting International Extradition.” *Loyola of Los Angeles International and Comparative Law Review*, vol. 25, no. 3, 2003. P. 374.

³²⁰ Blakesley, C.L. (1992). *Terrorism, Drugs, International Law, and the Protection of Human Liberty: A Comparative Study of International Law, Its Nature, Role, and Impact in Matters of Terrorism, Drug Trafficking, War, and Extradition*. Brill Nijhoff. P. 227.

³²¹ S.S. “Lotus” (France v. Turkey), 1927 P.C.I.J. (ser. A) No. 10, at 18 (Sept. 7). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.worldcourts.com/pcij/eng/decisions/1927.09.07_lotus.htm (дата обращения: 02.05.2025)

³²² U.N. Model Treaty on Extradition, Dec. 14, 1991, UNGA Res. 45/116. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.unodc.org/pdf/model_treaty_extradition.pdf (дата обращения: 12.05.2025)

преступление, за подозрение в совершении которого оно было выдано запрашиваемым государством. Верховный суд США в деле «United States v Rauscher» указал, что лицо, попавшее под юрисдикцию суда в результате процедуры, предусмотренной договором об экстрадиции, может быть подвергнуто уголовному преследованию только за те преступления, обвинение в совершении которых было предъявлено в процессе экстрадиции³²³. В тех случаях, когда основой экстрадиции являются антинаркотические конвенции, то правило специализации предполагает возможность выдачи за совершение только тех преступлений, которые указаны в соответствующей конвенции. В то же время как указывается в Типовом договоре о выдаче ООН, правило специализации не применяется в случае правонарушений, которые могут повлечь за собой выдачу, которые могут быть доказаны на основании тех же фактов и за которые предусматривается такое же или менее строгое наказание, как и за первоначальное правонарушение, в связи с которым была запрошена выдача³²⁴.

Вопросам правового регулирования процесса экстрадиции государствами-участниками посвящена ст. 36(2)(b)(i) Единой конвенции 1961 г., имеющая рекомендательный характер. Первоначальный текст рассматриваемых положений, предложенный на Конференции 1961 г., носил обязательный характер. Однако представители делегации Канады выступили с предложением о дополнении текста статьи фразой «it is desirable that» («желательно»), которая подчеркивала необязательный характер ее положений. Несмотря на возражения делегаций Мексики и Великобритании, окончательный вариант данной статьи был принят в редакции, предложенной канадской делегацией³²⁵. Более того, было добавлены положения о

³²³ United States v. Rauscher, 119 U.S. 407 (1886). P. 430. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/119/407/> (дата обращения: 24.05.2025)

³²⁴ U.N. Model Treaty on Extradition, Dec. 14, 1991, UNGA Res. 45/116. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.unodc.org/pdf/model_treaty_extradition.pdf (дата обращения: 12.05.2025)

³²⁵ United Nations Conference for the adoption of a Single Convention on Narcotic Drugs. New York – 24 January-25 March 1961. Official Records, vol. II. E/CONF.34/24/Add. 1. New York, 1964. P. 242.

необходимости осуществления выдачи в соответствии с внутренним законодательством и возможности отказа в исполнении запроса о выдаче, если государство-участник сочтет соответствующее преступление недостаточно серьезным для экстрадиции.

Тем самым положения Единой конвенции 1961 г. в отношении экстрадиции носили рекомендательный характер, что отражало неготовность международного сообщества рассматривать преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств как представляющие такую же угрозу как основные международные преступления (военные преступления, геноцид и т.д.).

Посвященные экстрадиции положения ст. 22(2)(b) Конвенции 1971 г. в значительной степени соответствуют положениям ст. 36(2)(b) Единой конвенции 1961 г., что объясняется стремлением государств-участников создать единый правовой режим в отношении наркотических средств и психотропных веществ. В то же время в ст. 22(2)(b) Конвенции 1971 г. в отличие от ст. 36(2)(b) Единой конвенции 1961 г. вместо термина «правонарушения» используется термин «преступления». По словам юридического советника Конференции 1971 г., решение об использовании словосочетания «экстрадиционные преступления» в параграфе 2(b) было принято в связи с тем, что экстрадиция, как правило, возможна только в серьезных случаях. В этой связи был использован термин «преступление», который используется во многих правовых системах для обозначения самых серьезных нарушений уголовного закона³²⁶.

Рассматриваемые нормы устанавливают, что преступления, предусмотренные ст. 22(1) и ст. 22(2)(a)(ii) Конвенции 1971 г., могут быть включены в договоры о выдаче государствами-участниками, которые используют такие договоры, а также могут признаваться экстрадиционными преступлениями теми государствами-участниками, которые не осуществляют

³²⁶ United Nations Conference for the adoption of a Protocol on Psychotropic Substances. Vienna – 11 January-19 February 1971. Official Records vol. II. E/CONF.58/7/Add.1. New York. 1973. P. 45.

экстрадицию на основании названных договоров. Тем самым основной заслугой Конвенции 1971 г. являлось распространение действия положений Единой конвенцией 1961 г. об экстрадиции на преступления, связанные с незаконным оборотом психотропных веществ.

На Двадцать четвертой сессии Комиссии ООН по наркотическим средствам США инициировали процесс внесения поправок в ст. 36 Единой конвенции 1961 г. Делегацией США на Конференции ООН по внесению поправок в Единую конвенцию 1961 г. (далее – Конференция 1972 г.) было предложено усилить положения ст. 36 в отношении экстрадиции по образцу ст. 8 Конвенции ООН о борьбе с незаконным захватом воздушных судов. В случае принятия предложенных поправок все преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, перечисленные в Единой конвенции 1961 г., приобрели бы статус экстрадиционных преступлений³²⁷. По мнению представителя Израиля, данные поправки представляют собой важный шаг в развитии современного международного права экстрадиции, являющимся необходимым в свете растущей изобретательности криминальных элементов³²⁸.

Хотя положения ст. 36(2)(b) в редакции Протокола 1972 г. приобрели обязательный характер, в их отношении действует ряд защитительных оговорок. Прежде всего, названные положения применяются с учетом защитительной оговорки ст. 36(4), устанавливающей приоритет внутреннего права государства-участника. Их действие также обуславливается ограничениями, установленные во вступном параграфе ст. 36(2), гарантирующими соблюдением норм конституции, правовой системы и внутреннего права государства-участника в отношении экстрадиции. Тем самым, стороны Единой конвенции 1961 г. в редакции Протокола 1972 г. не

³²⁷ United Nations Conference to consider amendments to the Single Convention on Narcotic Drugs, 1961. Geneva – 6-24 March 1972. Official Records, vol. I. E/CONF.63/10. New York, 1974. P. 3-4.

³²⁸ United Nations Conference to consider amendments to the Single Convention on Narcotic Drugs, 1961. Geneva – 6-24 March 1972. Official Records, vol. II. E/CONF.63/10/Add.1. New York, 1973. P.203.

будут обязаны выдавать своих граждан в контексте ст. 36, если это противоречит вышеназванным нормам.

В п. 2(b)(i) ст. 36 Единой конвенции 1961 г. установлена юридическая фикция, согласно которой деяния, перечисленные в данной статье, автоматически рассматриваются как преступления, подлежащие экстрадиции, в рамках договоров о выдаче между государствами-участниками; одновременно такие государства обязаны включать указанные преступления в качестве экстрадиционных во все вновь заключаемые договоры о выдаче. Такое автоматическое расширение договорных прав и обязанностей осуществляется без необходимости принятия каких-либо деклараций, заявлений или специальных соглашений³²⁹.

Как отметил представитель США на Конференции 1972 г., новый текст статьи 36(b) в значительной степени усилил императивный характер предыдущей редакции данной статьи. Основная цель изменений такая же как и в Конвенции ООН о борьбе с незаконным захватом воздушных судов, а именно обеспечение того, чтобы правонарушитель не имел возможности скрыться от правосудия ни в одной стране мира. Предложенная редакция основывается на прецеденте ст. 8 названной конвенции, которая была подписана и ратифицирована многими государствами³³⁰.

В результате обсуждения предложенной поправки была принята редакция, согласно которой экстрадиция осуществляется за совершение не всех, а только серьезных правонарушений в сфере незаконного оборота наркотических средств. Однако критериев отнесения названных правонарушений к категории серьезных в ходе Конференции 1972 г. так и не было выработано, что предполагает разрешение данного вопроса на уровне правовых систем государств-участников³³¹.

³²⁹ Linke, R. (1985). Extradition for Drug-Related Offences: A Study of Existing Extradition Practices and Suggested Guidelines for Use in Concluding Extradition Treaties. United Nations. UN Sales No. E. 85. XI. 6.

³³⁰ United Nations Conference to consider amendments to the Single Convention on Narcotic Drugs, 1961. Geneva – 6-24 March 1972. Official Records, vol. II. E/CONF.63/10/Add.1. New York, 1973. P. 203.

³³¹ Там же, p. 27-28.

Несмотря на очевидный вклад в развитие международно-правового сотрудничества государств-участников, многие актуальные аспекты правового регулирования процесса экстрадиции не нашли своего отражения в Протоколе 1972 г. Помимо пробела в определении критериев серьезности правонарушений для целей экстрадиции, в Протоколе 1972 г. отсутствуют положения о выдаче в отношении правонарушений, совершение которых было связано с наркотиками: преступлений против личности, собственности, налоговых правонарушений и финансовых операций. Протокол 1972 г. также не предусматривает случай, когда государство-участник готово взять обязательство по экстрадиции в одностороннем порядке, но не на основании Конвенции 1961 г., а в соответствии с принципом взаимности или даже без него³³². Таким образом, Протоколом 1972 г. не был ликвидирован пробел в правовом регулировании процесса экстрадиции, связанный с отсутствием норм о выдаче в страны, которые не являются сторонами Единой конвенции 1961 г.

Рост транснациональной преступности в сфере незаконного оборота наркотических средств обусловил необходимость совершенствования правовых норм, регулирующих процесс экстрадиции, что нашло свое отражение в положениях Конвенции 1988 г. В отличие от Единой конвенции 1961 г. и Конвенции 1971 г. в рассматриваемой конвенции была введена отдельная статья 6 «Выдача», посвященная правовому регулированию экстрадиции. В то же время концептуальный подход в определении механизма осуществления выдачи подозреваемых в совершении преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, не претерпел значительных изменений. Положения Конвенции 1988 г., так же как и нормы предшествующих конвенций, направлены не на детальную правовую регламентацию экстрадиции непосредственно в рассматриваемой конвенции, а на использование национального законодательства и договоров об

³³² Chatterjee, S.K. (1981). *Legal Aspects of International Drug Control*. Springer. P. 446.

экстрадиции для названной цели. Как указывается в ст. 6(5) Конвенции 1988 г., выдача осуществляется в соответствии с условиями, предусмотренными законодательством запрашиваемой стороны или применимыми договорами о выдаче, включая основания, по которым запрашиваемая сторона может отказать в выдаче.

Ряд представителей государств-участников на Конференции 1988 г. выступали за придание положениям статьи 6 Конвенции 1988 г. обязательного характера в отношении экстрадиции лиц, подозреваемых в совершении серьезных преступлений. Другие же участники Конференции 1988 г. подчеркивали необходимость сохранения преемственности с положениями Единой конвенции 1961 г. и Конвенции 1971 г. с тем, чтобы стороны этих конвенций не испытывали трудностей в присоединении к новому правовому инструменту. В результате обсуждения положения об экстрадиции Конвенции 1988 г. было предложено применять с учетом ограничительной оговорки, аналогичной той, которая содержится в ст. 36 Единой конвенции 1961 г. и ст. 22 Конвенции 1971 года³³³.

В соответствии со ст. 3(10) Конвенции 1988 г., правонарушения в сфере незаконного оборота наркотических средств не могут рассматриваться как финансовые или политические правонарушения, а также как правонарушения, совершенные по политическим мотивам. За исключением случаев, когда иное нарушило бы конституционные ограничения или основные национальные законы. В ходе обсуждения данной статьи на Конференции 1988 г. ряд представителей государств-участников выступили за исключение упоминания о политических и финансовых преступлениях из окончательной ее редакции. Ряд участников отмечал, что рассматриваемый пункт не создает исключения из принципа невыдачи за политические правонарушения, не угрожает праву на убежище и не нарушает права отдельных граждан; его основное назначение

³³³ Конференция Организации Объединенных Наций для принятия Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Вена, 25 ноября – 20 декабря 1988 г. Официальные отчеты, т.1. С. 33.

заключается в том, чтобы государства действовали добросовестно и чтобы деяния, перечисленные в п. 1 ст. 2, не квалифицировались как политические или финансовые преступления³³⁴.

В соответствии со ст. 6(1) Конвенции 1988 г., нормы ст. 6 о выдаче применяются к правонарушениям, перечисленным в ст. 3(1). Тем самым данные нормы не применяются в отношении правонарушений, связанных с хранением, приобретением или культивированием наркотического средства или психотропного вещества для личного потребления согласно ст. 3(2) Конвенции 1988 г. Буквальное толкование ст. 6(1) приводит к выводу, что ее положения применяются ко всем правонарушениям, предусмотренным ст. 3(1), а не только к «серьезным правонарушениям». Однако фактическая возможность экстрадиции за малозначительные правонарушения ограничивается положениями ст. 6(5), согласно которым выдача производится в соответствии с условиями, предусмотренными законодательством запрашиваемой стороны или применимыми договорами о выдаче, включая основания, по которым запрашиваемая сторона может отказать в выдаче.

В соответствии со ст. 6(2) Конвенции 1988 г., правонарушения, предусмотренные ст. 6(1), считаются включенными в ранее заключенные договоры об экстрадиции между государствами-участниками Конвенции 1988 г. Данное положение является юридической фикцией и не предусматривает каких-либо дополнительных действий по дополнению действующих договоров об экстрадиции. В этой связи указание в официальном тексте на русском языке рассматриваемой статьи на то, что каждое из перечисленных правонарушений считается «подлежащим включению» в действующие договоры, представляется ошибочным. Во-первых, и в английском, и во французском текстах ст. 6(2) говорится о том, что названные правонарушения «считаются включенными», а не «подлежащими включению». Во-вторых,

³³⁴ Конференция Организации Объединенных Наций для принятия Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Вена, 25 ноября – 20 декабря 1988 г. Официальные отчеты, т.1. С. 116.

оговоренная сторонами юридическая фикция применяется к уже заключенным договорам, иначе это было бы обязательством, а не фикцией. В-третьих, ст.6(2) помимо юридической фикции включает в себя и обязательство включать правонарушения, перечисленные в ст. 3(1), в будущие договоры об экстрадиции между государствами-участниками.

Положения ст. 6(3) Конвенции 1988 г. относятся к тем государствам-участникам, национальное законодательство которых требует наличие договора или законодательной базы для удовлетворения запроса о выдаче. Данные нормы предоставляют таким странам возможность использовать Конвенцию 1988 г. как нормативную основу экстрадиции. При этом ст. 6(3) выделяет два типа государств-участников, на которые распространяются ее положения.

Первое предложение ст. 6(3) относится к тем государствам, которые имеют детализированное законодательство в области экстрадиции, но не имеют договора об экстрадиции с соответствующей страной, хотя наличие такого договора является обязательным. В таком случае ст. 6(3) может рассматриваться как юридическое основание для экстрадиции, заменяющее двусторонний договор об экстрадиции. Второе предложение ст. 6(3) распространяется на государства-участников, которые должны заключать договор об экстрадиции, содержащий все технические аспекты процесса экстрадиции. Такие государства-участники обязаны принять законодательные акты, регламентирующие все необходимые для выдачи детали, если они намерены использовать Конвенцию 1988 г. в качестве юридического основания для экстрадиции.

Согласно ст. 6(7) Конвенции 1988 г., стороны должны предпринимать усилия к ускорению процедуры выдачи и упрощению требований по представлению доказательств. Необходимость упрощения требований к доказательствам связано с существенными различиями в оценке их роли при экстрадиции в странах общего и континентального права.

В государствах континентальной правовой системы экстрадиция рассматривается как механизм сотрудничества судебных органов по уголовным делам, при котором не проводится проверка доказательств вины лица, подлежащего выдаче. В странах же системы общего права экстрадиция возможна только после предварительной оценки представленных доказательств вины с соблюдением стандарта *prima facie*.

Принципиальные различия в подходах к процессу экстрадиции проявились при обсуждении окончательно редакции рассматриваемой нормы на Конференции 1988 г. Некоторые представители высказали мнение, что Конвенция 1988 г. предусматривает возможность исключить требование о предоставлении доказательств в соответствии со стандартом *prima facie* как условия осуществления экстрадиции. В этой связи было предложено считать достаточным для обоснования запроса о выдаче представление ордера на арест или решения суда обратившегося с просьбой государства. Однако, ряд представителей выступили против такого предложения, поскольку, по их мнению, его трудно будет осуществить в тех странах, где возбуждение дела об экстрадиции невозможно без представления *prima facie* доказательств³³⁵.

Необходимо также учитывать, что доказательственный стандарт *prima facie* как основание осуществления экстрадиции не является единым для всех стран общего права. В США данный доказательственный стандарт фактически соответствует стандарту «вероятной причины» (*probable cause*), согласно которому представленные доказательства должны свидетельствовать о том, что было совершено преступление и данное лицо вероятно его совершило. Применительно к экстрадиции стандарт «*probable cause*» означает такой уровень убедительности представленных доказательств, который был бы достаточен для того, чтобы подозреваемый (обвиняемый) предстал перед судом в запрашиваемом государстве в случае, если бы преступное деяние

³³⁵ Конференция Организации Объединенных Наций для принятия Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Вена, 25 ноября – 20 декабря 1988 г. Официальные отчеты, т. 1. С. 34.

было совершено в нем. В странах, придерживающихся британской модели права, рассматриваемый доказательственный стандарт является более строгим и соответствует требованию “*prima facie case*”. Согласно концепции *prima facie case*, представленных доказательств должно быть достаточно для вынесения обвинительного приговора на их основании без учета доводов защиты. Тем не менее и в том, и в другом случае представленные запрашивающей страной доказательства оцениваются на предмет их соответствия действующей в запрашиваемой стране разновидности стандарта *prima facie*.

В странах континентального права представляемые запрашивающей страной доказательства не подвергаются в запрашиваемой стране проверке на предмет их соответствия каким-либо доказательственным стандартам. Анализ представленных документов сводится к установлению личности лица, подлежащего выдаче, и формального их соответствия перечню документов, перечисленных в действующем договоре об экстрадиции³³⁶.

Принятая в ходе дискуссии на Конференции 1988 редакция ст.6(7) Конвенции 1988 г., всего лишь поощряет стороны к достижению ускоренных процедур и преодолению трудностей, которые иногда создают требования о представлении доказательств (особенно *prima facie* требование о наличии достаточно серьезных доказательств)³³⁷.

В нормах ст.6(9) Конвенции 1988 г. представлен известный международно-правовой принцип - *aut dedere aut judicare*, т.е. «выдавай или суди». При этом характер обязательства о выдаче и производного от него обязательства о проведении уголовного расследования зависит от типа возникшей правовой ситуации.

Первый тип предполагает обязательное применение названного принципа при наличии следующего фактического состава:

³³⁶ Bassiouni, M. C. (2014). *International Extradition: United States Law and Practice* (6th ed.). Oxford University Press. P. 821.

³³⁷ Комментарий к Конвенции Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г. Организация Объединенных Наций, Нью-Йорк, 1999 г. С. 149.

- совершено правонарушение, предусмотренное ст. 3(1);
- предполагаемый правонарушитель находится на территории запрашиваемого государства-участника;
- запрашивающее государство-участник отказывает в выдаче по одному из нижеперечисленных оснований:
 - правонарушение совершено на территории запрашиваемого государства-участника;
 - правонарушение совершено на борту морского судна, несущего флаг запрашиваемого государства-участника;
 - правонарушение совершено на борту воздушного судна, зарегистрированного в соответствии с законодательством запрашиваемого государства-участника;
 - правонарушение совершено гражданином запрашиваемого государства-участника.

Тем самым при наличии данного фактического состава запрашиваемое государство-участник обязано передать дело своим компетентным органам с целью уголовного преследования.

Второй тип правовых ситуаций в рассматриваемой сфере связан с дискреционным применением принципа *aut dedere aut judicare* в следующих случаях:

- совершено правонарушение, предусмотренное ст. 3(1);
- предполагаемый правонарушитель находится на территории запрашиваемого государства-участника;
- запрашиваемое государство-участник отказывает в выдаче по основаниям, отличным от названных выше.

При названных обстоятельствах запрашиваемое государство может (но не обязано) установить свою юрисдикцию в отношении данного правонарушения, а после этого в обязательном порядке передать дело для уголовного расследования.

Тем самым реализация принципа *aut dedere aut judicare* в Конвенции 1988 г. осуществляется на основании применения в системе норм ст.4(2) и ст. 6(9). В случае отказа запрашиваемой стороны выдать лицо, совершившее правонарушение, предусмотренное ст. 3(1), ее обязательство по расследованию зависит от места совершения правонарушения и гражданства правонарушителя. Если территориальная или квазитерриториальная юрисдикция запрашиваемой стороны распространяется на место совершение правонарушения, а также если правонарушитель является ее гражданином, то запрашиваемая сторона обязана установить свою юрисдикцию. В иных случаях установление юрисдикции запрашиваемой стороной не является обязательным. Однако после установления своей юрисдикции на обязательной или добровольной основе запрашиваемая сторона обязана осуществить уголовное преследование лица, выдать которое оно отказалось.

Таким образом, нормы Конвенции 1988 г. в отношении экстрадиции, которой посвящена отдельная статья 6, представляют собой шаг вперед по сравнению с аналогичными нормами Единой конвенции 1961 г. и Конвенции 1972 г. Одним из основных направлений повышения эффективности процедуры выдачи является попытка достижения компромисса между государствами-участниками, которые возражают против экстрадиции своих граждан, и теми, законодательство которых не запрещает их выдачу. Основу такого баланса составляет формирование правового механизма выдачи, не нарушающего фундаментального принципа международного права – принципа государственного суверенитета. В то же время, несмотря на инновации в сфере экстрадиции, такие, например, как возможность передачи осужденных другому государству для отбывания наказания в виде лишения свободы, некоторые вопросы остались неурегулированными. Так, была сохранена оговорка о политических правонарушениях, отсутствует обязательство в выдаче собственных граждан, сохранен принцип двойной криминальности в отношении всех правонарушений, предусмотренных Конвенцией 1988 г.

§3.3 Международная правовая помощь по уголовным делам государств-участников антинаркотических конвенций ООН

Важным направлением международного сотрудничества в области противодействия незаконному обороту наркотических средств наряду с экстрадицией является взаимная правовая помощь по уголовным делам. Анализ литературы показывает, что понятие взаимной правовой помощи может употребляться как в широком, так и в узком смысле. В широком смысле слова данное понятие охватывает все направления в сфере уголовного судопроизводства и помимо правовой помощи включает в себя передачу судопроизводства, экстрадицию и другие ее возможные виды. Согласно В. А. Воложенкиной, понятие правовой помощи охватывает не только проведение процессуально-следственных действий, таких как выполнение и направление поручений, вручение судебных документов или обмен информацией, но и включает экстрадицию, передачу осуждённых иностранными судами лиц в страну их гражданства, осуществление уголовного преследования и передачу предметов³³⁸.

Другим сторонником широкого подхода можно считать Н.В. Марышеву, считающей, что понятие международной правовой помощи должно охватывать помощь не только по уголовным, но также по гражданским и семейным делам. В данном контексте под международной правовой помощью понимается комплекс действий, включающий исполнение запросов на проведение конкретных процессуальных мероприятий, предоставление разъяснений по вопросам права, передачу полномочий между компетентными органами, экстрадицию правонарушителей, а также оказание содействия в признании и реализации решений и приговоров иностранных судов³³⁹.

³³⁸ См.: Волженкина В.М. Оказание правовой помощи по уголовным делам в сфере международного сотрудничества: Учебное пособие. СПб. С. 34.

³³⁹ См.: Марышева Н. И. Международная правовая помощь по гражданским и уголовным делам. Диссертация в форме научного доклада. М., 1996. С. 16.

К представителям узкого подхода к определению рассматриваемого понятия можно отнести В. Шипилюка, который отмечает, что «в смысле, придаваемом содержанию правовой помощи по уголовным делам в сфере международного сотрудничества нормами УПК РФ, институт экстрадиции имеет самостоятельное значение»³⁴⁰. М.И. Смирнов также не включает институт экстрадиции в предмет оказания правовой помощи и определяет ее как «основанную на законодательстве деятельность компетентных органов и должностных лиц запрашиваемого государства по оказанию помощи в досудебном производстве и судебном разбирательстве по производству процессуально-следственных и оперативно-розыскных действий для получения доказательств по расследуемому в запрашивающем государстве уголовному делу и его правильному разрешению»³⁴¹.

В качестве основного возражения против расширительного толкования рассматриваемого понятия В.В. Милинчук называет существенное отличие взаимной правовой помощи от иных форм международного сотрудничества по уголовным делам. Суть данного отличия заключается в том, что при оказании правовой помощи происходит частичная передача компетенции по расследованию собственного уголовного дела от государства-запрашивающего к компетентным органам другого государства; иными словами, полномочия по сбору доказательств, проведению процессуальных действий и осуществлению оперативно-розыскных мероприятий переходят от одного органа к другому; такая передача полномочий выражается в том, что иностранным органам предоставляется право собирать доказательства по уголовному делу на территории государства, обратившегося за помощью, при этом результаты такой деятельности, полученные в соответствии с уголовно-процессуальными нормами другой страны, признаются законными и

³⁴⁰ Там же.

³⁴¹ Смирнов М.И. Понятие и современное состояние института взаимной правовой помощи по уголовным делам // Правоведение. 2004. № 5. С. 164.

удовлетворяющими требованиям внутреннего законодательства государства-запрашивающего³⁴².

По мнению М.И. Смирнова «суть разногласий по рассматриваемому вопросу такова: производство каких процессуальных (следственных), оперативно-розыскных действий охватываются этим понятием»³⁴³. В этой связи примечательно высказывание Р.Б. Рэуттова: «любая попытка сформулировать полный, исчерпывающий перечень процессуальных действий привела бы к результатам, прямо противоположным желаемым: перечень в силу объективных причин не охватил бы всех действий, которые на практике приходится выполнять»³⁴⁴.

В контексте рассмотренной дискуссии и темы диссертационного исследования полагаем целесообразным рассмотреть взаимной правовой помощи как комплексного правового института, акцентируя внимание на соотношении норм национального и международного права в правовом регулировании исполнения запросов. Признавая неоспоримую ценность изучения объема правовой помощи и конкретного набора действий при ее оказании, считаем не менее важным исследование вопросов взаимодействия указанных норм как составных элементов в системе единого комплексного правового института взаимной правовой помощи по уголовным делам в области незаконного оборота наркотических средств. Необходимость системного подхода к нормативному материалу в названной сфере определяется комплексным характером механизма правового регулирования общественных отношений, складывающихся в ходе противодействия незаконному обороту наркотических средств, охватывающих как внутригосударственный, так и международный уровни их формирования.

³⁴² См.: Милинчук В.В. Институт взаимной правовой помощи по уголовным делам. Действующая практика и перспективы развития. М.: Юрлитинформ, 2001, с. 20.

³⁴³ Смирнов М.И. Понятие и современное состояние института взаимной правовой помощи по уголовным делам // Правоведение. 2004. № 5. С. 166.

³⁴⁴ Рэутт Б. В. Основные вопросы договоров о правовой помощи, заключенных между социалистическими государствами. Канд. диссертация. М., 1963. С. 56.

Как отмечает Е.В. Сидорова, комплексные правовые образования позволяют регулировать общественные отношения системно, «т. е. «сплоченными», взаимосвязанными методами, обеспечивая дифференцированное и вместе с тем единое, согласованное воздействие на определенный круг общественных отношений»³⁴⁵. По мнению данного автора исследование комплексных правовых образований является актуальным, поскольку они способствуют укреплению законности, повышению эффективности регулирования важных для государства и общества отношений и обеспечению правопорядка³⁴⁶.

Изучение системных связей в рамках комплексного правового института взаимной помощи между национальным и международным уровнями правового регулирования позволит повысить эффективность противодействия незаконному обороту наркотических средств правовыми средствами. Применение данного подхода может служить методологической базой для решения практических проблем, возникающих в ходе осуществления правовой помощи при расследовании и разрешении уголовных дел международного характера. Без учета комплексного характера связей между внутригосударственными и международными нормами в механизме правового регулирования оказания взаимной правовой помощи невозможно достичь их гармонизации в условиях правовых систем государств-участников антинаркотических конвенций ООН.

Основные положения, регулирующие порядок оказания взаимной помощи по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом наркотических средств, содержатся в ст. 7 Конвенции 1988 г. В соответствии с данной статьей государства-участники должны обеспечивать «самую широкую взаимную юридическую помощь» в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел, касающихся

³⁴⁵ Сидорова Е.В. . Комплексное правовое регулирование : монография / Е.В. Сидорова. — М. : Юстиция, 2015, с. 270.

³⁴⁶ Там же.

преступлений, перечисленных в ст. 3(1) Конвенции 1988 г. Данная формулировка сходна со ст. 1 Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 20 апреля 1959 г. (далее – Европейская конвенция 1959 г.), согласно которой договаривающиеся стороны обязуются оказывать друг другу «самую широкую правовую помощь на взаимной основе» в вопросах уголовного преследования.

Положения ст. 7 Конвенции 1988 г. являются результатом определенного компромисса между двумя группами государств-участников Конференции 1988 г. Первая группа настаивала на детальной регламентации соответствующих положений с тем, чтобы «они служили руководством для тех правительств, которые, возможно, не знакомы с концепцией взаимной юридической помощи или не являются участниками двусторонних или других договоров в этой области».³⁴⁷ Такие положения должны были, согласно этой позиции, облегчить оказание взаимной юридической помощи тем государствам, которые обуславливали предоставление такой помощи наличием договорных обязательств.

Представители второй группы возражали против такого подхода, считая, что «наличие подробных положений вызовет проблемы их применения в соответствующих государствах-участниках в связи с различиями в их правовых системах и юридической практике.»³⁴⁸ Ими предлагалось изложение только принципов взаимной правовой помощи без установления конкретного механизма их реализации. Прототипом соответствующих норм могли бы служить уже действующие многосторонние договоры, содержащие положения о взаимной правовой помощи. В соответствии со ст. 10 Конвенции о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, включая

³⁴⁷ Конференция Организации Объединенных Наций для принятия Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Вена, 25 ноября – 20 декабря 1988 г. Официальные отчеты, т. 1. С. 70.

³⁴⁸ Конференция Организации Объединенных Наций для принятия Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Вена, 25 ноября – 20 декабря 1988 г. Официальные отчеты, т. 1. С. 70.

дипломатических представителей, государства-участники обязаны обеспечивать друг другу «максимально полное правовое содействие». Такое содействие охватывает уголовно-процессуальные меры в отношении тяжких преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, включая преднамеренные убийства, похищения и насильственные нападения на официальные или жилые помещения и транспортные средства. Похожие обязанности закреплены в ст. 11 Международной конвенции о борьбе с захватом заложников: государства-участники должны оказывать друг другу «максимально полное содействие» при осуществлении уголовно-процессуальных действий в отношении деяний, квалифицируемых по ст. 1 данной конвенции как «захват заложника». В результате долгих дискуссий на Конференции 1988 г. был принят вариант ст. 7 Конвенции 1988 г., который один из авторов назвал «мини-договором о взаимной юридической помощи, облеченным в форму, достаточно гибкую для применения разнообразных процедур, имеющих или потенциально возможных в национальных правовых системах»³⁴⁹.

Возникает вопрос о том, распространяется ли требование о правовой помощи на стадию проверки сообщения о наркопреступлении до возбуждения уголовного дела. Представляется, что на данный вопрос можно дать утвердительный ответ. Во-первых, в рассматриваемой статье используются два отдельных понятия – «расследование» и «уголовное преследование». В условиях отсутствия дополнительных разъяснений в Конвенции 1988 г. можно предположить, что «расследование» проводится до возбуждения уголовного дела. В то время как термин «уголовное преследование», по всей видимости, соответствует понятию «предварительного расследования» по смыслу российского уголовного права, осуществляемого в форме предварительного следствия и дознания после возбуждения уголовного дела. Во-вторых,

³⁴⁹ Комментарий к Конвенции Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г. Организация Объединенных Наций, Нью-Йорк, 1999 г. С. 161.

употребление термина «судебное разбирательство» в одном смысловом ряду с «расследованием» и «уголовное преследование» подкрепляет вывод о том, что авторы Конвенции 1988 г. имели в виду три стадии уголовного процесса, касающиеся наркопреступлений.

Одной из целей, ради достижения которых осуществляется правовая помощь в ходе уголовного судопроизводства в области противодействия незаконному обороту наркотических средств, согласно ст. 7(2)(a) Конвенции 1988 г. является сбор доказательств или показаний. Однако формулировка данной статьи в официальном тексте Конвенции 1988 г. на русском языке не отражает в полной мере содержания соответствующей правовой нормы. Указание на то, что правовая помощь должна оказываться для «сбора доказательств и показаний», может привести к ошибочному выводу о возможности сбора любых видов доказательств помимо показаний согласно этому положению. В связи с этим возникает закономерный вопрос о том, зачем было проводить различие между «всеми доказательствами» и одним из его видов – «показаниями». Ответ на этот вопрос можно найти в *travaux preparatoires*, а именно в официальных отчетах конференции ООН по принятию Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г. В ходе обсуждения текста представитель Нидерландов Схютте отметил разницу между понятиями «показания» и «заявлением под присягой» в странах общего права, где последний вид доказательства позволяет наказывать лиц за заведомо ложный донос³⁵⁰. В том случае, когда просьба о получении показаний в порядке правовой помощи исходит от государства общего права и адресуется государству континентального права, требуется присяга лица, дающего их. Такое требование не является характерным для стран континентального права. В то же время в государствах-участниках, принадлежащих правовой семье

³⁵⁰ Комментарий к Конвенции Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г. Организация Объединенных Наций, Нью-Йорк, 1999 г. С. 298.

общего права, заявления, сделанные без присяги, не будут иметь юридической силы.

Также необходимо заметить, что в соответствии с уголовным правом России, Японии и Израиля, например, понятие «доказательство» включает в себя не только показания участников уголовного судопроизводства, но и вещественные доказательства. В этой связи представители Японии и Израиля выступали на Конференции 1988 г. против употребления термина «доказательство» в рассматриваемой статье и предлагали заменить его на «свидетельства». Тем не менее данное предложение не нашло поддержки среди большинства участников конференции, в том числе и по той причине, что понятие «свидетельства» имеет в странах общего права ограничительное значение и относится только к устным показаниям свидетелей³⁵¹.

Официальные разъяснения, содержащиеся в комментариях ООН в отношении положений Конвенции 1988 г., так же демонстрируют значительные расхождения в формулировке рассматриваемого пункта и смысла соответствующей правовой нормы. Не способствует уяснению пределов действия нормы и противоречия в языковых вариантах названных официальных комментариев ООН. Так, в варианте п. 7.9 Комментариев 1988 г. на русском языке вместо понятия «заявления», используемого в ст. 7(2)(а) Конвенции 1988 г., употребляется термин «показания», что искажает смысл анализируемой правовой нормы³⁵². В английском же варианте п. 7. 9 Комментариев 1988 г. проводятся различия между «показаниями» (testimony), с одной стороны, и «заявлениями» (statements) с другой. В уголовном процессе стран общего права последние включают как заявления, сделанные под присягой (sworn evidence), так и заявления, не сопровождающиеся принесением присяги (unsworn statements)³⁵³.

³⁵¹ Там же, с. 299.

³⁵² Комментарий к Конвенции Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г. Организация Объединенных Наций, Нью-Йорк, 1999 г. С. 163.

³⁵³ Commentary on the United Nation Convention Against Illicit Traffic in Narcotic Drugs and Psychotropic Substances 1988. Done at Vienna on 20 December 1988. E/CN.7/590. United Nations, New York, 1998, pp. 178-179.

Проведенный анализ убеждает нас в том, что формулировка ст. 7(2)(а) Конвенции 1998 г., звучащая как «сбор доказательств или показаний», нуждается в изменении. Во-первых, термин «доказательства» в данной норме подразумевает только устные показания и не включает вещественные и иные доказательства. Во-вторых, правовая помощь, согласно этой норме, должна распространяться не только на показания, но и на обеспечение возможности получения заявлений под присягой. В-третьих, в авторской интерпретации ст. 7(2)(а) может быть сформулирована не как «сбор доказательств или показаний», а как «сбор показаний или заявлений под присягой».

Формулировка ст. 7(2)(b) в русском варианте Конвенции 1988 г., на наш взгляд, так же нуждается в изменении. Согласно официальному тексту на русском языке этой статьи взаимная правовая помощь может запрашиваться, в том числе, с целью «ознакомления с материалами судебного разбирательства». По-нашему же мнению, в этой норме речь идет о таком важном процессуальном действии, как вручении судебных документов на территории иностранного государства, а не о «простом» ознакомлении с ними. Данный вывод можно сделать на основании не только сопоставления разных языковых версий Конвенции 1988 г., но и сравнения рассматриваемой нормы с аналогичными положениями Европейской конвенции о взаимной помощи 1959 г.³⁵⁴ Вопросам вручения судебных документов, а именно судебных повесток и постановлений, последней из упомянутых конвенций, посвящена ее статья 7, в которой детально регламентирован данный порядок. Указанная статья содержится в Главе III Европейской конвенции 1959 г., имеющей название: «Вручение судебных повесток и постановлений – явка свидетелей, экспертов и обвиняемых». Очевидно, что и в ст. 7(2)(b) Конвенции 1988 г., и в ст. 7 Европейской конвенции 1959 г. говорится об одном и том же процессуальном действии, заключающемся во вручении судебных документов, а не об «ознакомлении» с ними. Термин «ознакомление с

³⁵⁴ Европейская Конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам ETS N 030 (Страсбург, 20 апреля 1959 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 июня 2000 г. – № 23. – Ст. 2349.

материалами судебного разбирательства» не несет такой же смысловой нагрузки как «вручение судебных документов» в контексте уголовно-процессуальной формы. Более того, понятие «материалов судебного разбирательства» не сводится только к «судебным документам», но включает в себя, например, все материалы уголовного дела, которые могут и не носить процессуального характера. В то же время в официальных Комментариях 1988 г. подчеркивается, что в ст. 7(2)(b) имеются в виду «судебные документы», к которым относятся «судебные повестки свидетелям или вызовы в суд»³⁵⁵. На основании вышеизложенного, нами предлагается изменить текст ст. 7(2)(b) Конвенции 1988 г. и вместо «ознакомление с материалами судебного разбирательства» указать «вручение судебных документов».

Следует заметить, что хотя процедура вручения судебных документов специально не регламентируется в ст. 7(2)(b) Конвенции 1988 г., это не означает, что соответствующие требования отсутствуют вовсе. Представляется, что в данном случае должна действовать норма ст. 7(10)(d) Конвенции 1988 г., в которой сформулированы общие единые требования к структуре и содержанию просьбы о взаимной правовой помощи, которые должны распространяться и на просьбы о вручении судебных документов. Согласно этой норме, обращающееся с просьбой государство-участник может конкретизировать все детали процедуры, которые необходимо соблюсти при вручении. При этом в силу ст. 7(12) запрашиваемое государство-участник имеет право не исполнять просьбу в той части, где это противоречит нормам его внутреннего законодательства. Несмотря на то, что просьба о правовой помощи и выполняется в соответствии с положениями внутреннего законодательства запрашиваемого государства-участника, оно должно в максимальной степени соблюсти испрашиваемую в ней процедуру.

³⁵⁵ Комментарий к Конвенции Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г. Организация Объединенных Наций, Нью-Йорк, 1999 г. С. 164.

Положения статьи 7(2)(с) Конвенции 1988 г. предусматривают правовую помощь при производстве обысков и арестов. Делегация Нидерландов на Конференции 1988 г. предлагала формулировку, согласно которой необходимо указать, что производство обысков должно проводиться в «помещениях». Однако представители Канады обратили внимание делегатов на то обстоятельство, что использование термина «помещение» затруднит «произведение досмотров на транспортных средствах, воздушных судах, морских судах или на суше»³⁵⁶. В результате предложение Нидерландов не нашло поддержки и принятая норма не ограничивает проведение обыска только помещениями.

Сопоставление английской и французской языковых версий ст. 7(2)(с) Конвенции 1988 г. показывает несоответствие используемых формулировок в отношении правовой помощи при производстве обыска. Так, английский термин «search» охватывает как «обыск» в узком уголовно-правовом значении этого слова, так и «досмотр», имеющий широкое значение в административном праве. Французский же термин «perquisitions» по сравнению с «search» имеет более узкое значение и подразумевает только проведение обыска на основании ордера при производстве по уголовному делу. По нашему мнению, понятие «search» (обыск, досмотр) в данном случае должно толковаться ограничительно, поскольку действие ст. 7(2)(с), взятой в системной связи со ст. 7(1), распространяется только на преступления (а не правонарушения), что требует проведение обыска, а не досмотра. В свою очередь, правовая помощь по «осмотру предметов и мест» возможна на основании ст. 7(2)(d) Конвенции 1988 г. По результатам такого осмотра могут быть получены, в частности, заключения эксперта (специалиста) об отнесении исследованного вещества к категории наркотических или психотропных веществ.

³⁵⁶ Конференция Организации Объединенных Наций для принятия Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Вена, 25 ноября – 20 декабря 1988 г. Официальные отчеты, т. 1. С. 299.

В соответствии со ст. 7(2)(d) Конвенции 1988 г. одной из целей оказания правовой помощи является «предоставление информации и доказательственных предметов». Обращает на себя внимание, что положение данного подпункта пересекается по содержанию с предыдущим подпунктом и ряд делегатов Конференции 1988 г. предлагали его исключить. Тем не менее возобладало мнение, согласно которому «это положение отражает полезную форму взаимной юридической помощи, в частности, для восстановления хода правонарушений, совершенных на территории других государств, или для проверки показаний, полученных на основе опроса свидетелей»³⁵⁷.

Нормы ст. 7(2)(f) и ст. 7(2)(g) Конвенции 1988 г. закрепляют возможность оказания правовой помощи в форме предоставления информации и доказательственных предметов, а также оригиналов или заверенных копий соответствующих документов и материалов, включая банковские, финансовые, фирменные или коммерческие документы. В то же время не все страны были согласны с такой формулировкой, предлагая добавить фразу о том, что просьба должна выполняться в соответствии с внутренним законодательством запрашиваемого государства-участника. В частности, делегация Австрии на Конференции 1988 г. заявила, что если против подозреваемого не возбуждено уголовное дело, то осуществлении названных мер по оказанию взаимной правовой помощи будет затруднено³⁵⁸.

Положения ст. 7(2)(g) Конвенции 1988 г. направлены на обеспечение взаимной правовой помощи с целью определения или выявления доходов, собственности, средств или других вещей для доказательственных целей. При этом слова «или выявление» после слова «определение» были добавлены в ходе обсуждения текста настоящей статьи на Конференции 1988 г. Ее делегаты согласились с мнением, что данная редакция «будет полезной в

³⁵⁷ Конференция Организации Объединенных Наций для принятия Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Вена, 25 ноября – 20 декабря 1988 г. Официальные отчеты, т. 1. С. 126.

³⁵⁸ Конференция Организации Объединенных Наций для принятия Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Вена, 25 ноября – 20 декабря 1988 г. Официальные отчеты, т. 2. Нью-Йорк, 1991., с. 303-304.

доказательственных целях в тех случаях, когда доходы от незаконного оборота наркотиков передаются из одной страны в другую электронными средствами»³⁵⁹. Хотя установление собственности и доходов в данном случае осуществляется только в доказательственных целях, это не исключает их дальнейшую конфискацию на основании ст. 5(4)(b) Конвенции 1988 г. Запрета на осуществление конфискации вещественных доказательств, полученных в порядке названной нормы, в положениях Конвенции 1988 г. не содержится.

Таким образом, проведенный анализ положений ст. 7(1) и ст. 7(2) Конвенции 1988 г. позволяет сделать следующие выводы:

Во-первых, осуществление взаимной правовой помощи носит обязательный характер только в отношении преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, и может не оказываться в случае правонарушений, заключающихся в их хранении, приобретении или культивировании для личного потребления.

Во-вторых, взаимная правовая помощь в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств должна оказываться как на стадии доследственной проверки, так и на последующих стадиях уголовного процесса в отличие от норм Европейской конвенции о взаимной помощи в уголовных делах 1959 г., предусматривающих взаимную помощь только на судебной стадии.

В-третьих, хотя перечень действий по оказанию взаимной правовой помощи в отношении преступлений, предусмотренных ст. 3(1) Конвенции 1988 г., в ст. 7(2) носит закрытый характер, государства-участники могут использовать иные формы взаимной помощи в силу ст. 7(3) Конвенции 1988 г. Например, экспертное исследование веществ на предмет их отнесения к наркотическим средствам, установление личности и местонахождения лиц, перехват сообщений дальней связи и проведение очной ставки между обвиняемым и свидетелями.

³⁵⁹ Там же.

В соответствии с положениями ст. 7(4) Конвенции 1988 г. государства-участники «поощряют, насколько это допускается их национальным законодательством и практикой» участие лиц, которые согласны помогать в расследовании или участвовать в судебном разбирательстве, включая тех, кто находится под стражей. Из обсуждения этой нормы на Конференции 1988 г. следует, что участие названных лиц в расследовании и судебном разбирательстве направлено на представление доказательств и не может быть связано с отбывтием наказания³⁶⁰. Реализация этой правовой нормы обусловлена выполнением двух требований: 1) соответствие запроса о правовой помощи внутригосударственному законодательству и практике; 2) согласие заинтересованных лиц в оказании правовой помощи. При этом данная норма применяется во взаимосвязи с положениями ст. 7(18), согласно которым лицу, давшему согласие давать показания в ходе разбирательства или оказывать помощь при проведении расследования, уголовного преследования или судебного разбирательства, предоставляется «гарантия личной безопасности».

Вопреки направленности Конвенции 1988 г. на борьбу с незаконным оборотом наркотических средств, ее положения в отношении необходимости получения показаний свидетелей и экспертов в запрашиваемом государстве носят только рекомендательный характер. Причем степень «необязательности» этих положений в Конвенции 1988 г. выражена в еще большей степени, чем даже в аналогичных нормах Европейской конвенции 1959 г. Положениями последней из упомянутых конвенций устанавливается два режима получения показаний свидетелей и экспертов в ходе оказания правовой помощи запрашиваемым государством: общий и специальный. Общий порядок предусмотрен в ее статье 8, который действует в отношении свидетелей и экспертов, кому были направлены повестки. В случае неявки они

³⁶⁰ United Nations Conference for the Adoption of a Convention against Illicit Traffic in Narcotic Drugs and Psychotropic Substances. Vienna, 25 November-22 December 1988. Official Records, vol. II. E/CONF.82/16/Add.1. New York, 1991. P. 40.

не могут быть подвергнуты какому-либо наказанию и в их отношении не могут быть применены никакие меры пресечения. Специальный режим действует в ситуации, когда запрашивающее государство в соответствии со ст. 10 указывает в запросе, что личная явка свидетеля или эксперта является «особенно необходимой». В этом случае названные лица также не могут быть подвергнуты наказанию, но для обеспечения их явки создается стимул финансового характера в форме выплаты аванса за счет запрашивающего государства. Отсутствие такого финансового стимула в положениях Конвенции 1988 г. не способствует, на наш взгляд, достижению одной из основных ее целей, заключающуюся в повышении эффективности борьбы с незаконным оборотом наркотических средств.

В отношении исполнения запросов в ст. 7(12) Конвенции 1988 г. сформулирована общая норма, согласно которой просьба выполняется в соответствии с национальным законодательством запрашиваемой стороны и в той мере, в какой это не противоречит национальному законодательству этой стороны. Однако в этом отношении в ст. 7(5) предусматривается специальная норма, являющаяся исключением из названного общего правила, в силу которой сторона не должна отказываться от предоставления правовой помощи, ссылаясь на банковскую тайну. Действительно, в силу в ст. 7(20) Конвенции 1988 г. стороны могут заключать двусторонние и многосторонние договоры для достижения целей этой статьи на практике. При этом согласно ст. 7(6) положения рассматриваемой статьи не влияют на обязательства, вытекающие из этих договоров. Представляется все же, что изменение обязательств, установленных Конвенцией 1988 г., возможно за счет их расширения, но не ограничения. Примером запрета такого изменения обязательств служит рассматриваемая норма ст. 7(5) в отношении банковской тайны, которая демонстрирует ее приоритет над нормами ст. 7(12) и ст. 7(20) в случае, когда национальное законодательство или договор о взаимной правовой помощи позволяет использовать банковскую тайну как основание отказа в ее осуществлении. Иное толкование названных положений

Конвенции 1988 г. в отношении правовой помощи привело бы к возможности их произвольной отмены путем заключения автономных (двусторонних и многосторонних) договоров между государствами-участниками.

Как отметил представитель Боливии на Конференции 1988 г.: «Одна из отличительных черт новой конвенции заключается в том, что в ней делается попытка выработать нормы выявления и конфискации средств, полученных в результате правонарушений, связанных с незаконным оборотом наркотиков»³⁶¹. Однако «выявление огромного количества финансовых средств, которыми во всем мире оперируют преступники, связанные с незаконным оборотом наркотиков, представляется сложным»³⁶². Одним из препятствий на этом пути является то обстоятельство, что «банки хранят тайну в отношении счетов клиентов»³⁶³.

Приведенное мнение делегата из Боливии отражает позицию большинства делегатов Конференции 1988 г., проголосовавших против признания норм о сохранении банковской тайны как основания отказа в предоставлении правовой помощи при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств. В этой связи нормы ст. 7(5) Конвенции 1988 г. выполняют важную функцию по выявлению доходов, полученных в результате совершения преступлений, предусмотренных ст. 3(1), которые в дальнейшем могут быть конфискованы в порядке, установленным ст. 5.

Важнейшую роль в сфере предоставления взаимной правовой помощи играют центральные органы государств-участников, специально предназначенные для той цели. В ходе обсуждения этого вопроса на Конференции 1988 г. высказывались различные точки зрения ее делегатами.

³⁶¹ Конференция Организации Объединенных Наций для принятия Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Вена, 25 ноября – 20 декабря 1988 г. Официальные отчеты, т. 2. Нью-Йорк, 1991., с. 307.

³⁶² Конференция Организации Объединенных Наций для принятия Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Вена, 25 ноября – 20 декабря 1988 г. Официальные отчеты, т. 2. Нью-Йорк, 1991., с. 307.

³⁶³ Там же.

Одни делегаты выступали за создание единого органа с исключительной компетенцией в области исполнения запросов о правовой помощи, другие – предлагали предусмотреть возможность передачи данных полномочий нескольким органам³⁶⁴. Необходимость создания нескольких органов по предоставлению правовой помощи обосновывалась рядом делегатов объективной потребностью в случае федеративного устройства власти в государстве-участнике³⁶⁵. В результате была принята редакция ст. 7(8) Конвенции 1988 г., предусматривающая назначение органа или органов, которые обязаны выполнять просьбы об оказании взаимной правовой помощи. Тем самым нормы ст. 7(8) Конвенции 1988 г. в отношении организации процесса исполнения запросов о правовой помощи аналогичны нормам ст. 35(е) Конвенции 1961 г., согласно которым передача юридических документов в международном порядке производится органам, указанным государствами-участниками. Органы государства-участника, уполномоченные принимать запросы о правовой помощи, должны выполнить их или передать на исполнение соответствующим компетентным органам. Если государство-участник требует использование дипломатических каналов, то просьба о предоставлении правовой помощи должна направляться Министерству иностранных дел запрашиваемого государства.

Информация об органах, исполняющих запросы о правовой помощи, должна быть доведена до сведения секретариата ООН. Положения ст. 7(8) предусматривают непосредственное взаимодействие между уполномоченными органами государств-участников в ходе реализации правовой помощи. В случае чрезвычайных обстоятельств просьбы о правовой помощи и сообщения могут направляться по каналам Международной организации уголовной полиции. Делегация Китая на Конференции 1988 г. обратила внимание на «все более важную роль, которую играет

³⁶⁴ Конференция Организации Объединенных Наций для принятия Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Вена, 25 ноября – 20 декабря 1988 г. Официальные отчеты, т. 1. E/CONF.82/16/Add.1. Организация Объединенных Наций, Нью-Йорк. 1994, с. 123.

³⁶⁵ Там же.

Международная организация уголовной полиции (МОУП/Интерпол) в борьбе с международной торговлей наркотиками»³⁶⁶. При этом было подчеркнуто, что система связи и архивы МОУП/Интерпол являются эффективным средством международного сотрудничества и должны дальше расширяться³⁶⁷. Указание на возможность, а не на обязанность, обращения в Интерпол при чрезвычайных обстоятельствах связано с тем, что не все государства-участники являются членами данной организации.

В отношении использования дипломатических каналов для передачи просьб о помощи в уголовных разбирательствах среди делегатов Конференции 1988 г. не было единой позиции. По мнению ряда делегатов, «использование дипломатических каналов будет способствовать поступлению просьбы в компетентную службу и обеспечит надежные средства для перевода и почтовых операций»³⁶⁸. Другие же участники считали, что обязательство осуществлять связь по дипломатическим каналам, напротив, будет препятствовать международному сотрудничеству. Согласно их точке зрения непосредственная связь между назначенными органами будет более быстрой и эффективной, так как «маленькие страны имеют как правило ограниченную сеть дипломатического представительства»³⁶⁹ и «не во всех регионах дипломатические каналы функционируют удовлетворительно»³⁷⁰. Третьи, в свою очередь, отмечали, что «в данном вопросе необходимо проявлять гибкость» и государства-участники «должны иметь выбор при определении каналов связи»³⁷¹. В результате дискуссии возобладала последняя точка зрения и за основу было взято положение, как отмечалось выше, сформулированное в ст. 35(е) Единой конвенции 1961 г., согласно которому передача

³⁶⁶ Конференция Организации Объединенных Наций для принятия Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Вена, 25 ноября – 20 декабря 1988 г. Официальные отчеты, т. 2. Нью-Йорк, 1991., с. 312.

³⁶⁷ См.: там же.

³⁶⁸ Конференция Организации Объединенных Наций для принятия Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Вена, 25 ноября – 20 декабря 1988 г. Официальные отчеты, т. 1. E/CONF.82/16/Add.1. Организация Объединенных Наций, Нью-Йорк, 1994, с. 124.

³⁶⁹ Там же.

³⁷⁰ Там же.

³⁷¹ Там же.

юридических документов может производиться как органам, указанным сторонами, так и по дипломатическим каналам.

Важной формой взаимной правовой помощи в рассматриваемой сфере можно считать принятие мер по осуществлению ареста и конфискации. В соответствии со ст. 37 Единой конвенции 1961 г. наркотические средства, вещества и предметы оборудования, связанные с совершением наркопреступлений, должны быть конфискованы или на них может быть наложен арест. В тексте Конвенции 1988 г. используется формулировка «подлежат наложению ареста и конфискации», которая вызвала дискуссию между делегатами Конференции 1988 г. В английском языковом варианте этой статьи используется словосочетание «shall be liable for seizure and confiscation», которое может быть истолковано двояко. Во-первых, это может означать обязанность государства-участника наложить арест или конфисковать наркотические средства, вещества и предметы оборудования. Во-вторых, данное выражение может подразумевать обязанность государства-участника только создать условия для названных действий, наделив соответствующей компетенцией его судебные или иные органы. Представитель ФРГ заметил, что данное положение обязывает государство-участника автоматически наложить арест или произвести конфискацию, в то время как смысл нормы заключается в обязывании государств только создать необходимые для этого условия³⁷². Данная точка зрения нашла поддержку также среди представителей Франции, Мексики и Югославии³⁷³. С такой позицией были не согласны делегаты из Великобритании, Дании и США, считавшие, что рассматриваемое положение не создает обязательства по наложению ареста и конфискации. Представитель Великобритании привел пример, когда иное толкование нормы приведет к конфискации автомобиля, принадлежащего добросовестному владельцу, в случае его кражи и

³⁷² См.: Конференция Организации Объединенных Наций для принятия Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Вена, 25 ноября – 20 декабря 1988 г. Официальные отчеты, т. 2. Нью-Йорк, 1991., с. 246.

³⁷³ См.: там же, с. 245-246.

использования для транспортировки наркотиков. Делегат из США указал на существенную разницу между понятием “shall be liable for seizure” (подлежит аресту) и “shall be seized” (должен быть арестован). Им отмечалось, что в первом случае решение о возможности ареста принимается судом, а во втором – речь идет о внесудебном аресте³⁷⁴. Юридический советник Конференции 1961 г. высказал мнение, согласно которому данная норма адресована в первую очередь странам, не имеющим национального законодательства, предусматривающего арест и конфискацию. В таком случае эти страны обязаны принять соответствующее законодательство. В ином случае текст этой нормы, на его взгляд, устанавливает, что суд должен конфисковать собственность, на которую был наложен арест, если было установлено, что она предназначалась для совершения преступления³⁷⁵.

По нашему мнению, выявление связи между преступником и доходом, полученным в результате совершения им преступления, помогает достичь две цели: 1) разоблачить преступника; 2) конфисковать доход в пользу государства. Задача преступника – скрыть преступное происхождение доходов (отмывание), а правоохранителей – установить его. Представляется, что одну из основных ролей в отмывании преступных доходов играют офшорные юрисдикции, охраняющие банковскую тайну.

Хотя Конвенция 1988 г. вводит конфискацию доходов, полученных в результате незаконного оборота наркотических средств, и устанавливает уголовную ответственность за отмывание денег, ее положения применяются только в отношении наркопреступлений. С момента принятия Конвенции 1988 г. список предикатных преступлений, отмывание доходов от которых является преступным, в значительной степени расширился. В 2003 г. Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) приняла рекомендации о включении всех серьезных преступлений в список предикатных

³⁷⁴ См.: Конференция Организации Объединенных Наций для принятия Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Вена, 25 ноября – 20 декабря 1988 г. Официальные отчеты, т. 2. Нью-Йорк, 1991., с. 246.

³⁷⁵ См.: там же.

преступлений для целей уголовного наказания за отмывание доходов, полученных в результате их совершения. В этой связи отмывание доходов, связанных с наркопреступлениями, включает в себя следующие два компонента: 1) наличие доходов, полученных в ходе совершения наркопреступлений; 2) сокрытие этих доходов. Как отмечает Крэнстон, сокрытие, в большинстве случаев, заключается в переводе денежных средств в другое государство, законодательство которого обеспечивает сохранение банковской тайны. В этой связи оффшорные финансовые центры препятствуют установлению преступного происхождения отмываемых денежных средств, что в свою очередь приводит к невозможности их конфискации³⁷⁶.

Несмотря на очевидную целесообразность конфискации доходов, полученных в результате незаконного оборота наркотических средств, некоторые авторы высказывают мнение о нарушении норм Европейской конвенции по правам человека данной мерой. Так, Дж. Ли в своей работе, посвященной организованной преступности в сфере незаконного оборота наркотических средств, заявляет, что «конфискация нарушает права человека, особенно право на уважение своей собственности и частной жизни»³⁷⁷. С таким утверждением трудно согласиться, поскольку названные права не являются абсолютными в контексте прецедентной практики Европейского суда по правам человека и могут быть ограничены при определенных обстоятельствах. Действительно, как указывается в деле *Marckx v. Belgium*³⁷⁸ имущество по смыслу ст. 1 Протокола № 1 к Европейской конвенции по правам человека не ограничивается физическими объектами, но должно иметь экономическую стоимость. При этом в деле *Sporrong and Lonnroth v. Sweden*³⁷⁹

³⁷⁶ См.: R. Cranston, *Principles of Banking Law*, Oxford: Oxford University Press, 2003, p. 70.

³⁷⁷ J. Lea, 'Hitting criminals where it hurts: organised crime and the erosion of due process', *Cambrian Law Review* 35, 2004, p. 82.

³⁷⁸ *Case of Marckx v. Belgium* (Application no. 6833/74). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://hudoc.echr.coe.int/?i=001-57534> (дата обращения: 05.09.2025)

³⁷⁹ *Case of Sporrong and Lonnroth v. Sweden* (Application no. 7151/75; 7152/75). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57580> (дата обращения: 05.09.2025)

были сформулированы основные принципы в отношении соблюдения права собственности в контексте названной нормы. Во-первых, каждый имеет право беспрепятственно пользоваться своей собственностью. Во-вторых, лицо может быть лишено собственности только в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права. В-третьих, государства-участники имеют право контролировать использование собственности в соответствии с интересами общества, вводя такие законы, которые они считают необходимыми для этой цели. Хотя право собственности, гарантированное ст. 1 Протокола № 1 ЕКПЧ, носит фундаментальный характер, оно может быть ограничено, в частности, в случае конфискации доходов, полученных в результате совершения преступлений в области незаконного оборота наркотических средств.

Тем не менее остается дискуссионным вопрос о границах применения процедуры конфискации доходов, которые были, как предполагается, получены в ходе совершения наркопреступлений. Вильямс и Савона в своей работе подробно исследуют проблему определения видов собственности, которые могут быть конфискованы в рассматриваемой ситуации. Они приходят к выводу, что любая собственность и доходы, которые непосредственно были получены при совершении преступления, а также использовались для этого, включая землю и строения, или предполагалось, что будут использоваться, подлежат конфискации. При этом для конфискации преступных доходов необходимо доказать, что они были получены в период совершения преступления, а не в результате законной деятельности³⁸⁰. Хотя данные авторы и заявляют о необходимости защиты права собственности физических и юридических лиц, за рамками исследования остается вопрос о применяемых доказательственных стандартах при отнесении дохода третьих лиц к результатам преступной деятельности.

³⁸⁰ P. Williams and E.U. Savona (eds.), *The United Nations and Transnational Organized Crime*, London: Frank Cass & Co Ltd, 1996, p. 56.

Прецедентная практика Европейского суда по правам человека высвечивает различные грани проблемы соотношения права каждого на уважение своей собственности, с одной стороны, и необходимости ее конфискации при определенных условиях в интересах общества – с другой. В деле *Saccoccia v. Austria*³⁸¹ заявитель, который был осужден в США на 660 лет лишения свободы за отмывание дохода, полученного от незаконного оборота наркотиков, жаловался на нарушение ст. 1 Протокола № 1 к ЕКПЧ. Перед этим суды США просили австрийские власти наложить арест на денежные средства заявителя для представления их как доказательства и на условиях, что эти средства не будут возвращены в Австрию по окончании судебных разбирательств. Для этого американский суд представил в Австрию постановление о конфискации доходов заявителя, которое было исполнено. Заявитель жаловался, что его право собственности было нарушено, так как он был законным владельцем этих денежных средств и не было законных оснований для их изъятия. Его жалоба была отклонена на том основании, что конфискация преследовала законную цель, заключающуюся в «укреплении международного сотрудничества в противодействии незаконному обороту наркотических средств, направленному на практическое изъятие преступных доходов»³⁸². ЕСПЧ постановил, что право собственности заявителя по ст. 1 Протокола № 1 к ЕКПЧ не было нарушено, а процедура проведения конфискации соответствовала принципам пропорциональности и состязательности.

Наложение ареста на преступный доход в качестве превентивной меры в отношении незаконного оборота наркотических средств также не рассматривается ЕСПЧ как нарушение ст. 1 Протокола № 1 к ЕКПЧ. В деле *Butler v. UK*³⁸³ постановление об аресте суммы в 239 010 фунтов стерлингов

³⁸¹ Case of *Saccoccia v. Austria* (Application no. 69917/01). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://hudoc.echr.coe.int/?i=001-90342> (дата обращения: 05.09.2025)

³⁸² Case of *Saccoccia v. Austria* (Application no. 69917/01), para. 87 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://hudoc.echr.coe.int/?i=001-90342> (дата обращения: 05.09.2025)

³⁸³ *Butler v. the United Kingdom* (Application no. 41661/98). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://hudoc.echr.coe.int/?i=001-22577> (дата обращения: 05.09.2025)

было принято в соответствии со ст. 43(1) Закона Великобритании «О борьбе с торговлей наркотиками» магистратским судом. Основанием для принятия данного постановления стали подозрения сотрудников таможенной службы, что денежные средства заявителя, прямо или косвенно, могли быть получены в результате его участия в незаконном обороте наркотиков и предназначались для дальнейшего использования в преступной деятельности. В июне 1997 года магистратский суд вынес постановление о конфискации данной суммы, отметив, что банкноты содержали следы каннабиноидов и среди них было множество шотландских купюр, которые обычно применяются торговцами наркотиков для финансирования операций за границей. Заявитель считал, что наложение ареста на его денежные средства и их последующая конфискация нарушили ст. 1 Протокола № 1 к ЕКПЧ, поскольку его вина в совершении наркопреступления обосновывалась только косвенными доказательствами. ЕСПЧ постановил, что изъятие и последующая конфискация денег заявителя действительно приравниваются к вмешательству государства в реализацию человеком права беспрепятственно пользоваться своим имуществом. Однако заявитель был лишен своих денег в результате издания постановления об их конфискации, поэтому данный акт «может быть рассмотрен с точки зрения права государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами»³⁸⁴.

Анализируя приведенное решение ЕСПЧ с точки зрения соответствия положений антинаркотических конвенций ООН в отношении ареста денежных средств и иного имущества нормам Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, нами могут быть сделаны следующие замечания.

³⁸⁴ Butler v. the United Kingdom (Application no. 41661/98). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://hudoc.echr.coe.int/?i=001-22577> (дата обращения: 05.09.2025)

Во-первых, наложение ареста на денежные средства и иное имущество представляет собой вмешательство государства в право беспрепятственно пользоваться своим имуществом по смыслу ст. 1 Протокола № 1. К такому выводу ЕСПЧ приходит в результате применения принципа автономного толкования положений национального законодательства с точки зрения норм ЕКПЧ. В этом аспекте нормы ст. 5 и ст. 7 Конвенции 1988 г. также представляют собой вмешательство в право собственности, поскольку они имплементированы в национальное законодательство государств-участников антинаркотических конвенций ООН.

Во-вторых, государства-участники ЕКПЧ в силу действия принципа «свободы усмотрения» (*margin of appreciation*) имеют право обеспечивать выполнение таких законов, какие им представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами. Арест и последующая конфискация денежных средств, предположительно связанных с торговлей наркотиками, отвечают общим интересам государств-участников как ЕКПЧ, так и Конвенции 1988 г., заключающимся в противодействии незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ.

В-третьих, наложение ареста и последующая конфискация денежных средств, предположительно связанных незаконным оборотом наркотических средств, без вынесения обвинительного приговора не нарушают ст. 1 Протокола № 1 ЕКПЧ и ст. 5 Конвенции 1988 г. Перенос бремени доказывания законности происхождения арестованных денежных средств на лиц, у которых они обнаружены, также не является нарушением названных положений. При этом даже в уголовном процессе перенос бремени доказывания на сторону защиты не является нарушением положений ЕКПЧ (*Condron v. the United Kingdom*, no. 35718/97, § 56, ECHR 2000-IX). Тем самым возможно применение института конфискации «*in rem*», заключающегося в том, что суд может принимать решение о конфискации в доход государства денежных средств, которые обнаружены у лица и есть достаточные данные полагать, что

эти средства получены в результате наркоторговли. Обязанность по доказыванию законности происхождения денежных средств при этом может быть возложена на их собственника.

В отношении последнего замечания можно привести дополнительные аргументы в его пользу, которые можно найти в приведенных выше делах. Так, ЕСПЧ не случайно в деле *Butler v. UK* вместо термина «confiscation» использует термин «forfeiture». Хотя оба термина могут использоваться как синонимы, употребление «forfeiture» характерно для права США, где оно обозначает «гражданско-правовую конфискацию» (*in rem*), не связанную с вынесением обвинительного приговора. Используя в своем решении термин «forfeiture» ЕСПЧ тем самым подчеркивает, что в данном случае речь идет о конфискации, не связанной с предъявлением уголовного обвинения.

Таким образом, по итогам рассмотрения вопроса о порядке проведения международной правовой помощи государствами-участниками антинаркотических конвенций ООН нами могут быть сделаны следующие выводы.

Во-первых, исследование системного взаимодействия между национальным и международным уровнями правового регулирования в рамках комплексного правового института взаимной помощи позволит повысить эффективность противодействия незаконному обороту наркотических средств правовыми средствами. Учет комплексного характера связей между внутригосударственными и международными нормами в механизме правового регулирования оказания взаимной правовой помощи будет способствовать достижению их гармонизации в рамках правовых систем государств-участников антинаркотических конвенций ООН.

Во-вторых, осуществление взаимной правовой помощи носит обязательный характер только в отношении преступлений, перечисленных в ст. 3(1) Конвенции 1988 г., т.е. связанных с незаконным оборотом наркотических средств. Оказание взаимной правовой помощи при расследовании деяний, связанных с хранением, приобретением или

культивированием наркотических средств для личного потребления носит диспозитивный характер.

В-третьих, нормы конвенций ООН о взаимной правовой помощи в области противодействия незаконному обороту наркотиков охватывают не только стадию предварительного расследования, но и все последующие этапы уголовного процесса. Это отличает их от положений Европейской конвенции о взаимной помощи в уголовных делах 1959 года, которые распространяются исключительно на судебную стадию. Такое расширение сферы взаимной правовой поддержки в уголовных делах как элемента международного сотрудничества объясняется необходимостью усиления совместных усилий государств-участников в борьбе с оборотом наркотических средств и психотропных веществ.

В-четвертых, хотя перечень действий по оказанию взаимной правовой помощи в отношении преступлений, предусмотренных ст. 3(1) Конвенции 1988 г., в ст. 7(2) носит закрытый характер, государства-участники могут использовать иные формы взаимной помощи, такие как экспертное исследование веществ на предмет их отнесения к наркотическим средствам, установление личности и местонахождения лиц, перехват сообщений дальней связи и проведение очной ставки между обвиняемым и свидетелями.

В-пятых, положения антинаркотических конвенций ООН, позволяющие осуществлять арест и конфискацию имущества, предположительно связанных незаконным оборотом наркотических средств и без вынесения обвинительного приговора не нарушают ст. 1 Протокола № 1 к Европейской конвенции о защите прав человека. Возложение бремени доказывания законности происхождения данного арестованного имущества на лиц, у которых оно обнаружено, не может считаться нарушением ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, международный характер преступности в области незаконного оборота наркотических средств и сходных с ними веществ актуализировал необходимость повышения эффективности международного сотрудничества в уголовно-правовой сфере. Значительный вклад в развитие данного сотрудничества внесли антинаркотические конвенции ООН: Единая конвенция о наркотических средствах 1961 г., Конвенция о психотропных веществах 1971 г. и Конвенция о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г.

Нормы указанных конвенций послужили фундаментом для построения международной системы противодействия незаконному обороту наркотических средств через призму национального уголовного права и в контексте международного сотрудничества; в рамках диссертационного исследования выделяются специфические признаки этой системы, которые отличают её от аналогичной системы, применяемой к основным международным преступлениям: 1) наркопреступления международного характера непосредственно устанавливаются национальным уголовным правом; 2) уголовная ответственность физических лиц, совершивших наркопреступления международного характера, наступает на основании норм национального уголовного права; 3) отсутствует международная юрисдикция в отношении транснациональных наркопреступлений, а действует экстратерриториальная юрисдикция или производится экстрадиция; 4) дела в отношении лиц, совершивших наркопреступления международного характера, рассматривают национальные, а не международные суды или трибуналы *ad hoc*. Дуалистический характер международных наркопреступлений проявляется в их двойной привязке как к нормам международного, так и к национального уголовного права; в то время как ключевые признаки таких преступлений закрепляются в универсальных международных договорах в форме уголовно-правовых конвенций, окончательная конкретизация составов преступлений осуществляется через

национальные уголовные кодексы государств, являющихся участниками соответствующих конвенций.

Существенные различия между национальными правовыми системами государств-участников, вызванные особенностями их социально-экономического, культурно-исторического и правового развития, обусловили необходимость гармонизации внутригосударственных уголовно-правовых норм при осуществлении международного сотрудничества в рассматриваемой сфере. В диссертации делается вывод о том, что средством такой гармонизации выступают защитительные оговорки, согласованные представителями государств-участников в ходе конференций по принятию антинаркотических конвенций ООН. Защитительные оговорки о конституционных положениях, основных принципах национальных правовых систем и внутреннем законе являются механизмом обеспечения международного сотрудничества государств-участников в противодействии транснациональной наркопреступности.

По мнению автора, необходимо различать такие понятия, как «унификация», «конвергенция» и «гармонизация» уголовно-правовых норм, касающихся незаконного оборота наркотических средств; при этом унификация характеризуется наибольшей степенью единообразия правового регулирования и наглядно проявляется, например, в согласованности перечня умышленных деяний, составляющих незаконный оборот наркотических средств, который закреплён в пп. 1-3 Конвенции 1988 г. о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Конвергенция означает сближение уголовно-правовых норм на основании вводимых минимальных требований, примером чего может служить норма ст. 36(1)(а) Единой конвенции о наркотических средствах 1961 г. Согласно данной норме серьезные наркопреступления должны наказываться тюремным заключением или иным способом лишения свободы. При этом определение способов и срока лишения свободы государства-участники могут осуществлять в своем уголовном законодательстве по своему усмотрению.

Гармонизация уголовно-правового регулирования в сфере незаконного оборота наркотиков, по мнению автора, направлена на устранение противоречий и конфликтов между уголовно-правовыми нормами государств-участников антинаркотических конвенций ООН. Так, ст. 3(1)(c)(iv) Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г., связанная с неоконченными наркопреступлениями и формами соучастия, применяется с учетом защитительной оговорки об «основных принципах правовой системы». Применение данной оговорки позволило избежать противоречий, прежде всего, между странами общего и континентального права, в которых принципы криминализации неоконченных преступлений и форм соучастия значительно отличаются.

В работе сделан вывод о том, что поскольку в международном уголовном праве отсутствуют как обычные, так и договорные нормы, обязывающие государства при описании международных преступлений опираться на строго определенную теорию структуры преступления, то используется наиболее распространенные национальные правовые концепции. Учение об *actus reus* и *mens rea*, получившее свое развитие в странах общего права, широко применяется при формулировании составов конвенционных наркопреступлений, что подтверждается как материалами конференций по принятию антинаркотических конвенций, так и официальными комментариями ООН по толкованию их положений.

По итогам анализа норм антинаркотических конвенций ООН, связанных с установлением экстратерриториальной юрисдикции, автор пришел к следующим выводам. Во-первых, положения Конвенции 1961 г. предусматривают установление юрисдикции преимущественно на основании принципа территориальности, позволяя в ограниченном числе случаев руководствоваться принципом субсидиарной универсальности. При этом установление юрисдикции на основании принципа субсидиарной универсальности обуславливается возможностью применения защитительной оговорки. Рекомендательный характер юрисдикционных норм Конвенции

1961 г. не способствовал повышению эффективности борьбы с незаконным оборотом наркотических средств. Во-вторых, основное достижение Конвенции 1971 г. заключалось в расширении сферы правового регулирования за счет включения психотропных веществ. Однако нормы, посвященные установлению и осуществлению юрисдикции, претерпели мало изменений по сравнению с Конвенцией 1961 г., так как основывались на принципе территориальности. Расширение территориальной юрисдикции возможно на основании обязательства «*aut dedere aut judicare*», применяющегося с учетом конституционных ограничений, особенностей правовой системы и основных правовых принципов государств-участников. В-третьих, правовое регулирование вопросов установления и осуществления юрисдикции получило свое развитие в Конвенции 1988 г. Государства-участники получили возможность устанавливать юрисдикцию в отношении преступлений: 1) совершенных их гражданами или лицами, постоянно проживающими на их территории; 2) на борту судна за пределами территориального моря; 3) являющихся сговором за пределами их территорий с целью осуществления преступных деяний на их территории. В то же время Конвенция 1988 г., признавая различные концептуальные основания для установления юрисдикции, не содержит норм, предусматривающих способ разрешения конфликта юрисдикций. В Конвенции 1988 г. не нашли своего разрешения два конфликтующих подхода стран континентального и общего права в отношении применения обязательства «*aut dedere aut judicare*» при установлении экстратерриториальной юрисдикции.

В ходе рассмотрения процедуры выдачи автор пришел к заключению, согласно которому положения Конвенции 1988 г. в отношении экстрадиции представляли собой шаг вперед по сравнению с аналогичными нормами Единой конвенции 1961 г. и Конвенции 1972 г. Одним из основных направлений повышения эффективности процедуры выдачи являлась попытка достижения компромисса между государствами-участниками, которые возражают против экстрадиции своих граждан, и теми, законодательство

которых не запрещает их выдачу. Основу такого баланса составляло формирование правового механизма выдачи, не нарушающего фундаментального принципа международного права – принципа государственного суверенитета. В то же время несмотря на инновации в сфере экстрадиции, такие, например, как возможность передачи осужденных другому государству для отбывания наказания в виде лишения свободы, некоторые вопросы остались неурегулированными. Так, была сохранена оговорка о политических правонарушениях, отсутствует обязательство в выдаче собственных граждан, сохранен принцип двойной криминальности в отношении всех правонарушений, предусмотренных Конвенцией 1988 г.

В результате анализа дискуссии между представителями широкого и узкого подходов к определению международной правовой помощи по уголовным делам, автор считает целесообразным рассмотреть взаимной правовой помощи как комплексного правового института, акцентируя внимание на соотношении норм национального и международного права в правовом регулировании исполнения запросов. Необходимость такого подхода обосновывается комплексным характером механизма правового регулирования общественных отношений, складывающихся в ходе противодействия незаконному обороту наркотических средств, охватывающим как внутригосударственный, так и международный уровни их функционирования. Автор констатирует, что без учета системного характера связей между внутригосударственными и международными нормами в механизме правового регулирования оказания взаимной правовой помощи невозможно достичь их гармонизации в условиях правовых систем государств-участников антинаркотических конвенций ООН.

В работе делается вывод о том, что осуществление взаимной правовой помощи носит обязательный характер только в отношении преступлений, перечисленных в ст. 3(1) Конвенции 1988 г., т.е. связанных с незаконным оборотом наркотических средств. Оказание взаимной правовой помощи при расследовании деяний, связанных с хранением, приобретением или

культивированием наркотических средств для личного потребления носит диспозитивный характер.

Диссертант приходит к заключению согласно которому положения конвенций ООН о взаимной правовой помощи в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств распространяются как на стадию доследственной проверки, так и на последующие стадии уголовного процесса, что отличает их от норм Европейской конвенции о взаимной помощи в уголовных делах 1959 г., предусматривающих взаимную помощь только на судебной стадии. Такое расширение области взаимной правовой помощи по уголовным делам как одного из направлений международного сотрудничества обусловлено, по мнению автора, необходимостью усиления борьбы государств-участников с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ.

Оценивая положения антинаркотических конвенций ООН о возможности ареста и конфискации имущества без вынесения обвинительного приговора, автор приходит к выводу, что они не нарушают ст. 1 Протокола № 1 к Европейской конвенции о защите прав человека. Государства-участники данной конвенции в силу действия принципа «свободы усмотрения» имеют право обеспечивать выполнение таких законов, какие им представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами. Арест и последующая конфискация денежных средств, предположительно связанных с торговлей наркотиками, отвечают, по мнению автора, общим интересам государств-участников как Европейской конвенции о защите прав человека, так и антинаркотических конвенций ООН, заключающимся в противодействии незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ. При этом возложение в соответствии со ст. 5(7) Конвенции 1988 г. бремени доказывания законности происхождения данного арестованного имущества на лиц, у которых оно обнаружено, соответствует принципам соразмерности и

состязательности в контексте ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека.

Результаты проведенного диссертационного исследования свидетельствуют о перспективности дальнейших научных исследований в данной области. Представляется продуктивным изучение вопроса о возможности включения контекстуального элемента в состав преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, имеющим международный характер. По аналогии с конструкцией составов основных международных преступлений в Римском Статute объективная сторона состава международных наркопреступлений может быть дополнена обязательным контекстуальным элементом. Данный контекстуальный элемент применительно к наркопреступлениям международного характера может характеризоваться следующими признаками: 1) наркопреступление совершено более чем в одном государстве; 2) наркопреступление совершено в одном государстве, но предварительная преступная деятельность осуществлялась в другом государстве; 3) наркопреступление совершено в одном государстве, но последствия возникли в другом. Введение такого дополнительного признака позволило бы дифференцировать наркопреступления внутригосударственного и международного характера, что способствовало бы достижению большей гармонизации международно-правового регулирования в рассматриваемой сфере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Универсальные и региональные Международные договоры

1. Венская конвенция о праве международных договоров [Принята в Вене 23 мая 1969 г.] [Электронный ресурс] // Сайт ООН. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml
2. Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года с поправками, внесенными в нее в соответствии с Протоколом о поправках к Единой конвенции о наркотических веществах 1961 года // Сайт ООН. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/single1961.pdf
3. Конвенция о психотропных веществах // Сайт ООН. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/substances1971.pdf
4. Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ // Сайт ООН. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/illicit_drugs.ppd
5. Европейская Конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам ETS N 030 (Страсбург, 20 апреля 1959 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 июня 2000 г. – № 23. – Ст. 2349.
6. Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS N 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.) [с изм. и доп. от 21 сентября 1970 г., 20 декабря 1971 г., 1 января 1990 г., 6 ноября 1990 г., 11 мая 1994 г.]. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – №20. – Ст. 2143.
7. Конвенция об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности (СЕД N 141). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rm.coe.int/168007bd4a>
8. Устав Организации Объединенных Наций (с изменениями на 16 сентября 2005 года) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций,

заключенных СССР с иностранными государствами. – Вып. XII. – М., 1956. – С. 14 – 47.

Двусторонние международные договоры

9. Соглашение между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Министерством внутренних дел Туркменистана о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотиков и психотропных веществ. [Электронный документ] // СПС Гарант. - Режим доступа: <https://base.garant.ru/1345032/888134b28b1397ffae87a0ab1e117954/>
10. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Ирландии о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ и их злоупотреблением (Москва, 15 сентября 1999 г.). [Электронный документ] // Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. - Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/47053/
11. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в борьбе против незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. [Электронный документ] // Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. - Режим доступа: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=11&nd=203001265&collectio
12. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. [Электронный документ] // Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. - Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/47010/

13. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о сотрудничестве в борьбе против незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и злоупотребления ими (Алматы, 12 октября 1998 г.). [Электронный документ] // Информационно-правовая система Республики Казахстан «Әділет». - Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P990000768_
14. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Мальта о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ и их злоупотреблением (21 апреля 1993 г.). [Электронный документ] // Сайт Правительства Республики Мальта. - Режим доступа: <https://foreign.gov.mt/treaty/russia-agreement-between-government-of-malta-and-government-the-russian-federation-on-cooperation-in-combating-against-illicit-trafficking-and-abuse-of-narcotic-drugs/>
15. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан о сотрудничестве по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их злоупотреблением (Душанбе, 3 декабря 2009 г.). [Электронный документ] // СПС Гарант. - Режим доступа: <https://base.garant.ru/2568888/741609f9002bd54a24e5c49cb5af953b/>
16. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Эквадор о сотрудничестве в борьбе против незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и злоупотребления ими (13 октября 1997 г.). [Электронный документ] // СПС Гарант. — Режим доступа: <https://base.garant.ru/2555982/>
17. Соглашение между Российской Федерацией и Демократической Социалистической Республикой Шри-Ланка о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ. [Электронный документ] // Сайт Электронного фонда правовых и нормативно-

- технических документов. Режим доступа:
<https://docs.cntd.ru/document/902254039/titles/64U0IK>
18. Соглашение между Российской Федерацией и Исламской Республикой Афганистан о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров (Кабул, 16 марта 2009 г.). [Электронный документ] // Сайт Электронного фонда правовых и нормативно-технических документов. - Режим доступа:
<https://docs.cntd.ru/document/902168887>
19. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Гватемала о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и злоупотреблением ими (15 февраля 2010 г.). [Электронный документ] // Сайт Электронного фонда правовых и нормативно-технических документов. - Режим доступа:
<https://docs.cntd.ru/document/902216923>
20. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Индия о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров (Москва, 12 ноября 2007 г.). [Электронный документ] // Сайт Электронного фонда правовых и нормативно-технических документов. - Режим доступа:
<https://docs.cntd.ru/document/902076331>
21. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Никарагуа о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом и потреблением наркотических средств и психотропных веществ (Нью-Йорк, 21 сентября 2004 г.). [Электронный документ] // Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. - Режим доступа:
https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/46058/
22. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Перу о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и злоупотреблением ими (Лима, 24 ноября 2008 г.).

[Электронный документ] // Сайт Электронного фонда правовых и нормативно-технических документов. - Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/902198799>

Иные нормативные правовые акты

23. Федеральный закон О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма от 07.08.2001 N 115-ФЗ. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32834/
24. Федеральный закон О наркотических средствах и психотропных веществах от 08.01.1998 N 3-ФЗ. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17437/
25. Criminal Code of Finland [электронный ресурс], URL: https://www.legislationline.org/download/id/6375/file/Finland_CC_1889_am2015_en.pdf
26. Customs and Excise Management Act 1979, sec. 170(i). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1979/2/section/170>
27. Drug Misuse and Trafficking Act, 1985 [электронный ресурс], URL: http://classic.austlii.edu.au/au/legis/nsw/consol_act/dmata1985256/s36zd.html
28. Elements of Crimes. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.icc-cpi.int/sites/default/files/Publications/Elements-of-Crimes.pdf>
29. International Statistical Classification of Diseases and Related Health Problems 10th Revision (ICD-10)-WHO Version for 2016 [электронный ресурс], URL: <https://icd.who.int/browse10/2016/en#/F10-F19>
30. Finland Narcotics Act on 30 May 2008 [электронный ресурс], URL: https://www.finlex.fi/fi/laki/kaannokset/2008/en20080373_20140539.pdf
31. U.S. Code § 3553. Imposition of a sentence. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/3553>

32. U.S. Code § 812 - Schedules of controlled substances 2016 [электронный ресурс], URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/21/812>
33. Model Penal Code § 2.02(2). The American Law Institute. 1985. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.legal-tools.org/doc/08d77d/pdf/>
34. Model Provisions on Money Laundering, Terrorist Financing, Preventive Measures and Proceeds of Crime (for common law legal systems), 2009. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.unodc.org/documents/legal-tools/AML_Model_Provisions_Common_Law.pdf
35. Model Laws and Treaties. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.unodc.org/unodc/en/legal-tools/model-treaties-and-laws.html>
36. Narcotic Drugs Act, 1967 [электронный ресурс], URL: <https://www.legislation.gov.au/Details/C2022C00035>
37. Rome Statute of the International Criminal Court. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.icc-cpi.int/sites/default/files/2024-05/Rome-Statute-eng.pdf>
38. United State Sentencing Commission, Guidelines Manual §3E1.1 (November 2024). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ussc.gov/guidelines>
39. Типовое законодательство об отмывании денег и финансировании терроризма, 2005. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.unodc.org/documents/legal-tools/AML_MLawRussian.pdf
40. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

**Решения, документы и материалы международных органов,
организаций, конференций, форумов**

41. Конференция Организации Объединенных Наций для принятия Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Вена, 25 ноября – 20 декабря 1988 г. Официальные отчеты, т. 1.

- E/CONF.82/16/Add.1. Организация Объединенных Наций, Нью-Йорк. 1994. – 444 с.
42. Конференция Организации Объединенных Наций для принятия Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Вена, 25 ноября – 20 декабря 1988 г. Официальные отчеты, т. 2. Нью-Йорк, 1991. – 555 с.
43. Комментарий к Конвенции Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года. Совершена в Вене 20 декабря 1988 года. E/CN. 7/590. Нью-Йорк, 1999. – 411 с.
44. Окончательный доклад Рабочей группы по обязательству выдавать или осуществлять судебное преследование (*aut dedere aut judicare*). Комиссия по международному праву ООН, 66 сессия, 2014. С. 9. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://legal.un.org/ilc/reports/2014/russian/chp6.pdf>
45. U.N. Model Treaty on Extradition, Dec. 14, 1991, UNGA Res. 45/116. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.unodc.org/pdf/model_treaty_extradition.pdf
46. Obligation to extradite or prosecute (*aut dedere aut judicare*). Document A/CN.4/571. Preliminary report, by Mr. Zdzislaw Galicki, Special Rapporteur, 2006. P. 265. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://legal.un.org/ilc/documentation/english/a_cn4_571.pdf
47. United Nations Conference for the adoption of a Single Convention on Narcotic Drugs. New York – 24 January-25 March 1961. Official Records, vol. I. E/CONF.34/24. New York, 1964. P. 218.
48. United Nations Conference for the adoption of a Single Convention on Narcotic Drugs. New York – 24 January-25 March 1961. Official Records, vol. II. E/CONF.34/24/Add. 1. New York, 1964. P. 241.
49. United Nations Conference to consider amendments to the Single Convention on Narcotic Drugs, 1961. Geneva – 6-24 March 1972. Official Records, vol. I. E/CONF.63/10. New York, 1974. P. 47.

50. United Nations Conference to consider amendments to the Single Convention on Narcotic Drugs, 1961. Geneva – 6-24 March 1972. Official Records, vol. II. E/CONF.63/10/Add.1. New York, 1973. P. 203.
51. United Nations Conference for the adoption of a Protocol on Psychotropic Substances. Vienna – 11 January-19 February 1971. Official Records vol. I. E/CONF.58/7. United Nations, New York. 1973. P. 137.
52. United Nations Conference for the adoption of a Protocol on Psychotropic Substances. Vienna – 11 January-19 February 1971. Official Records vol. II. E/CONF.58/7/Add.1. United Nations, New York. 1973. P. 185.
53. United Nations Conference for the Adoption of a Convention against Illicit Traffic in Narcotic Drugs and Psychotropic Substances. Vienna, 25 November-22 December 1988. Official Records, vol. I. E/CONF.82/16. United Nations, New York, 1994. P. 221.
54. United Nations Conference for the Adoption of a Convention against Illicit Traffic in Narcotic Drugs and Psychotropic Substances. Vienna, 25 November-22 December 1988. Official Records, vol. II. E/CONF.82/16/Add.1. New York, 1991. P. 333.
55. Commentary on the Single Convention on Narcotic Drugs, 1961 (Prepared by the Secretary-General in accordance with paragraph 1 of Economic and Social Council resolution 914 D (XXXIV) of 3 August 1962). United Nations, New York, 1973. P. 489.
56. Commentary on the Protocol Amending the Single Convention on Narcotics Drugs, 1961. Done at Geneva on 25 March 1972. United Nations, New York, 1976 (E/CN.7/588). P. 81.
57. Commentary on the Convention on Psychotropic Substances. Done at Vienna on 1 February 1971. E/CN.7/589. United Nations. New York, 1976. P. 394.
58. Commentary on the United Nations Convention Against Illicit Traffic in Narcotic Drugs and Psychotropic Substances 1988. Done at Vienna on 20 December 1988. E/CN.7/590. United Nations, New York, 1998. P. 442.
59. Explanatory Report to the Council of Europe Convention on Laundering, Search, Seizure and Confiscation of the Proceeds from Crime and on the Financing of

- Terrorism. Warsaw, 16.V.2005, para 97. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rm.coe.int/16800d3813>
60. Nationality Decrees in Tunis and Morocco. Advisory Opinion (1923). PCIJ Rep Series B no 4, P. 24. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.refworld.org/jurisprudence/caselaw/pcij/1923/en/20991> (дата обращения: 02.05.2025)
61. Restatement (Third) of the Foreign Relations Law of the United States, §404. 1987. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://iow.eui.eu/wp-content/uploads/sites/28/2016/04/EU-15-Scott-Third-Restatement.pdf> (дата обращения: 04.05.2025)

Диссертации

62. Бокерия С.А. Международно-правовое сотрудничество государств в области борьбы с незаконным оборотом наркотических и психотропных веществ: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. Москва, 2006.
63. Вдовин, В.А. Имплементация международно-правовых норм в уголовном праве Российской Федерации (вопросы Общей части) : дис. ... канд. юр. наук : 12.00.08 / Вдовин Вадим Александрович. – Ульяновск, 2006. – 234 с.
64. Даниелян А.А. Международно-правовые основы сотрудничества в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков и психотропных веществ: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2006.
65. Каюмова, А.Р. Уголовная юрисдикция в международном праве: вопросы теории и практики : дис. ... д-ра юр. наук : 12.00.10 / Каюмова Альфия Револевна. – М., 2016. – 448 с.
66. Мансуров Т.Т. Правовые основы международного сотрудничества в борьбе с преступлениями международного характера: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2004.

67. Марышева Н. И. Международная правовая помощь по гражданским и уголовным делам : дис. ... д-ра юрид. наук в форме науч. докл. : 12.00.09. - М., 1996. - 407 с.
68. Реутт Б.В. Основные вопросы договоров о правовой помощи, заключенных между социалистическими государствами: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. - М., 1963.

Судебные решения

69. Об оставлении без изменения Решения Верховного Суда РФ от 10.02.2015 N АКПИ14-1432, которым отказано в удовлетворении заявления о признании недействующим абзаца третьего подпункта 2 пункта 5 Порядка расчета вознаграждения адвоката, участвующего в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда, в зависимости от сложности уголовного дела, утв. Приказом Минюста России N 174, Минфина России N 122н от 05.09.2012
70. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 ноября 2004 г. N 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем».
71. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 12.
72. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 N 14 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами»

73. *A (FC) v. Secretary of State for the Home Department*, 2005, United Kingdom House of Lords 71. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.bailii.org/uk/cases/UKHL/2005/71.html>
74. *Butler v. the United Kingdom* (Application no. 41661/98). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://hudoc.echr.coe.int/?i=001-22577>
75. *Case of Marckx v. Belgium* (Application no. 6833/74). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://hudoc.echr.coe.int/?i=001-57534>
76. *Case of Saccoccia v. Austria* (Application no. 69917/01). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://hudoc.echr.coe.int/?i=001-90342>
77. *Case of Sporrang and Lonroth v. Sweden* (Application no. 7151/75; 7152/75). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57580>
78. *Criminal Action No. 92-CR-105, United States of America, Plaintiff, v. DAMON S. FORBES, et. al., Defendants* [электронный ресурс], URL: https://www.erowid.org/psychoactives/law/cases/federal/federal_analog1.shtml
79. *EP v. Municipality of Avellino*, Case No. 349/2007 (It.). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.cortecostituzionale.it/documenti/download/doc/recent_judgments/S343_2007_Eng.pdf
80. *Foster v. Neilson*, 27 U.S. (2 Pet.) 253, 311 (1829). [Электронный ресурс]. Режим доступа: (<https://supreme.justia.com/cases/federal/us/27/253/>)
81. *He Kaw Teh v. The Queen*, 1985 157 C.L.R. 523, 528 (Australia). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://jade.io/article/>
82. *R v. Panayi*, 1989, United Kingdom House of Lords Decisions, 1 W.L.R. 187. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.bailii.org/uk/cases/UKHL/1988/4.html>
83. *United States v. Percheman*, 32 U.S. (7 Pet.) 51 (1833). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/32/51/>
84. *United States v. Postal*, 589 F.2d 862, 875 (5th Cir. 1979). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F2/589/862/>

85. *Linder v. Portocarrero*, 747 F. Supp. 1452, 1463 (S.D. Fla. 1990). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/747/1452/1479583/>
86. *Breard v. Greene*, 523 U.S. 371, 376 (1998). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/523/371>
87. *Marckx v. Belgium* (Application no. 6833/74). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://hudoc.echr.coe.int/?i=001-57534>
88. *Prosecutor v. Kunarac*, Case No. IT-96-23 & IT-96-23/1-A, International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia June 12, 2002. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.icty.org/x/cases/kunarac/acjug/en/kun-aj020612e.pdf>
89. *R v. Khan*, 2013, England and Wales Court of Appeal (Criminal Division) 800. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWCA/Crim/2013/800.html>
90. *Saccoccia v. Austria* (Application no. 69917/01). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://hudoc.echr.coe.int/?i=001-90342>
91. *Sporrong and Lonroth v. Sweden* (Application no. 7151/75; 7152/75). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57580>
92. *The Prosecutor v. Thomas Lubanga Dyilo*. Decision on the confirmation of charges, fn. 438. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.legal-tools.org/doc/b7ac4f>
93. *United States v. Bailey*, 840 F.3d 99, 108 (3d Cir. 2016). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://case-law.vlex.com/vid/united-states-v-bailey-1043204764>
94. *United States v. Jackson*, 856 F.3d 1187, 1192 (8th Cir. 2017). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://caselaw.findlaw.com/court/us-8th-circuit/1870393.html>
95. *United States v. Garcia-Lagunas*, 835 F.3d 479, 490 (4th Cir. 2016). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/ca4/14-4370/14-4370-2016-09-01.html>

96. *United States v. Bailey*, 840 F.3d 99, 108 (3d Cir. 2016). [Электронный ресурс].
Режим доступа: <https://case-law.vlex.com/vid/united-states-v-bailey-1043204764>
97. *United States v. Lyle*, 856 F.3d 191, 207–08 (2d Cir. 2017). [Электронный ресурс].
Режим доступа: <https://www.casemine.com/judgement/us/5c3cc567342cca549e0a74b4>
98. *R v. Panayi*, 1989, United Kingdom House of Lords Decisions, 1 W.L.R. 187.
[Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.bailii.org/uk/cases/UKHL/1988/4.html>
99. *He Kaw Teh v. The Queen*, 1985 157 C.L.R. 523, 528 (Australia). [Электронный ресурс].
Режим доступа: <https://jade.io/article/66982>
100. *United States v. Bailey*, 444 U.S. 394 (1980). [Электронный ресурс]. Режим
доступа: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/444/394/>
101. *United States v. Bailey*, 840 F.3d 99, 108 (3d Cir. 2016). [Электронный ресурс].
Режим доступа: <https://case-law.vlex.com/vid/united-states-v-bailey-1043204764>
102. *People v. Hood*, 1 Cal. 3d 444, 456 (1969). [Электронный ресурс]. Режим
доступа: <https://law.justia.com/cases/california/supreme-court/3d/1/444.html>
103. *United States v. U.S. Gypsum Co.*, 438 U.S. 422, 445 (1978). [Электронный
ресурс]. Режим доступа: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/438/422/>
104. *Haupt v. United States*, 330 U.S. 631, 641 (1947). [Электронный ресурс]. Режим
доступа: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/330/631/>
105. *United States v. Hilliard*, 31 F.3d 1509 (10th Cir. 1994). [Электронный ресурс].
Режим доступа: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F3/31/1509/592263/>
106. *United States v. Aleksandrs Hoholko, Jevgenijs Kuzmenko and Vitalijs Drozdovs*,
District Montana, 2010. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.govinfo.gov/content/pkg/USCOURTS-mtd-4_08-cr-00033/pdf/USCOURTS-mtd-4_08-cr-00033-0.pdf
107. *Rivard v. United States*, 375 F.2d 882 (5th Cir. 1967). [Электронный ресурс].
Режим доступа: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F2/375/882/277753/>

108. *United States v. Keller*, 451 F. Supp. 631 (D.P.R. 1978). [Электронный ресурс].
Режим доступа: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/451/631/1897407/>
109. *United States v. Williams*, 589 F.2d 210 (5th Cir. 1979). [Электронный ресурс].
Режим доступа: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F2/589/210/194163/>
110. *United States v. Baker*, 609 F.2d 134 (5th Cir. 1980). [Электронный ресурс].
Режим доступа: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F2/609/134/107091/>
111. *United States v. Noriega*, 746 F. Supp. 1506 (S.D. Fla. 1990). [Электронный ресурс].
Режим доступа: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/746/1506/1757098/>
112. *United States v. Noriega*, 683 F. Supp. 1373 (S.D. Fla. 1988). [Электронный ресурс].
Режим доступа: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/683/1373/2268211/>
113. *United States v. Sensi*, 879 F.2d 888, 893–94 (D.C. Cir. 1989). [Электронный ресурс].
Режим доступа: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F2/879/888/438660/>
114. *Demjanjuk v. Petrovsky*, 776 F.2d 571, 579–80 (6th Cir. 1985). [Электронный ресурс].
Режим доступа: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F2/776/571/443196/>
115. *United States v. Rauscher*, 119 U.S. 407 (1886). P. 430. [Электронный ресурс].
Режим доступа: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/119/407/>
116. S.S. “Lotus” (*France v. Turkey*), 1927 P.C.I.J. (ser. A) No. 10, at 18 (Sept. 7).
[Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.worldcourts.com/pcij/eng/decisions/1927.09.07_lotus.htm
117. *Queen v. R.* (1981) 3 Cr.App.R.(S) 245. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://caribbean.vlex.com/vid/table-of-cases-1067615796>

Монографии, учебные пособия и статьи на русском языке

118. Бастрыкин, А.И. Взаимодействие советского уголовно-процессуального и международного права / Бастрыкин А.И. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. - 135 с.
119. Беляев, И.Ю. Об объекте преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и сходных с ними веществ, в международном и российском законодательстве / А. Г. Безверхов, И. Ю. Беляев // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2022. – № 10(98). – С. 196-205.
120. Беляев, И. Ю. Проблема систем контроля за незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ / И. Ю. Беляев // Вопросы безопасности. – 2022. – № 1. – С. 35-47.
121. Власенков, В.В. Административная юрисдикция: Курс лекций / В.В. Власенков, В.В. Власов, В.П. Лозбяков, Ф.С. Разаренов, А.С. Телегин. - М.: Наука, 1994, с. 14.
122. Волженкина В. М. Оказание правовой помощи по уголовным делам в сфере международного сотрудничества: Учебное пособие. - СПб., 1999. – 112 с.
123. Галенская, Л.Н. Международная борьба с преступностью / Галенская Л.Н. - М.: Международные отношения, 1972. - 168 с.
124. Гасанов, Э.Г. Борьба с наркотической преступностью. Международный и сравнительно-правовой аспекты / Гасанов Э.Г. - М.: ЮрИнфоР, 2000. - 209 с.
125. Герхард Верле. Принципы международного уголовного права. – М.: Феникс, ТрансЛит, 2011. – 912 с.
126. Доклад Комиссии международного права. Семьдесят вторая сессия (А/76/10). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://legal.un.org/ilc/reports/2021/russian/a_76_10.pdf
127. Ежегодник Комиссии международного права, 2011 (А/CN.4/SER.A/2011/Add.1). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/russian/ilc_2011_v2_p2.pdf

128. Есаков, Г.А. Mens rea в уголовном праве США: историко-правовое исследование. Монография / Есаков Г.А.; Предисл.: Шишов О.Ф. - С.-Пб.: Юрид. центр Пресс, 2003. - 553 с.
129. Есаков, Г.А. Основы сравнительного уголовного права. Монография / Есаков Г.А. - М.: Изд-во «Элит», 2007. - 152 с.
130. Есаков, Г.А. Уголовное право зарубежных стран : учебное пособие / Г. А. Есаков, Н. Е. Крылова, А. В. Серебренникова ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Моск. гос. юрид. акад. - Москва : Проспект, 2009. - 336 с.
131. Зелинская, Н.А. Международные преступления и международная преступность. Монография / Зелинская Н.А. - Одесса: Юридическая литература, 2006. - 568 с.
132. Зельдов, С.И. Освобождение от наказания и от его отбывания / Зельдов С.И. - М.: Юрид. лит., 1982. - 136 с.
133. Карпец, И.И. Преступления международного характера / Карпец И.И. - М.: Юрид. лит., 1979. - 264 с.
134. Кибальник, А.Г. Современное международное уголовное право: понятие, задачи и принципы / Кибальник А.Г. - СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. – 448 с.
135. Князькина, А.К. Конвенционные преступления в уголовном праве Российской Федерации: понятие, виды, общая характеристика: Монография / Князькина А.К.; Под ред.: Чучаев А.И. - М.: Проспект, 2010. - 160 с.
136. Кривокапич Б. Международное право: учебник: пер. с сербского. Самара, 2018, с. 242.
137. Кривокапич, Б.Д. Проблемы международного права: учебник для магистрантов и аспирантов / Б.Д. Кривокапич; отв. ред. д-р юрид. наук, проф. А.Г. Безверхов, науч. ред. д-р юрид. наук, проф. А.В. Юдин. – Самара: Издательство Самарского университета. - 576 с.
138. Крылова, Н. Е. Уголовное право зарубежных стран в 3 т. Том 1. Общая часть. Англия. США : учебник для вузов / Н. Е. Крылова, Н. А. Голованова, И. Д.

- Козочкин ; ответственный редактор Н. Е. Крылова. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2023. - 240 с.
139. Левиафан / Томас Гоббс. - Москва: Мысль, 2001. С. 32.
140. Лукашук, И.И., Наумов, А.В. Выдача обвиняемых и осужденных в международном уголовном праве. Учебно-практическое пособие / Лукашук И.И., Наумов А.В. - М.: Рос. Юрид. изд. дом, 1998. - 160 с.
141. Лукашук И.И. Международное право. Общая часть. – М.: Волтерс Клувер, 2005, с. 251.
142. Лукашук, И.И. Международное право. Особенная часть : учебник / Лукашук И.И. - Москва : Волтерс Клувер, 2010. - 544 с.
143. Матвеева, Т. Д. Международное право : учебник для вузов / Т. Д. Матвеева. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2025, с. 166. — 432 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-16015-4. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. с. 166 — URL: <https://urait.ru/bcode/560460/p.166> (дата обращения: 12.09.2025).
144. Международное право : учебник / отв. ред. : Ю. М. Колосов, Э. С. Кривчикова. - Москва : Международные отношения, 2000. - 715 с.
145. Международное право. Общая часть: учебник для академического бакалавриата / под редакцией А. Я. Капустина. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. С. 125.
146. Международное право: учебник для вузов / А. Н. Вылегжанин [и др.]. - 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2025. С. 486.
147. Международное право: Учебник / Отв. ред. д.ю.н., проф. С.А. Егоров. – М.: Статут, 2016. С. 270.
148. Международное право. Общая часть: учеб. для студентов юрид. фак. и вузов / И.И. Лукашук; Рос. акад. наук, Инт государства и права, Академ. правовой унт. - Изд. 3е, перераб. и доп. - М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 165.
149. Международное сотрудничество и правовая помощь / Л. А. Лазутин // Законность. - 2008. - №3. - С. 34.

150. Милинчук В.В. Институт взаимной правовой помощи по уголовным делам. Действующая практика и перспективы развития. - М.: Юрлитинформ, 2001. - 352 с.
151. Минкова, Ю.В. Принципы института выдачи (экстрадиции) в международном праве. Монография / Минкова Ю.В. - М.: Изд-во РУДН, 2002. - 86 с.
152. Нефедов Б.И. Являются ли основные принципы уголовной ответственности индивидов общими принципами права? Часть 1: Принцип *nullum crimen sine lege* («нет преступления без указания на него в законе») // Международное правосудие. 2025. Т. 15, № 3(55). С. 66-77.
153. Нефедов Б.И. Являются ли основные принципы уголовной ответственности индивидов общими принципами права? Часть 2: принцип *non bis in idem* («не дважды за одно и то же») // Международное правосудие. 2025. Т. 15, № 4(56). С. 65-79.
154. Ожегов, Сергей Иванович [Электронный ресурс] : Материал из Википедии — свободной энциклопедии : Версия 10326782, сохран. в 16:02 UTC 4 августа 2008 / Авторы Википедии // Википедия, свободная энциклопедия. — Электрон. дан. — Сан-Франциско: Фонд Викимедиа, 2008. — Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/?oldid=10326782>
155. Оськина, И. Ю., Международное уголовное право : учебное пособие / И. Ю. Оськина, А. А. Лупу. - Москва : КноРус, 2020. - 380 с.
156. Панов, В.П. Международное уголовное право. Учебное пособие / Панов В.П. - М.: Инфра-М, 1997. - 320 с.
157. Прохоров Л. А., Прохорова М. Л. Уголовное право: Учебник. — М.: Юрист, 1999. С 146.
158. Сафаров, Н.А. Экстрадиция в международном уголовном праве: проблемы теории и практики / Сафаров Н.А. - М.: Волтерс Клувер, 2005. - 416 с.
159. Сидорова Е.В . Комплексное правовое регулирование : монография / Е.В. Сидорова. — М. : Юстиция, 2015. - 304 с.

160. Скуратова А.Ю. Особенности регулирования субъективной стороны преступления в международном уголовном праве // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2025. – № 2. – С. 6-11.
161. Скуратова А.Ю. Особенности содержания и применения принципа законности в международном уголовном праве // Российский юридический журнал. – 2024. – № 1(154). – С. 7-24.
162. Смирнов М.И. Понятие и современное состояние института взаимной правовой помощи по уголовным делам // Правоведение. - 2004. № 5. С. 161-172.
163. Строганова, А.К. Экстрадиция в уголовном процессе Российской Федерации // Строганова А.К. - М.: Издательство «Щит-М», 2005. – 141 с.
164. Уголовно-правовое воздействие : Монография / Г.А. Есаков, Т.Г. Понятовская, А.И. Рарог, А.И. Чучаев — Москва : Проспект, 2015. — 286 с.
165. Фисенко, И.В. Борьба с международными преступлениями в международном уголовном праве / Фисенко И.В. – Минск: «Тесей», 2000. - 336 с.
166. Черниченко С.В. Контурсы международного права. Общие вопросы / Черниченко С.В. - М.: Научная книга, 2014. - 592 с.
167. Шабалков, К. Е. Организационные формы борьбы с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ через таможенную границу ЕАЭС / К. Е. Шабалков // Академическая публицистика. – 2021. – № 3. – С. 303-309.
168. Шоу Малькольм Н. Международное право, 2 том. Алматы, 2019. - 716 с.
169. Шумилов, В.М. Правовая система США. Учебное пособие / Шумилов В.М. - М.: Международные отношения, 2006. - 408 с.
170. Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов - М.: Сов. Энциклопедия, 1983. - 840 с.

Монографии, сборники научных работ, статьи на иностранных языках

171. Ashworth, A. (2010). *Sentencing and Criminal Justice (Law in Context)*. Cambridge University Press. 504 p.
172. Aust, A. (2007). *Modern Treaty Law and Practice (2nd ed.)*. Cambridge University Press. 351 p.
173. Badar M.E. “Mens Rea – Mistake of Law and Mistake of Fact in German Criminal Law: A Survey for International Criminal Tribunals.” *International Criminal Law Review*, vol. 5, 2005, pp. 203–246.
174. Mohamed Elewa Badar. *The Concept of Mens Rea in International Criminal Law. The Case for a Unified Approach*. Oxford and Portland, Oregon. 2013.
175. Bassiouni, M. C. & Wise, E.M. (1995). *Aut Dedere Aut Judicare: The Duty to Extradite or Prosecute in International Law*. Martinus Nijhoff. 332 p. 7 1260 p.
176. Bassiouni, M. C. (2012). *Introduction to International Criminal Law (2nd ed.)*. Brill Nijhoff. P. 511.
177. Bassiouni, M. C. (2014). *International Extradition: United States Law and Practice (6th ed.)*. Oxford University Press. 1328 p.
178. Betti, S. “New Prospects for Inter-State Cooperation in Criminal Matters: The Palermo Convention”. *International Criminal Law Review*, 2003, vol. 3, no. 2, pp. 151-167.
179. Bewley-Taylor, Davd & Jelsma, Martin. (2012). *The UN Drug Control Conventions: The Limits of Latitude*. IDPC Series on Legislative Reform of Drug Policies No. 18. P. 7. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ssrn.com/abstract=2184316> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2184316>
180. Black, H.C. (1951). *Black’s Law Dictionary*. West Publishing. 1882 p.
181. *Black's Law Dictionary, 9th ed.* Bryan A. Garner, ed. - St. Paul: "West Group", 2009.-Юридический словарь Блэка, 9-е издание. Брайан Э.Гарнер.Издательство "Вест-Груп", 2009. С. 1189.
182. Blickman, Tom & Jelsma, Martin. (2009). “Drug Policy Reform in Practice: Experiences with Alternatives in Europe and the US,” *Nueva Sociedad*, no. 222. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.tni.org/files/drugsalternativesuseurope.pdf>

183. Binavince, E.S. "The Structure and Theory of the German Penal Code." *The American Journal of Comparative Law*, vol. 24, no. 4, 1976, pp. 594–601.
184. Blakesley, C.L. (1992). *Terrorism, Drugs, International Law, and the Protection of Human Liberty: A Comparative Study of International Law, Its Nature, Role, and Impact in Matters of Terrorism, Drug Trafficking, War, and Extradition*. Brill Nijhoff. 349 p.
185. Boister, N. (2012). *An Introduction to Transnational Criminal Law*. Oxford University Press. 301 p.
186. Broomhall, B. "Towards the development of an effective system of universal jurisdiction for crimes under international law". *New England Law Review*, vol. 35, no. 2, 2001, p. 399-420.
187. Cassese, A. (2003). *International Law* (2nd ed.). Oxford University Press, USA. 558 p.
188. Charlesworth, H., Chiam, M., Hovell, D., & Williams, G. (2005). "International Law and National Law: Fluid States." In *The Fluid State: International Law and National Legal Systems*. Sydney, NSW: The Federation Press. 304 p.
189. Chatterjee, S.K. (1981). *Legal Aspects of International Drug Control*. Springer. 587 p.
190. Cotic, D. (1988). *Drugs and Punishment: an up-to-date interregional survey on drug-related offences*. Rome: United Nations Social Defence Research Institute. 152 p.
191. Cranston, R. (2018). *Principles of Banking Law*. Oxford University Press. 632 p.
192. Dressler, J. (2001). *Understanding Criminal Law*. Lexis Publishing. 588 p.
193. Epps, V. "The Development of the Conceptual Framework Supporting International Extradition." *Loyola of Los Angeles International and Comparative Law Review*, vol. 25, no. 3, 2003, pp. 369-388.
194. Explanatory Report to the Council of Europe Convention on Laundering, Search, Seizure and Confiscation of the Proceeds from Crime and on the Financing of Terrorism. Warsaw, 16.V.2005, para 30. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rm.coe.int/16800d3813>

195. Fijnaut, C. "Transnational Crime and the Role of the United Nations." *European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice*, vol. 8, issue 2, 2000, pp. 119-127.
196. Fitzmaurice, G. (1958). *The General Principles of International Law Considered from the Standpoint of the Rule of Law*. Academie de Droit International de la Haye, vol. 92, 227 p.
197. Fletcher, A.K. "Pirates and Smugglers: An Analysis of the Use of Abductions to Bring Drug Traffickers to Trial". *Virginia Journal of International Law*, vol. 32, issue 1, 1991, pp. 233-254.
198. Fletcher, G. P. (2000). *Rethinking Criminal Law* (2nd ed.). New York: Oxford University Press. 934 p.
199. Friedrichs, D. (2007). *Transnational Crime and Global Criminology: Definitional, Typological and Contextual Conundrums*. *Social Justice*, vol. 34, issue 2, pp. 4-18.
200. Gallant, K.S. (2022). *International Criminal Jurisdiction: Whose Law Must We Obey?* Oxford University Press. 808 p.
201. Gardocki, L. (1989). "The Principle of Universality." In N. Jareborg (Ed.), *Double Criminality: Studies in International Criminal Law*. Iustus Förlag. 558 p.
202. Geraghty, A. H. "Universal Jurisdiction and Drug Trafficking: A Tool for Fighting One of the World's Most Pervasive Problems." *Florida Journal of International Law*, vol. 16, issue 2, 2004, pp. 371-404.
203. Hall, J. (1960). *General Principles of Criminal Law*. Bobbs-Merrill. 658 p.
204. Harvard Research in International Law. *Jurisdiction with Respect to Crime*. *The American Journal of International Law*, vol. 29, no. 1, 1935, pp. 439-635.
205. Henkin, L. (1995). *International Law: Politics and Values* (Developments in International Law, 18). Brill - Nijhoff. 380 p.
206. Hobbs, R. (1998). "Going Down the Glocal: The Local Context of Organised Crime." *The Howard Journal of Criminal Justice*, vol. 37, issue 4, pp. 407-422.
207. ILA Study Group on Principles on the Engagement of Domestic Courts with International Law, 'Final Report: Mapping the Engagement of Domestic Courts with International Law' (Johannesburg, 2016). [Электронный ресурс]. Режим доступа:

https://www.ila-hq.org/en_GB/documents/conference-study-group-report-johannesburg-2016

208. Krey, V. (2003). *Deutsches Strafrecht: Allgemeiner Teil, Band II*. Kohlhammer. 225 p.
209. LaFave, W. R., Scott, A. W. (1986). *Substantive Criminal Law (Vol. 1)*. Minnesota: West Publishing. 682 p.
210. Lea, J. (2004) 'Hitting Criminals Where it Hurts: Organised Crime and the Erosion of Due Process', *Cambrian Law Review*, 35, pp. 81-95.
211. Linke, R. (1985). *Extradition for Drug-Related Offences: A Study of Existing Extradition Practices and Suggested Guidelines for Use in Concluding Extradition Treaties*. United Nations. 82 p.
212. Loo, Mirjam & Beusekom, Ineke & Kahan, James. (2002). *Decriminalization of Drug Use in Portugal: The Development of a Policy*. *Annals of The American Academy of Political and Social Science*, no. 582, issue 1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/239770317_Decriminalization_of_Drug_Use_in_Portugal_The_Development_of_a_Policy
213. Mann, F.A. "The Doctrine of Jurisdiction in International Law (Volume 111)". *The Hague Academy Collected Courses Online / Recueil des cours de l'Académie de La Haye en ligne*. Brill Nijhoff, 1964, pp. 1-8.
214. Marchuk, I. (2014). *The Fundamental Concept of Crime in International Criminal Law: A Comparative Law Analysis*. Springer. 313 p.
215. *Model Legislative Provisions on Drug Control*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.unodc.org/unodc/en/legal-tools/model-treaties-and-laws.html>
216. Mueller, G. O. W. (2001). "Transnational Crime: Definitions and Concepts." In P. Williams & D. Vlassis (Eds.), *Combating Transnational Crime: Concepts, Activities, Responses*. London: Frank Cass. 406 p.
217. Nadelmann, E. (1990). "Global Prohibition Regimes: The Evolution of Norms in International Society." *International Organization*, vol. 44, issue 4, pp. 479-526.

218. Noll A. Drug abuse and penal provisions of the international drug control treaties
// https://www.unodc.org/unodc/en/data-and-analysis/bulletin/bulletin_1977-01-01_4_page004.html
219. O'Malley, T. (2006). *Sentencing Law and Practice* (2nd ed.). Thomson Round Hall. 717 p.
220. Packer H.L. . "The Model Penal Code and Beyond". *Columbia Law Review*, vol. 63, no. 4, 1963, pp. 594-607.
221. Plachta, Michael. "Aut dedere aut judicare: an overview of modes of implementation and approaches", *Maastricht Journal of European and Comparative Law*, vol. 6, 1999, pp. 331-65.
222. Radzinowicz, L., Hood, R. (1986). *A History of English Criminal Law Vol. 5 The Emergence of Penal Policy in Victorian and Edwardian England*. Stevens & Son, London. 1101 p.
223. *Research Handbook on International Drug Policy*. Edited by David R. Bewely-Taylor, Khalid Tinasti. Edward Elgar Publishing, 2020. 424 p.
224. Revised sentencing guidelines for drug offences of 27 January 2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.sentencingcouncil.org.uk/sentencing-and-the-council/about-sentencing-guidelines/about-published-guidelines/drugs/>
225. Roberts, J. (2008). *Punishing Persistent Offenders: Exploring Community and Offender Perspectives* (Clarendon Studies in Criminology). Oxford University Press. 298 p.
226. Sentencing Council, *Drugs Offences: Definitive Guideline*, February 2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.sentencingcouncil.org.uk/wp-content/uploads/Archived-Drug-offences-Definitive-guideline.pdf>
227. Sloss, D. (2009). "Treaty Enforcement in Domestic Courts: A Comparative Analysis." In *The Role of Domestic Courts in Treaty Enforcement: A Comparative Study*. Cambridge University Press. 656 p.

228. Stares, P. (1995). "The global drug phenomenon: Implications for policy." In *Policies and Strategies to Combat Drugs in Europe*. London: Martinus Nijhoff. 448 p.
229. Stewart, D. P. (1990). "Internationalizing the War on Drugs: The UN Convention against Illicit Traffic in Narcotic Drugs." *Denver Journal of International Law & Policy*, vol. 18, issue 3, pp. 387-404.
230. Sturge, G. (2024). *UK Prison Population Statistics*. House of Commons Library. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/sn04334/>
231. United Nations, *Fourth UN Survey of Crime Trends and Operations of Criminal Justice Systems UN Doc A/CONF.169/15/Add.1* (1995). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://digitallibrary.un.org/record/183256?ln=fr&v=pdf>
232. *United Nations Convention against Transnational Organized Crime*, New York, 15 November 2000, 2225 UNTS 209, in force 29 September 2003. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.unodc.org/documents/treaties/UNTOC/Publications/TOC%20Convention/TOCebook-e.pdf>
233. UNODC, *World Drug Report 2023* (United Nations publication, 2023). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: www.unodc.org/unodc/en/data-and-analysis/world-drug-report-2023.html
234. Wechsler, Herbert. "Codification of Criminal Law in the United States: The Model Penal Code." *Columbia Law Review*, vol. 68, no. 8, 1968, pp. 1425–56.
235. Williams, G. (1961). *Criminal Law: The General Part* (2nd ed.). London: Stevens & Sons. 929 p.
236. Williams, P., Savona, E. (1996). *The United Nations and Transnational Organized Crime*. London: Frank Cass & Co Ltd, 194 p.
237. *World Drug Report 2025. Methodological Annex Research and Trend Analysis Branch*. UNODC, Vienna. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/WDR_2025/Annex/WDR2025_Methodological_Annex.pdf

Электронные ресурсы

238. Официальный сайт Организации объединенных наций. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org>
239. Официальный сайт Управления ООН по наркотикам и преступности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.unodc.org/unodc/ru/index.html>
240. База данных решений Европейского суда по правам человека HUDOC [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.echr.coe.int/web/echr/hudoc-database-rus>
241. Информационно-справочный портал ШЕРЛОК Управления ООН по наркотикам и преступности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.unodc.org/cld/ru/st/home.html>
242. База данных решений Верховного суда США [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://supreme.justia.com/>
243. Официальный сайт Государственного издательства США (USGPO) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.govinfo.gov/>
244. Правовая база данных Eur-Lex. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/index.html>
245. База данных решений судов США. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://case-law.vlex.com/>
246. Официальный сайт Совета по вынесению приговоров в Англии и Уэльсе. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sentencingcouncil.org.uk/>
247. Официальный сайт электронной библиотеки ООН. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://digitallibrary.un.org/>
248. Официальный сайт Комиссии по вынесению приговоров США. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ussc.gov/>
249. База данных судебных прецедентов в сфере международного права. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.worldcourts.com/>

250. База данных Британского и Ирландского института правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bailii.org/databases.html>
251. Официальный сайт Конституционного суда Италии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cortecostituzionale.it/>
252. Официальный сайт Международного трибунала по бывшей Югославии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.icty.org/>
253. База данных прецедентов Международного уголовного суда. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legal-tools.org/cld>
254. Федеральный реестр законодательства Австралии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.legislation.gov.au/>
255. Официальный сайт законодательства Великобритании. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.legislation.gov.uk/>
256. Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.who.int/home>
257. База данных правовой информации Министерства юстиции Финляндии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.finlex.fi/en>
258. База данных законодательства штатов США Института правовой информации Корнельской юридической школы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.law.cornell.edu/>
259. Официальный сайт Комиссии международного права ООН. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legal.un.org/ilc/>

ПРИЛОЖЕНИЕ

Текст поправок к Единой конвенции 1961 г.

1. В ст. 36(1)(a) слово «извлечение» исключить и заменить его словом «экстрагирование».
2. В ст. 36(1)(a) слова: «предложение с коммерческими целями» исключить и заменить их словами: «предложение с целью продажи».
3. В ст. 36(1)(a) слово «распределение» исключить и заменить его словом «распространение».
4. В ст. 36(1)(a) слова: «доставка на каких бы то ни было условиях» исключить и заменить их словами: «доставка на любых условиях».
5. В ст. 36(1)(a) слово «маклерство» исключить и заменить его словом «посредничество».
6. В ст. 36(1)(a) слово «переотправка» исключить и заменить его словом «пересылка».
7. В ст. 36(1)(a) слово «перевоз» исключить и заменить его словом «перевозка».
8. В ст. 36(1)(a) слово «деяниями» исключить и заменить его словом «действиями».
9. В ст. 36(1)(a) слова: «доставка на каких бы то ни было условиях» исключить и заменить их словами: «доставка на любых условиях».
10. В ст. 36(2)(a)(ii) слова: «умышленное соучастие в каком-либо из таких преступлений, участие в сообществе с целью совершения и покушения на совершение какого-либо из таких преступлений» исключить и заменить их словами: «умышленное участие, сговор совершить или покушение на совершение любого из таких преступлений».
11. В ст. 36(2)(a)(ii) слово «деяниями» исключить и заменить его словом «действиями».
12. В ст. 36(2)(b)(i) слова: «считается подлежащим включению» исключить и заменить их словами: «считается включенным».

Текст поправок к Конвенции 1972 г.

1. В ст. 22(2)(a)(ii) слова: «умышленное соучастие в каком-либо из таких преступлений, участие в сообществе с целью совершения и покушения на совершение какого-либо из таких преступлений» исключить и заменить их словами: «умышленное участие, сговор совершить или покушение на совершение любого из таких преступлений».
2. В ст. 22(2)(a)(ii) слово «деяниями» исключить и заменить его словом «действиями».

Текст поправок к Конвенции 1988 г.

1. В ст. 3(1)(i) слова: «поставку на любых условиях» исключить и заменить их словами: «доставку на любых условиях».
2. В ст. 3(1)(i) слово «переправку» исключить и заменить его словом «отправку».
3. В ст. 3(1)(i) слова «транзитную переправку» исключить и заменить их словами: «пересылку транзитом».
4. В ст. 3(1)(i) слово «транспортировку» исключить и заменить его словом «перевозку».
5. В ст. 3(1)(c) слова: «с учетом своих конституционных положений и основных принципов своей правовой системы» исключить и заменить их словами: «с учетом своих конституционных принципов и основных принципов своей правовой системы».
6. В ст. 3(3) слово «осознание» исключить и заменить его словом «знание».
7. В ст. 6(2) слова: «считается подлежащим включению в любой существующий между Сторонами договор о выдаче в качестве правонарушения, которое может повлечь выдачу» исключить и заменить их словами: «считается включенным в любой существующий между Сторонами договор о выдаче в качестве правонарушения, влекущего выдачу».

8. В ст. 7(2)(a) слова: «сбора доказательств или показаний» исключить и заменить их словами: «сбор показаний или заявлений под присягой».
9. В ст. 7(2)(b) слова: «ознакомления с материалами судебного разбирательства» исключить и заменить их словами: «вручение судебных документов».

**Текст поправок к Конвенции об отмывании, выявлении, изъятии и
конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании
терроризма
(CETS N 198)**

В ст. 9(2)(c) слова: «на основании объективных фактических обстоятельств можно сделать вывод об осведомленности, умысле или мотиве в качестве элементов преступления, предусмотренного в этом пункте» исключить и заменить их словами: «знание, намерение или цель как составные элементы преступления, предусмотренного в этом пункте, могут быть установлены из объективных фактических обстоятельств дела».